

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

SOCIOLOGY

Издается с сентября 1997 г.
(до 2017 г. – под названием «Социология»)

Выходит один раз в квартал

2

2024

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Главный редактор** **ДАНИЛОВ А. Н.** – доктор социологических наук, член-корреспондент НАН Беларуси, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: a.danilov@tut.by
- Заместитель
главного редактора** **КУЧКО Е. Е.** – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: avesol@yandex.ru
- Ответственный
секретарь** **ЩЕЛКОВА Т. В.** – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: tanar2002@tut.by

- Абдина А. К.* ИТ-университет в Астане, Астана, Казахстан.
- Алимбекова Г. Т.* Центр изучения общественного мнения, Алма-Ата, Казахстан.
- Безнюк Д. К.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Гигин В. Ф.* Национальная библиотека Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
- Горшков М. К.* Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
- Король А. Д.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Лапина С. В.* Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
- Мамедов А. К.* Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
- Мысливец Н. Л.* Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
- Нарбут Н. П.* Российский университет дружбы народов, Москва, Россия.
- Оюунханд Ш.* Монгольский государственный университет, Улан-Батор, Монголия.
- Симхович В. А.* Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь.
- Скворцов Н. Г.* Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
- Титаренко Л. Г.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Тощенко Ж. Т.* Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
- Филинская Л. В.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Хуэйжун Ч.* Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук, Пекин, Китай.

EDITORIAL BOARD

- Editor-in-chief** **DANILOV A. N.**, doctor of science (sociology), corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: a.danilov@tut.by
- Deputy editor-in-chief** **KUCHKO E. E.**, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: avesol@yandex.ru
- Executive secretary** **SHCHYOLKOVA T. V.**, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: tanar2002@tut.by
-
- Abdina A. K.* Astana IT-University, Astana, Kazakhstan.
Alimbekova G. T. Center for Study of Public Opinion, Almaty, Kazakhstan.
Beznyuk D. K. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Gorshkov M. K. Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Hihin V. F. National Library of Belarus, Minsk, Belarus.
Huizhong Z. Institute of Russia, Eastern Europe and Central Asia of the Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China.
Filinskaya L. V. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Karol A. D. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Lapina S. V. Academy of Public Administration under the Aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Mamedov A. K. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Myslivets N. L. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Narbut N. P. RUDN University, Moscow, Russia.
Oyunhand Sh. National University of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia.
Simkhovich V. A. Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus.
Skvortsov N. G. Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia.
Titarenko L. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Toshchenko Zh. T. Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

EDITORIAL-IN-CHIEF COLUMN

УДК 001.89

ПРОФЕССИЯ, «РАСКОЛДОВЫВАЮЩАЯ» ОБЩЕСТВО: КАФЕДРЕ СОЦИОЛОГИИ БГУ 35 ЛЕТ

А. Н. ДАНИЛОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Исследуются вехи институционализации профессионального социологического образования в Беларуси, отмечается роль в этом процессе кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета. Подчеркивается мысль о том, что открытие в 1989 г. отделения социологии и создание кафедры социологии в БГУ стали заметным событием в развитии национальной системы образования, которое позволило завершить институционализацию социологической науки и начать подготовку профессиональных социологических кадров. Сегодня профессорско-преподавательский состав кафедры социологии вносит весомый вклад в подготовку высококвалифицированных специалистов и развитие социологической науки в стране.

Ключевые слова: Белорусский государственный университет; кафедра социологии; институционализация социологической науки; социология; социологическое образование.

Образец цитирования:

Данилов АН. Профессия, «расколдовывающая» общество: кафедре социологии БГУ 35 лет. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2024;2: 4–8.

EDN: YYREEI

For citation:

Danilov AN. A profession that «unravels» society: the department of sociology of the Belarusian State University is 35 years old. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2024;2:4–8. Russian.

EDN: YYREEI

Автор:

Александр Николаевич Данилов – доктор социологических наук, член-корреспондент НАН Беларуси, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Alexander N. Danilov, doctor of science (sociology), corresponding member of the Academy of Sciences of Belarus, full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
a.danilov@tut.by

A PROFESSION THAT «UNRAVELS» SOCIETY: THE DEPARTMENT OF SOCIOLOGY OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY IS 35 YEARS OLD

A. N. DANILOV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The milestones of institutionalisation of professional sociological education in Belarus are investigated, the role of the department of sociology of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University in this process is noted. The idea is emphasised that the opening of the department of sociology in 1989 and the creation of the department of sociology at the Belarusian State University became a significant event in the development of the national education system, which made it possible to complete the institutionalisation of sociological science and begin training professional sociological personnel. Today, the teaching staff of the department of sociology makes a significant contribution to the training of highly qualified specialists and the development of sociological science in the country.

Keywords: Belarusian State University; department of sociology; institutionalisation of sociological science; sociology; sociological education.

В Белорусском государственном университете 35 лет назад открылось социологическое отделение, на котором была создана кафедра социологии. Это стало важным событием в развитии отечественного гуманитарного знания. Сам факт признания социологии как науки являлся демонстрацией политической воли власти, попыткой обновить общество, определить направления его трансформации, прорисовать профиль будущего. Желание властных структур активизировать мощный научный потенциал для преодоления уже начавшегося глобального кризиса и найти ответы на новые вызовы и риски было вполне логичным. Официально было признано, что социология – фундаментальная академическая наука и что страна нуждается в социологических кадрах.

В условиях поиска оперативного выхода из кризисной ситуации социология, обладающая уникальной прогностической функцией, приобретает необычайную востребованность. В переходные периоды развития общества социологическая наука способна представить альтернативные сценарии будущих процессов, определить диапазон возможностей, открывающихся перед людьми на данном историческом этапе, указать на вероятные потери и долгосрочные последствия. Кроме того, социология обладает амелиористскими возможностями. Регулярные мониторинговые замеры позволяют своевременно выявлять и предупреждать (или хотя бы минимизировать) нарушения нормального хода социального развития, деструктивные явления в сфере общественных коммуникаций.

То, что лидером в подготовке профессиональных социологов стал БГУ, вполне оправданно. Именно здесь зарождалась социологическая наука, были изданы первые учебники и разработаны первые программы по дисциплине. В 1970–80-х гг. социологи БГУ большое внимание уделяли выполнению заказов на исследование социальных проблем в трудовых коллективах. Это позволяло предупредить возможные конфликты, выявить резервы повышения трудовой

активности, определить эффективность принимаемых администрацией решений, усовершенствовать стиль работы руководителей всех уровней, оптимизировать подбор и расстановку управленческих кадров. По примеру БГУ социологические структуры были созданы в других вузах. В этот период советские специалисты активно осваивали и осмысливали опыт развития мировой социологической мысли, большое внимание уделяли теоретическому анализу методологических проблем социологии, а также изучению динамики социальной структуры общества.

Развитие социологии в БГУ связано с именем Г. П. Давидюка. В 1972 г. он был приглашен в университет из Института философии и права Академии наук БССР. Ученый сразу задался целью создать в ведущем вузе республики социологическую специализацию. И уже в середине 1970-х гг. было произведено несколько выпусков философов с уникальной записью в дипломе «Философ. Прикладной социолог». В других вузах СССР подобной специализации не существовало. Вскоре в БГУ пришла министерская проверка. Указанная запись в дипломе была признана неправильной. Впредь было предписано делать запись «Преподаватель общественных наук», а решением сверху специализация «социология» была закрыта [1, с. 96].

Вклад Г. П. Давидюка в развитие социологической науки неоценим. Именно он стоял у истоков возрождения социологии в Беларуси, был инициатором и первым руководителем белорусского филиала Советской социологической ассоциации, создал первую научную структуру социологического профиля в рамках АН БССР, был самым успешным руководителем Проблемной научно-исследовательской лаборатории социологических исследований БГУ. Г. П. Давидюк разработал концепцию прикладной социологии и подготовил первые учебники по этой дисциплине. Среди его работ следует отметить издания «Введение в прикладную социологию» (1975) и «Прикладная социология» (1979), которые сыграли

важную роль в подготовке первых поколений белорусских социологов. Под руководством Г. П. Давидюка были подготовлены 48 кандидатов наук, впоследствии 12 из них стали докторами философских и социологических наук. По инициативе ученого был подготовлен первый в СССР словарь прикладной социологии (1984). Г. П. Давидюк не раз представлял белорусскую социологию на международной арене.

Вместе с тем в 1970–80-х гг. ситуация в отечественной социологии оставалась противоречивой. С одной стороны, были достигнуты большие результаты в области прикладных исследований, организации преподавания социологических дисциплин, подготовки кадров высшей квалификации, использования математических методов в социологии. Сделан прорыв в изучении проблем труда, промышленного и сельскохозяйственного производства, социальной структуры общества (рабочего класса, интеллигенции, сельских тружеников). Получили развитие исследования на тему образования, культуры, молодежной политики, рабочего и свободного времени, образа жизни, общественного мнения, средств массовой информации, советской семьи и т. д. С другой стороны, в научном сообществе нарастала обеспокоенность усилением социологического мифотворчества и снижением уровня востребованности теоретической и эмпирической социологии. Социологии по-прежнему отводилась роль источника лишь прикладного знания. Бытовало мнение о том, что социологическая наука функционирует только в дозволенных партией границах и не способна прогнозировать негативные тенденции и оценивать возможные риски.

В 1988 г. правящая партия приняла постановление «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых социальных проблем советского общества». Данное решение было принято с большим опозданием и не изменило положения в стране, однако предоставило уникальный шанс реабилитировать социологическую науку в Советском Союзе. В соответствии с постановлением предстояло вывести социологию на качественно новую ступень развития, существенно повысить теоретический, методологический и методический уровень научных разработок, сделать их использование в управлении и прогнозировании общественных процессов более эффективным, усилить демократизацию и гласность. Принимаемые меры были направлены на обеспечение комплексности и результативности социологических исследований, развитие сети социологических институтов и центров, повышение роли служб социального развития на предприятиях и в организациях, совершенствование социологического образования, создание научно обоснованной системы изучения общественного мнения, расширение информационной базы социологии, увеличение выпуска и повышение качества социологической литературы, улучшение материально-

технического и финансового обеспечения научных работ [2, с. 7–22].

Через несколько месяцев в структурах АН СССР были учреждены подразделения социологического профиля. Институт социологических исследований АН СССР был преобразован в Институт социологии АН СССР. В регионах по мере необходимости и при наличии соответствующих кадров поэтапно были созданы социологические научные структуры. Ситуация в сфере социологического образования кардинально изменилась. В крупнейших университетах СССР были открыты социологические факультеты и отделения, лаборатории, созданы аспирантуры, докторантуры, сформирована система советов по защите диссертаций по социологическим наукам. Выросло количество выпускаемой научной, методической и учебной литературы по социологии. Методологической и методической основой создания учебного плана по новой дисциплине послужили немногочисленные монографии и даже конспекты лекций высокопрофессиональных отечественных социологов, а также переводы работ зарубежных авторов.

В 1989 г. на философско-экономическом факультете (с 1999 г. факультет философии и социальных наук) БГУ были открыты отделение социологии и кафедра социологии [3]. Деканом отделения и первым заведующим кафедрой стал профессор А. Н. Елсуков. В 1990 г. был создан Институт социологии АН БССР [4]. Его директором стал академик Е. М. Бабосов. Во всех вузах Беларуси курс по общей социологии стал обязательным. Были подготовлены новые учебные программы и курсы лекций, активно издавалась научная и учебная литература социологического профиля.

За прошедшие 35 лет произошли большие перемены: сформировалась эффективная, адекватная времени система подготовки специалистов. Об этом свидетельствуют достижения наших бывших студентов, которые работают как в Беларуси, так и в странах ближнего и дальнего зарубежья. Позже эстафету заведующего кафедрой социологии А. Н. Елсуков передал профессору Д. Г. Ротману [5]. С 2005 г. подразделение возглавляет профессор А. Н. Данилов.

Системный кризис конца 1980-х гг. предъявил новые требования к социологической науке. Интерес к исследованию трансформации белорусского общества, ценностных ориентаций разных групп населения, политической активности граждан, стратификации и демографических характеристик социума под воздействием экономических и социально-психологических факторов резко возрос. Особое внимание социологи Беларуси уделили анализу развития молодежной политики государства.

Перестройка породила новые возможности для социологической науки. С одной стороны, демократизация и гласность требовали создания новых форм политической работы. С другой стороны, начался период активной коммерциализации эмпирических

исследований, значительно сократились ассигнования на развитие академической науки.

Тяжелый период после распада СССР привел к множеству противоречивых социальных процессов, смене культурного кода общества. Бывшим союзным республикам пришлось самостоятельно выбирать дальнейший путь развития, разрабатывать внутреннюю и внешнюю политику, создавать новую идеологию. Новые обстоятельства требовали создания социальных теорий и концепций, отвечающих вызовам времени.

В БГУ собралась группа профессиональных социологов, готовых трудиться на благо страны. В первый состав кафедры социологии входили профессор А. Н. Елсуков, доценты И. Я. Писаренко, А. П. Лимаренко, В. Л. Абушенко, лаборанты О. И. Логинова и Н. И. Плотникова. Вскоре в докторантуру на кафедру была зачислена доцент Л. Г. Титаренко.

Трудными для социологической науки стали 1990-е гг. Стоял вопрос о будущем социологии. Социологическое сообщество выживало только благодаря неиссякаемому энтузиазму. Из Проблемной научно-исследовательской лаборатории социологических исследований БГУ на кафедру социологии пришли работать профессионалы: Д. Г. Ротман, С. Н. Бурова, Ж. М. Грищенко, К. Г. Лапич и др. Чуть позже к ним присоединились П. П. Украинец, Л. А. Гуцаленко, О. В. Терещенко, Е. Е. Кучко и Е. А. Кечина. Ввиду увеличения объема учебной нагрузки отдельные курсы предложили читать ведущим академическим социологам Е. М. Бабосову и Г. Н. Соколовой. После успешной защиты кандидатской диссертации на кафедру был приглашен Д. К. Безнюк. После переезда Л. В. Филинской из Харькова в Минск ряды кафедры пополнились еще одним профессиональным социологом. Незаменимой для всех сотрудников была ведущий специалист кафедры Е. В. Филимончик. Постепенно сформировался костяк подразделения.

В 2003–2005 гг. кафедру возглавлял известный белорусский социолог, директор Центра социологических и политических исследований БГУ, доктор социологических наук, профессор Д. Г. Ротман. В данный период заметно расширились международные связи подразделения, акцент в образовательном процессе был смещен на закрепление практических навыков будущими выпускниками. В эти годы на кафедру были приглашены кандидаты социологических наук Т. В. Шелкова, М. Г. Волнистая, Н. А. Елсукова. Профессорско-преподавательский коллектив пополнился лучшими выпускниками социологического отделения, хорошо зарекомендовавшими себя в учебе, научно-исследовательской и практической работе. Многие из них к настоящему времени стали кандидатами наук. Это Т. В. Бурак, Н. В. Курилович, Е. Г. Павлова, Е. В. Шкурова, А. А. Похомова, А. Ю. Сакович.

В последние годы многие сотрудники кафедры защитили докторские диссертации: Д. К. Безнюк (2006), Е. А. Кечина (2009), Е. Е. Кучко (2010), О. В. Ко-

бьяк (2016). Работают на кафедре и учатся в докторантуре доценты М. Г. Волнистая и А. А. Похомова. Подразделение продолжает успешно готовить кадры высшей научной квалификации.

БГУ – это не только бренд, но и в какой-то степени элитный клуб, олицетворение отечественной науки. Каждый сотрудник кафедры социологии это понимает и ценит. Наше подразделение – это живой организм, где постоянно происходит естественный отбор: кто-то приходит и остается навсегда, кто-то, испытав на себе все сложности современного преподавательского труда, понимает, что это не его путь, и уходит. Но, расставаясь, мы всегда остаемся на связи, стремимся поддерживать дружеские отношения, приходим на помощь друг другу в трудную минуту.

Основателей кафедры – Г. П. Давидюка, А. Н. Елсукова, И. Я. Писаренко, В. Л. Абушенко, А. П. Лимаренко, Д. Г. Ротмана, С. Н. Бурову – можно назвать настоящими подвижниками социологической науки. Им выпала почетная, но очень трудная миссия организовать учебный процесс по новой специальности буквально с нуля. Они создали первый учебный план по социологии, программу новых курсов, написали учебники нового поколения. Ведущие профессора кафедры А. Н. Елсуков, П. П. Украинец, Л. А. Гуцаленко и Л. Г. Титаренко подготовили учебник «Социология», который выдержал пять изданий и вышел общим тиражом более 20 тыс. экземпляров. За создание этого учебника они были удостоены высшей университетской награды – Премии имени В. И. Пичеты (2009). Преподаватели, аспиранты и студенты кафедры социологии поддерживают активные научные контакты с сотрудниками Центра социологических и политических исследований БГУ, а также Института социологии НАН Беларуси (которым, кстати, руководят наши докторанты Н. Л. Мысливец и А. В. Посталовский). Студенческая научно-исследовательская лаборатория «Социум» под руководством доцента Л. В. Филинской признана лучшей в БГУ.

За прошедшее 35 лет кафедра социологии стала лидером социологического знания в Беларуси, получила признание коллег ближнего и дальнего зарубежья. Этот успех достигнут благодаря усилиям всех поколений профессорско-преподавательского состава. И сегодня кафедра социологии в числе лучших.

Среди сотрудников кафедры шесть докторов социологических наук: А. Н. Данилов, Л. Г. Титаренко, А. В. Рубанов, Д. К. Безнюк, Е. А. Кечина, Е. Е. Кучко. Все они активно участвуют в научно-исследовательской работе. На данный момент реализуются семь крупных научных проектов по линии Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований и Министерства образования Республики Беларусь.

Кафедра объединяет вокруг себя лучшие социологические силы страны. С 2000 г. на базе подразделения

функционирует общественное объединение «Социологическое общество». Развиваются международные образовательные и научные связи кафедры социологии. Так, заключены договоры о сотрудничестве с Институтом социологии РАН, социологическим факультетом Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, факультетом социологии Санкт-Петербургского государственного университета. Преподаватели кафедры проходят стажировку в ведущих социологических центрах мира.

Монографии, учебные пособия, хрестоматии, энциклопедии, подготовленные коллективом кафедры, отвечают современному уровню социологической науки. Издание «Журнал БГУ. Социология» пользуется высоким авторитетом в профессиональном сообществе.

Выпускники подразделения востребованы и успешно конкурируют на рынке труда как в Беларуси, так и за рубежом. За 35 лет выпущено более 2 тыс. высококвалифицированных специалистов. Сегодня формируется новое поколение научной интеллигенции, современной генерации профессиональных ученых-социологов.

Ежегодно на конкурсной основе формируется аспирантура по следующим специальностям: 22.00.01 «Теория, методология и история социологии», 22.00.08 «Социология управления», 22.00.04 «Социальные структуры и социальные институты».

Потребность общества в профессиональных социологах не является стабильной, но качество знаний и навыков наших специалистов всегда остается высоким. Мы готовы к новым вызовам и стараемся организовать подготовку специалистов в соответствии с мировыми стандартами. Такая профессия, как социолог, открывает перед молодыми людьми широкую дорогу к признанию. И разве не интересно изучать социальные процессы, взаимодействие разных слоев населения, происходящие в обществе перемены, видеть, как на твоих глазах меняется мир, преобразовывать его, осваивать новые технологии, включаться в киберпространство? Каждый социолог имеет свою мировоззренческую позицию, испытывает чувство гражданственности и патриотизма. Сегодня социология стала одним из главных источников получения знаний о современном обществе и процессах, протекающих в нем, о человеке и его социальном самочувствии. Социологи активно включились в решение социально-политических проблем суверенной Республики.

Социологическая наука в Беларуси выходит на новый уровень. Ей еще предстоит преодолеть веками копившиеся социальные противоречия, перейти от конфронтации к согласию и совместной созидательной деятельности. На разрешение именно этих проблем нацелена социология – наука, которая помогает обществу стабильно развиваться и своевременно реагировать на внезапные угрозы.

Библиографические ссылки

1. Давидюк ГП. Беларусь: в муках, страданиях родилась социология. *Социологические исследования*. 2008;6:93–99.
2. Данилов АН, Елсуков АН, Безнюк ДК, редакторы. *Кафедре социологии БГУ 20 лет*. Минск: Право и экономика; 2009. 391 с.
3. Данилов АН, редактор. *Память и слава: Альберт Николаевич Елсуков. К 80-летию со дня рождения*. Минск: БГУ; 2016. 279 с.
4. Данилов АН, составитель. *Евгений Михайлович Бабосов: к 85-летию со дня рождения*. Минск: Беларуская навука; 2016. 270 с.
5. Ротман ДГ. *Избранное*. Минск: ГИУСТ БГУ; 2009. 386 с.

References

1. Davidyuk GP. Belarus: in pain and suffering sociology was born. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2008;6:93–99. Russian.
2. Danilov AN, Elsukov AN, Beznyuk DK, editors. *Kafedre sotsiologii BGU 20 let* [20 years of the department of sociology of Belarusian State University]. Minsk: Pravo i ekonomika; 2009. 391 p. Russian.
3. Danilov AN, editor. *Pamyat' i slava: Al'bert Nikolaevich Elsukov. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya* [Memory and glory: Albert Nikolaevich Yelsukov. On the 80th anniversary of his birth]. Minsk: Belarusian State University; 2016. 279 p. Russian.
4. Danilov AN, compiler. *Evgenii Mikhailovich Babosov: k 85-letiyu so dnya rozhdeniya* [Evgeny Mikhailovich Babosov: on the 85th anniversary of his birth]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2016. 270 p. Russian.
5. Rotman DG. *Izbrannoe* [Selected works]. Minsk: GIUST BGU; 2009. 386 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 12.03.2024.
Received by editorial board 12.03.2024.

УДК 172.4:172.16:332.021:1

ДВЕ СТРАТЕГИИ ПРОЧТЕНИЯ ПРОЕКТА ВЕЧНОГО МИРА И. КАНТА: КОСМОПОЛИТИЗМ vs ЭТАТИЗМ

Т. Г. РУМЯНЦЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Отмечается, что в XX и XXI вв. политические идеи И. Канта, в частности его проект вечного мира, не только не утратили свое значение, но и послужили основой для создания ряда программ и проектов, призванных построить равноправные межгосударственные отношения и обеспечить глобальную безопасность. Проект вечного мира И. Канта не раз становился объектом полемики представителей разных философских концепций. Предпринимается попытка рассмотреть две противоположные концепции толкования политической философии мыслителя. Сторонники космополитической концепции опираются на те положения И. Канта, в которых решающая роль в обеспечении глобального мира отводится межгосударственным объединениям. Сторонники этатистской концепции не только опровергают взгляды своих оппонентов, но и сомневаются в том, что сам И. Кант придерживался космополитической точки зрения.

Ключевые слова: И. Кант; вечный мир; государство; международные организации; космополитизм; У. Бек; этатизм; Ф. Хинсли.

Благодарность. Статья выполнена в рамках государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» (подпрограмма «Философия», тема «Кантовский мирный проект как философско-мировоззренческое обоснование безопасности современного мира», № гос. регистрации 619/97).

Образец цитирования:

Румянцова Т.Г. Две стратегии прочтения проекта вечного мира И. Канта: космополитизм vs этатизм. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2024;2:9–13.
EDN: YJSASI

For citation:

Rumyantseva TG. Two strategies for reading the project of the eternal peace by I. Kant: cosmopolitanism vs statism. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2024; 2:9–13. Russian.
EDN: YJSASI

Автор:

Татьяна Герардовна Румянцова – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук.

Author:

Tatyana G. Rumyantseva, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
t.rumyan30@gmail.com

TWO STRATEGIES FOR READING THE PROJECT OF THE ETERNAL PEACE BY I. KANT: COSMOPOLITANISM vs STATISM

T. G. RUMYANTSEVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. It is noted that in the 20th and 21st centuries the political ideas of I. Kant, in particular his project of eternal peace, not only did not lose their importance, but also served as the basis for the creation of a number of programmes and projects designed to build equal interstate relations and ensure global security. The project of eternal peace by I. Kant has repeatedly become the object of controversy by representatives of various philosophical concepts. An attempt is made to consider two opposing concepts of interpretation of the thinker's political philosophy. Proponents of the cosmopolitan concept rely on those provisions of I. Kant, in which the decisive role in ensuring global peace is assigned to interstate associations. Supporters of the statist concept not only refute the views of their opponents, but also doubt that I. Kant himself adhered to the cosmopolitan point of view.

Keywords: I. Kant; eternal peace; state; international organisations; cosmopolitanism; W. Beck; statism; F. Hinsley.

Acknowledgements. The article was carried out within the framework of the state research programme «Society and humanitarian security of the Belarusian state» (subprogramme «Philosophy», theme «Kant's peace project as a philosophical and ideological justification for the security of the modern world», state registration No. 619/97).

Политические идеи, сформулированные И. Кантом в работе «К вечному миру» (1795), получили широкое распространение и были развиты в теоретических построениях новейших школ, течений и направлений. В XX и XXI вв. эти идеи не только не утратили свое значение, но и послужили основой для создания ряда программ и проектов, призванных построить равноправные межгосударственные отношения и обеспечить глобальную безопасность. Проект вечного мира И. Канта не раз становился объектом теоретической полемики и даже борьбы представителей разных философских концепций. В центре этого противостояния находится вопрос о том, кому должна принадлежать ведущая роль в процессе установления мира и безопасности в современном обществе: негосударственным, преимущественно международным, организациям (космополитическая концепция) или государственным структурам (государственническая, или статистская, концепция). Таким образом, существуют два прочтения политической философии И. Канта. Многочисленные сторонники космополитической концепции опираются на те положения И. Канта, в которых решающая роль в обеспечении глобального мира отводится межгосударственным объединениям (подобные инициативы немецкий философ называл союзом государств). Сторонники государственнической концепции не только опровергают взгляды своих оппонентов, но и сомневаются в том, что сам И. Кант придерживался космополитической точки зрения. Приводя цитаты из работ философа, в первую очередь из трактата «К вечному миру», они дают им собственную интерпретацию. Разумеется, внимание привлекает не только это произведение, но и другие работы, где И. Кант рассуждает на тему целей и перспектив межгосударственных общественно-политических отношений. Речь идет о произведениях «Идея всеобщей истории во все-

мирно-гражданском праве» (1784), «Об изначально злом в человеческой природе» (1792), «О поговорке может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» (1793), «Метафизика нравов» (1797) и др. Рассмотрим каждую из концепций подробнее.

Предпосылки для формирования космополитических идей возникли еще в эпоху Античности, однако принято полагать, что именно И. Кант сумел придать им статус учения, основанного на ряде философских принципов. Более того, считается, что благодаря немецкому философу зародилась современная идея космополитизма. Именно И. Кант дал политическое обоснование мировоззрению, отстаивающему идею мирового гражданства и ставящему общечеловеческие интересы и ценности выше интересов отдельной нации. Космополитические концепции имеют достаточно продолжительную историю, но особую популярность они обрели в 1990-х гг., в условиях начавшегося процесса глобализации. В рамках транснационального пространства космополитизм позиционирует себя как наиболее адекватное выражение современного состояния общества и как новая эра в международных отношениях [1].

Представители современных космополитических концепций – У. Бек, К. Э. Аппиа, М. Нуссбаум и др. – для аргументации своих взглядов часто ссылаются на политическую философию И. Канта. Некоторые из них, в частности У. Бек, цитируют его тезис о том, «что не может быть никакого иного способа выйти из свободного от закона состояния постоянной войны, кроме как отречься от своей дикой свободы, приспособиться к публичным принудительным законам и образовать таким путем (разумеется, постоянно расширяющееся) государство народов, которое в конце концов охватит все народы земли» [2, с. 275]. В данном высказывании И. Кант говорил об образовании мировой республики, которая бы сменила перманентное состояние войны на длительное пра-

вовое состояние. Но, как полагает У. Бек, немецкий философ имел в виду создание не единого мирового государства, способного гарантировать вечный мир между народами, а мирного союза государств или народов как наилучшей формы мирного порядка на Земле. И. Кант считал, что государства не могут добровольно ограничить свой суверенитет. Кстати, план о создании такого союза в определенной мере был воплощен в жизнь в 1920 г. в формате Лиги Наций, а затем в 1945 г. в формате ООН.

Опираясь на идеи И. Канта об общей судьбе человечества, современные авторы пишут о превращении общества в социально-политическую макросистему, имеющую соответствующий материальный и духовный фундамент, а также о том, что сегодня политические процессы происходят на вненациональном, наднациональном, глобальном и транснациональном уровнях. Представители обеих концепций прочтения проекта вечного мира опираются на факт существования многочисленных международных структур, действующих по всеобщим законам внешней политики.

Наиболее яркий выразитель идей современного космополитического мировоззрения У. Бек в своей книге «Космополитическое мировоззрение» описывает негативные причины того, почему данная идеология оказалась в центре внимания на рубеже двух тысячелетий, и акцентирует внимание на разгорании межкультурных и религиозных конфликтов, гражданских войн, терроризма и других порождаемых глобализацией вызовов и угроз, разрушающих традиционную метафизику национальных государств и требующих космополитизации мира как «программы принудительного обучения его открытости» [3, с. 152]. У. Бек убежден в том, что в условиях глобальных рисков границы между национальной и международной сферами становятся размытыми. Даже могущественные державы оказываются бессильными перед лицом современных угроз. Именно поэтому человечеству остается выбирать между космополитизмом как принципом организации бытия, предполагающим сотрудничество и создание международных правовых институтов, и национально-государственным хаосом [3, с. 196].

По убеждению У. Бека, аргументация И. Канта, основанная на историческом оптимизме, превратила стремление к миру в теорию мирового гражданства. Немецкий философ четко выразил ее в категориях права. В отношениях между только обретшими суверенитет государствами, по его мнению, царил анархия, которая непременно привела бы к вооруженным конфликтам, и только реализация предложенного им республиканско-федеративного принципа могла бы предотвратить военное насилие. Неслучайно обнаруженные в 1784 г. тезисы И. Канта, в которых он выказывает стремление к активному упорядочиванию мира, называют «секретным основополагающим документом настоящего» [3, с. 67–68]. Хотя не-

которым современным ученым идея И. Канта о том, что в основе построения всемирного гражданского общества должны лежать универсальные ценности в виде прав человека и человеческого разума, кажется опасной. Дело в том, что в таком случае существует риск исключения из общества тех, кто просто не способен следовать установленному порядку.

Представители так называемого гуманистического направления космополитизма в лице британо-американского философа и писателя К. Э. Аппиа, а также профессора права и этики Чикагского университета М. Нуссбаум призывают к поиску мыслителей, которые смогут остановить извечное противостояние цивилизаций и объединить мир. Так, К. Э. Аппиа в одной из своих работ [4] отмечает, что именно кантовский универсализм и общность между людьми, восходящая к философии греков и киников IV в. до н. э., составляют смысловое ядро гуманистического космополитизма, отвергающего местническую или национальную лояльность ради высшего блага. В то же время К. Э. Аппиа декларирует необходимость проявлять интеллектуальную открытость всему неизвестному и чуждому, признавать и уважать разнообразие как принцип фундаментального устройства Вселенной. М. Нуссбаум, отстаивая старый идеал космополита, преданного сообществу людей во всем мире, связывает его с мультикультурализмом и уважением человека [5]. Но даже в этих обновленных версиях космополитизма, отстаивающих сохранение всего уникального, регионального и особенного, главенствующей по-прежнему остается идея о приоритете объединяющих ценностей над национально-региональными ценностями. Таким образом, по определению современного космополитизма глобализация в определенной мере обновляет идею И. Канта о всемирном гражданском обществе и союзе государств, дополняя ее тезисами о комбинировании государственного суверенитета и межгосударственной солидарности на основе демократического самоопределения народов.

Прямо противоположным космополитическому толкованию политической философии И. Канта является ее этатистское прочтение. В интерпретации вопроса о роли государства и негосударственных акторов в международном установлении мира и безопасности сторонники этатистской концепции придерживаются другой стратегии. Истоки этатизма, как и истоки космополитизма, идут из древности. Что касается современного этатизма, то он берет свое начало в Западной Европе рубежа XV–XVI вв. и связан с укреплением власти монархов. Главный принцип этатистской идеологии можно выразить следующим образом: чем больше государство вмешивается в дела общества, тем лучше для общества.

Современные представители этатизма опровергают космополитические взгляды немецкого философа и обосновывают необходимость активного вмешательства государства в экономику и политическую

жизнь социума, рассматривая государство как высший результат и цель общественного развития. Наиболее ярким представителем современного этатизма можно назвать профессора Ф. Хинсли. Он полагает, что мирные инициативы государств в последние годы XIX в. были впервые вызваны страхом перед опасностью войны, а не страхом перед ее последствиями. В работе [6], посвященной природе и истории международных отношений, Ф. Хинсли представляет свои выводы о причинах войн и способах их предотвращения. Автор утверждает, что современные мирные предложения просто копируют или дополняют более ранние схемы, разработанные Ж.-Ж. Руссо, И. Кантом, И. Бентамом и другими мыслителями. Ф. Хинсли также исследует эволюцию системы функционирования современных государств в период между XVIII в. и началом Первой мировой войны. По его убеждению, приписывать И. Канту космополитические взгляды на государство ошибочно, так как под федерацией немецкий философ имел в виду не более чем договор, заключаемый государствами в целях установления мира. Главными же игроками на международной арене выступают государства, мир находится только в их руках. По мнению Ф. Хинсли, учение И. Канта содержит мысль об автономии государств и сохраняющейся неизбежности их существования и укрепления, так как каждый из них имеет право на свободу согласно нравственному закону [6, с. 63]. Ф. Хинсли пишет, что государство, как и человек, не может пожертвовать своей свободой в пользу международной федерации и что И. Кант также выступал против мирового правительства и полного слияния государств. Более того, Ф. Хинсли утверждает, что немецкий философ считал возможным достижение мира именно через обеспечение свободы государств, поэтому и довел доктрину государственного суверенитета и автономии до логического завершения в работах «Идея всеобщей истории» и «К вечному миру» [6, с. 65–66]. Но из-за того, что И. Кант использовал в своих трактатах такие формулировки, как «федерализм свободных государств», «союз наций», «свободная федерация», «федеральный союз», теоретики сделали вывод, что он являлся сторонником именно международной федерации в современном понимании этого термина. На самом же деле, по словам Ф. Хинсли, немецкий философ, как и отцы-основатели Америки, создавшие ее конституцию, имел в виду замену несовершенной системы международного права системой, где верховенство имеет международное публичное право, признаваемое государствами, которые сохра-

няют свою независимость [6, с. 66]. При этом И. Кант, по мнению Ф. Хинсли, не признавал никакого международного органа или мирового правительства. Речь в данном контексте шла только о союзе наций и добровольном принятии отдельными государствами права, всестороннее развитие которого в конечном счете и приведет к международному миру [6, с. 79].

Этатистская интерпретация теории И. Канта о международных отношениях так же, как и космополитическая, имеет определенное текстологическое основание. В трактате «К вечному миру» философ писал о неизбывной роли государства в развитии общества и утверждал, что только в перспективе эта роль может стать второстепенной. Это может произойти в том случае, если функции государства будут постепенно перераспределяться между свободными негосударственными ассоциациями в лице международных организаций. В пользу этатистской интерпретации идей И. Канта свидетельствует и то, что он выступал против так называемого мирового государства с его монополией на все виды власти и не считал его гарантом мира и безопасности: «...каждое государство видит свое величие... именно в том, чтобы не быть подчиненным никакому внешнему, основанному на законе принуждению... <...> Этот союз имеет целью не приобретение власти государства, а исключительно лишь поддержание и обеспечение свободы государства для него самого и в то же время для других союзных государств, причем это не создает для них необходимости... подчиняться публичным законам и их принуждению» [2, с. 272; 274]. И. Кант отмечал, что существование суверенных государств, согласно идее разума, лучше, чем слияние государств в единую державу. Достижение мира, по мнению И. Канта, олицетворяет собой активнейшее соревнование стран.

Таким образом, в политической философии И. Канта присутствуют идеи, коррелирующие и с космополитическим, и с этатистским прочтением его представлений о международной политике. В совокупности они представляют диалектику двух тенденций развития мирового сообщества. Их тесная связь, продемонстрированная в учении немецкого философа, соответствует объективным законам общественного развития. Как показывает анализ текстов И. Канта, решение спора между сторонниками космополитической и этатистской концепций истолкования его идей по поводу глобального мира возможно через обеспечение государственного суверенитета и соблюдение государствами международного публичного права.

Библиографические ссылки

1. Бек У. Космополитическое общество и его враги. Хохлова ИМ, переводчик. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2003;6(1):24–53.
2. Кант И. *Сочинения в шести томах. Том 6*. Асмус ВФ, Гулыга АВ, Ойзерман ТИ, редакторы. Москва: Мысль; 1966. К вечному миру; с. 257–311.

3. Бек У. *Космополитическое мировоззрение*. Москва: Центр исследований постиндустриального общества; 2008. 311 с.
4. Appia KA. *Cosmopolitanism: ethics in a world of stranger*. London: Penguin; 2015. 224 p.
5. Нуссбаум М. Патриотизм и космополитизм. *Логос*. 2006;2(53):110–119.
6. Hinsley FH. *Power and the pursuit of peace theory and practice in the history of relations between states*. Cambridge: Cambridge University Press; 2004. 391 p.

References

1. Beck U. [Cosmopolitan society and its enemies]. Khokhlova IM, translator. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2003;6(1):24–53. Russian.
2. Kant I. *Sochineniya v shesti tomakh. Tom 6* [Writings in six volumes. Volume 6]. Asmus VF, Gulyga AV, Oizerman TI, editors. Moscow: Mysl'; 1966. [To eternal peace]; p. 257–311. Russian.
3. Beck U. *Kosmopoliticheskoe mirovozzrenie* [Cosmopolitan vision]. Moscow: Tsentr issledovaniy postindustrial'nogo obshchestva; 2008. 311 p. Russian.
4. Appia KA. *Cosmopolitanism: ethics in a world of stranger*. London: Penguin; 2015. 224 p.
5. Nussbaum M. [Patriotism and cosmopolitanism]. *Logos*. 2006;2(53):110–119. Russian.
6. Hinsley FH. *Power and the pursuit of peace theory and practice in the history of relations between states*. Cambridge: Cambridge University Press; 2004. 391 p.

Статья поступила в редколлегию 17.04.2024.
Received by editorial board 17.04.2024.

КОГНИТИВНО-АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ И. КАНТА И ОБЫДЕННОЕ ПОЗНАНИЕ

Р. Н. ДОЖДИКОВА¹⁾

¹⁾Белорусский национальный технический университет, пр. Независимости, 65, 220013, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Исследуется предложенная И. Кантом концепция истины, которая является синтезом корреспондентской и когерентной концепций истины. Рассматриваются три уровня истины обыденного познания: 1) истина реальных вещей (предметное знание), событий (ситуативно-событийное знание) и отношений (коммуникативное знание); 2) когнитивно-практическая истина (знание-навык, знание-рецепт); 3) аксиологическая истина (знания в области религии, морали, искусства). Раскрываются особенности понимания абсолютной и относительной истины обыденного познания, описываются критерии ее достоверности. Отмечается, что истина обыденного познания характеризуется субъективностью, чувственной достоверностью, прагматизмом, ситуативной релятивностью, конкретностью, интуитивностью, соответствием здравому смыслу. Когнитивную позицию И. Канта, предполагающую постоянный поиск истины, можно охарактеризовать как ученое незнание. Философ не отрицал познаваемости мира, а лишь указывал на границы познания.

Ключевые слова: знание; границы; корреспондентская и когерентная концепции истины; истина; обыденное познание; социокод.

I. KANT'S COGNITIVE AXIOLOGICAL IDEAS AND EVERYDAY COGNITION

R. N. DOZHDIKOVA^a

^aBelarusian National Technical University, 65 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220013, Belarus

Abstract. The concept of truth proposed by I. Kant is investigated, which is a synthesis of correspondent and coherent concepts of truth. Three levels of the truth of everyday knowledge are considered: 1) the truth of real things (subject knowledge), events (situational-event knowledge) and relationships (communicative knowledge); 2) cognitive-practical truth (knowledge-skill, knowledge-recipe); 3) axiological truth (knowledge in the field of religion, morality, art). The peculiarities of understanding absolute and relative truth in everyday knowledge are revealed, the criteria of its reliability are described. It is noted that the truth of everyday knowledge is characterised by subjectivity, sensory certainty, pragmatism, situational relativity, concreteness, intuitiveness, conformity to common sense. I. Kant's cognitive position, which presupposes a constant search for truth, can be characterised as scientific ignorance. The philosopher did not deny the knowability of the world, but only pointed out the boundaries of knowledge.

Keywords: knowledge; limits; correspondent and coherent concepts of truth; truth; everyday cognition; sociocode.

Образец цитирования:

Дождикова Р.Н. Когнитивно-аксиологические идеи И. Канта и обыденное познание. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2024;2:14–21.
EDN: YNASWI

For citation:

Dozhdikova RN. I. Kant's cognitive axiological ideas and everyday cognition. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2024;2:14–21. Russian.
EDN: YNASWI

Автор:

Раиса Нуриевна Дождикова – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философских учений факультета технологий управления и гуманитаризации.

Author:

Raisa N. Dozhdikova, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophical studies, faculty of management technologies and humanisation.
dozhdikova@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6389-7220>

Введение

Немецкий поэт Г. Гейне отмечал, что «Максимилиану Робеспьеру оказывают... слишком много чести, сравнивая его с Иммануилом Кантом» [1, с. 137]. Однако основания для их сравнения все же есть: «Прежде всего мы встречаем в обоих ту же неумолимую резкую... трезвую честность. Затем в обоих встречаем мы тот же талант недоверия с той лишь разницей, что один направляет его на мысль и называет критикой, между тем как другой направляет его на людей и именуется республиканской добродетелью» [1, с. 139]. По утверждению Г. Гейне, работа И. Канта «Критика чистого разума» есть «меч, отрубивший в Германии голову деизму» [1, с. 137]. Сам немецкий философ считает свой труд трактатом о методе [2, с. 26]. В своей работе он выступает против материализма, фатализма, атеизма, неверия, свободомыслия, фанатизма, суеверия, идеализма и скептицизма, «которые могут приносить всеобщий вред...

опасны для школ и вряд ли могут распространяться среди широкой публики» [2, с. 33–34]. До И. Канта философы «шли двумя различными путями, в зависимости от того, признавали они идеи a priori или идеи a posteriori; меньше задумывались над самой способностью познания, над объемом нашей способности познания и над ее границами» [1, с. 144].

В современной философской литературе И. Канта считают сторонником агностицизма и когерентной концепции истины. Так, в фундаментальном исследовании «Природа научной истины» Э. М. Чудинов называет И. Канта одним из основоположников когерентной концепции [3, с. 21]. Целью нашего исследования является уточнение когнитивной позиции И. Канта, в частности его интерпретация истины, здравого смысла, общего чувства и целей человеческого разума, позволяющих эксплицировать особенности истины обыденного познания.

Когнитивная позиция И. Канта

Предметом критического рассмотрения И. Канта выступает природа самого познания, а также отношение знания к тому, «что необходимо интересует каждого» [2, с. 611]. Ученый различал школьное понятие философии как понятие о системе знания и мировое понятие философии, которое персонализировалось в образе философа как идеала. Философия есть наука об отношении всякого знания к существенным целям человеческого разума [2, с. 610]. Когнитивную позицию И. Канта, предполагающую постоянный поиск истины, можно охарактеризовать как «ученое незнание» [4, с. 65; 5, с. 83; 6, с. 267]. Данная позиция связана с пониманием сложности и бесконечности познавательной деятельности, что следует из математических антиномий, например о том, что мир бесконечен и в нем нет ничего простого. И. Кант сделал ряд открытий в естествознании, исследовал два основных ствола познания – чувственность и рассудок («посредством чувственности предметы нам даются, рассудком же они мыслятся» [2, с. 59]), проанализировал сущность истины, познавательные способности субъекта познания, а также виды апостериорного и априорного знания в науке (например, идеализации в геометрии). Он признавал открытия Н. Коперника и И. Ньютона и утверждал, что «всякое наше познание начинается с опыта» [2, с. 40]. И. Кант не отрицал познаваемости мира, а лишь указывал на границы познания. Действительно, полное исчерпывающее знание о мире существует лишь как недостижимая цель познания, так как мир бесконечен и находится в постоянном развитии.

Философ определял ноумен как задачу, следовательно, все ноумены и их совокупность составляют умопостижимый мир – «не что иное, как представление о некоторой задаче, предмет которой сам по

себе, конечно, возможен, но решение которой – согласно природе нашего рассудка – совершенно невозможно» [7, с. 76]. Ноумен можно считать регулятивной идеей И. Канта, недостижимой абсолютной истиной. В предисловии к первому изданию своего основного сочинения И. Кант отмечал, что «на долю человеческого разума в одном из видов его познания выпала странная судьба: его осаждают вопросы, от которых он не может уклониться, так как они навязаны ему его собственной природой; но в то же время он не может ответить на них, так как они превосходят все возможности человеческого разума» [2, с. 9].

Идеи И. Канта и Х. Ортега-и-Гассета о познании, несомненно, перекликаются. Х. Ортега-и-Гассет считал, что «...само познание не способность, не дар и не механизм, а напротив, задача, поставленная перед человеком. И задача, возможно, невыполнимая» [8, с. 82]. Стремление человека к познанию выходит за пределы его дарований и тех средств, которыми он располагает. Человек пускает в ход все свои орудия, но их применение не обеспечивает успеха. На деле оказывается, что «человек испытывает странное влечение к познанию, однако ему не достает дарований того, что Аристотель назвал его природой» [8, с. 82–83].

В работе «Критика чистого разума» И. Кант формулирует ряд принципов, которые в последующем активно использовали философы. Так, в предисловии ко второму изданию своей знаменитой работы И. Кант называет принцип, согласно которому истинность теории определяется ее результатами: «Разрабатываются ли знания, которыми оперирует разум, на верном пути науки или нет, можно легко определить по результатам» [2, с. 18]. В дальнейшем данный принцип получил известность как принцип Пирса, хотя его основы заложены И. Кантом.

Утверждение В. Гейзенберга, согласно которому «то, что мы наблюдаем, это не сама природа, а природа, которая выступает в том виде, в каком она выявляется благодаря нашему способу постановки вопросов» [9, с. 27], перекликается с идеями И. Канта об измененном методе мышления: «...мы а priori познаем о вещах лишь то, что вложено в них нами самими» [2, с. 24]. Кроме того, данное умозаключение В. Гейзенберга имеет схожую природу со следующими тезисами И. Канта: «Разум должен подходить к природе, с одной стороны, со своими принципами, лишь сообразно с которыми согласующиеся между собой явления и могут иметь силу законов, и, с другой стороны, с экспериментами, придуманными сообразно этим принципам для того, чтобы черпать из природы знания, но не как школьник, которому учитель подсказывает все, что ему угодно, а как судья, заставляющий свидетеля отвечать на предлагаемые им вопросы» [2, с. 21–22]; «...мы не знаем ничего, кроме свойственного нам способа воспринимать [предметы]» [2, с. 79]; «...не представления о вещах, как они нам даны, сообразуются с этими вещами самими по себе, а скорее эти предметы, как явления, сообразуются с тем, как мы их представляем» [2, с. 27].

И. Кант поступает подобно Н. Копернику, который отважился, «идя против показаний чувств, но следуя при этом истине, отнести наблюдаемые движения не к небесным телам, а к их наблюдателю» [2, с. 27].

И. Кант об истине

Со времен Аристотеля одной из ключевых задач философии является постижение истины. Исследуя отношение знания к существенным целям человеческого разума, И. Кант разработал собственную концепцию истины. Так, в работе «Критика чистого разума» он говорит, с одной стороны, об истине содержания (эмпирической истине), соответствующей или несоответствующей объекту (положительное условие истины), и, с другой стороны, об истине формы (логической истине), согласующейся с законами логики (негативное условие истины).

Классическое понимание истины И. Кант называет номинальной дефиницией истины, «...согласно которой она есть соответствие знания с его предметом... Но весь вопрос в том, чтобы найти всеобщий и верный критерий истины для всякого знания» [2, с. 94]. Рассуждая о всеобщем критерии истины, философ заключает, что соблюдение данного критерия может обеспечить логика, «поскольку она излагает всеобщие и необходимые правила рассудка» [2, с. 95]. Однако логический критерий истины есть негативное условие истины, так как он касается лишь ее формы, а не содержания. И. Кант утверждает, что согласие с законами рассудка является формальной стороной всякой истины: «В самом деле, истина или видимость находится не в предмете, поскольку его со

Изменив прежний способ исследования в метафизике, И. Кант совершил в ней «полную революцию, следуя примеру геометров и естествоиспытателей» [2, с. 26], и поэтому не без основания сравнивал свою философию с методом Н. Коперника. Прежде разум «вращался вокруг мира явлений и старался освещать их; но Кант останавливает разум, солнце, и мир явлений вращается вокруг разума и освещается им по мере вхождения в сферу этого солнца» [1, с. 145]. Мыслитель подверг беспощадному исследованию нашу способность познания, измерил всю глубину этой способности и установил ее границы. Он обнаружил, «...что мы совершенно ничего не можем знать об очень многих вещах, с которыми, по нашему прежнему убеждению, состояли в ближайшем знакомстве. Это было очень досадно. Но все же полезно было узнать, о каких вещах мы ничего не можем знать. Кто предупреждает нас о бесполезных путях, оказывает нам такую же услугу, как и тот, кто указывает нам правильный путь» [1, с. 144]. Идеи И. Канта о негативной пользе философии чистого разума и необходимости дисциплины при трансцендентальном применении разума должны удерживать его от крайностей и заблуждений: «Некоторые заблуждения можно устранить при помощи цензуры, а их причины – при помощи критики» [2, с. 527]. Данный подход можно рассматривать в контексте решения современной проблемы информационного шума и дезинформации.

зерцают, а в суждении о предмете, поскольку его мыслят. <...> Следовательно, и истина, и ошибка, а значит, и видимость, вводящая в заблуждение, имеют место только в суждении, т. е. только в отношении предмета к нашему рассудку. В знании, полностью согласующемся с законами рассудка, не бывает никакого заблуждения. <...> В согласии с законами рассудка и заключается формальная сторона всякой истины» [2, с. 270–271]. Ученый выделяет формально-логический и материально-объективный критерии истинного знания и заявляет о необходимости соединить их: «...одной лишь формы познания, как бы она ни соответствовала логическим законам, далеко еще не достаточно, чтобы установить материальную (объективную) истинность знания... никто не отважится судить о предметах с помощью одной лишь логики и что-то утверждать о них, не собрав о них уже заранее основательных знаний помимо логики, с тем чтобы впоследствии только попытаться использовать и соединить их в одно связное целое согласно логическим законам или, что еще лучше, только проверить их сообразно этим законам» [2, с. 96]. Для И. Канта логика есть только канон для оценки правильности рассуждения, однако она «нередко применяется как бы в качестве *органо*на для действительного создания по

крайней мере видимости объективных утверждений и таким образом на деле употребляется во зло» [2, с. 96]. Именно так поступали софисты, которые нарушали законы логики.

Концепция истины И. Канта представляет собой синтез корреспондентской и когерентной концепций истины: «...истинность основывается на соответствии с объектом, в отношении которого, следовательно, суждения всякого рассудка должны быть согласованы между собой» [2, с. 598]. В отличие от мнения истинное знание обладает субъективной

достаточностью (убеждением для себя) и объективной достаточностью (достоверностью для каждого): «Мнение есть сознательное признание чего-то истинным, недостаточное как с субъективной, так и с объективной стороны... Наконец, и субъективно, и объективно достаточное признание истинности суждения есть *знание*» [2, с. 599–600]. Объективная достаточность истинного знания есть коренное свойство истины. Субъективная достаточность истинного знания характеризует истину обыденного познания.

И. Кант о здравом смысле и общем чувстве

Здравый человеческий смысл И. Кант называет волшебным жезлом, «с помощью которого не каждый что-то находит и с которым каждый обращается по-своему» [7, с. 136]. Таким образом, здравый смысл, с одной стороны, является общезначимым, а с другой стороны, субъективно применяемым. Он полезен и правомерен в практическом жизненном применении, «но по совершенно особым основоположениям, значение которых всегда зависит от отношения к практическому» [7, с. 138].

Рассуждая об обыденном человеческом рассудке, который в качестве простого здравого смысла именуется общим чувством, И. Кант предлагает свою трактовку общего чувства как «...способности суждения, мысленно (априорно) принимающего во внимание способ представления каждого, чтобы... избежать иллюзии, которая в силу субъективных частных условий, легко принимаемых за объективные, могла бы оказать вредное влияние на суждение. Происходит это благодаря тому, что свое суждение сопоставляют с суждениями других... и ставят себя на место другого... Быть может, эта операция рефлексии покажется слишком сложной, чтобы приписать ее общему чувству, однако... нет ничего более естественного, чем абстрагирование от привлекательности или трогательности, когда ищут суждение, которое должно служить общим правилом» [10, с. 134].

По сути, И. Кант связывает общее чувство с моралью, всеобщим правилом и максимами обыденного человеческого рассудка. Он выделяет три максимы

обыденного человеческого рассудка: 1) мыслить самостоятельно (свободное от предрассудков мышление); 2) мыслить, ставя себя на место другого (широкое мышление); 3) мыслить в согласии с самим собой (последовательное мышление). Первая максима достигается с помощью просвещения, вторая максима связана со способностью человека принимать всеобщую точку зрения, а третья максима может быть достигнута «только путем соединения двух первых максим, превратившегося в результате частого следования им в навык» [10, с. 135–136]. И. Кант пишет, что «...вкус с большим правом может быть назван *sensus communis* (здравый смысл. – *Р. Д.*), чем здравый рассудок, а способность эстетического суждения, скорее, чем интеллектуальная, – общим для всех чувством... Вкус можно было бы даже определить как способность судить о том, чему наше чувство в данном представлении придает всеобщую сообщаемость без опосредствования понятием» [10, с. 136]. Поэтому «вкус можно было бы обозначить как *sensus communis aestheticus* (общее эстетическое чувство. – *Р. Д.*), а обычный здравый рассудок – как *sensus communis logicus* (логический здравый смысл. – *Р. Д.*)» [10, с. 136]. Таким образом, И. Кант не только формулирует максимы обыденного человеческого рассудка, характеризующие образ мыслей субъекта обыденного познания с позиции общего чувства, но и рассматривает вкус как одну из форм обыденного познания, не опосредованную понятием.

Существенные цели человеческого разума

Некоторые проблемы человеческого бытия, связанные с моральными ценностями, императивами человеческой деятельности, поведением и общением, являются вечными. Они представляют собой некий социокод, передаваемый из поколения в поколение. В данном контексте уместным будет сформулированный И. Кантом категорический императив: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства» [11, с. 409]. В данном случае максима, выступающая субъективным принципом волеия [12, с. 170], может стать практическим законом,

т. е. объективным принципом волеия [12, с. 170], примером для подражания. Ответственность человека за свои поступки возрастает. Как говорил Ж.-П. Сартр, прежде чем что-то сделать, необходимо задать себе вопрос: «А что будет, если все поступят точно так же?» В этом смысле человек не только выбирает свое бытие, но и является законодателем для всего человечества [13, с. 325]. По мнению И. Канта, в соблюдении этого высшего закона нравственности состоит моральный долг каждого. Существуют и более простые формулировки данного закона: «Поступай так, как ты хочешь, чтобы поступали в отношении

тебя самого»; «Человек – это всегда цель, а не средство». Идеи И. Канта перекликаются с учением М. М. Бахтина: «То, что мною может быть совершенно, никем и никогда совершенно быть не может. <...> Этот факт моего не-алиби в бытии, лежащий в основе самого конкретного и единственного должностования поступка, не узнается и не познается мною, а единственным образом признается и утверждается» [14, с. 41]. В данном случае М. М. Бахтин имеет в виду и поступок-мысль, и поступок-чувство, и поступок-дело.

Этические идеи И. Канта схожи с идеями греческого философа Фалеса, с которого, по словам Э. Гуссерля, начинается отсчет «нового человечество – люди, которые профессионально создают философскую жизнь, философию как новую форму культуры» [15, с. 109]. Кроме того, идеи И. Канта во многом схожи с идеями Конфуция, Эпиктета, а также с христианскими идеями. По свидетельству Диогена Лазертского, Фалес утверждал, что самая лучшая жизнь – это «когда мы сами не делаем того, что осуждаем в других» [16, с. 74]. Он был глубоко уверен в том, что «чем поддержал ты своих родителей, такой поддержки жди и от детей» [16, с. 74].

Конфуций и И. Кант связывали две бесконечности, небо и мораль, в единое целое. Конфуций говорил: «Небо породило во мне моральные качества... породило во мне Дэ», т. е. добродетель [17, с. 242]. Этапы философского становления И. Канта отражают гармонию неба и морали: «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, это звездное небо надо мной и моральный закон во мне» [11, с. 562]. Отсюда берут начало и создание труда «Всеобщая естественная история и теория неба» в докритический период, и формулирование категорического императива в критический период творчества философа. У Конфуция была своя версия категорического императива: «Чего я не желаю, чтобы другие делали мне, того я не желаю делать другим» [17, с. 158]; «Благородный муж способствует тому, чтобы в человеке побеждало все, что есть в нем самого хорошего» [17, с. 429]. Можно найти идеи человеколюбия и жизнелюбия [17, с. 121] и в конфуцианской концепции благородного мужа, согласно которой «благородный муж знает долг, низкий человек знает выгоду» [17, с. 133], и в учении И. Канта о «долге, который носит название человечности» [18, с. 503]. Основные обязанности человека состоят в том, чтобы заботиться о своем здоровье и проявлять любовь и уважение по отношению к другим [18, с. 493]. Так, долг любви к ближнему – это «долг делать цели других... мои-

ми» [18, с. 495]. По мнению Г. Йонаса, кантовское благоговение перед законом подразумевает «благоговение перед возвышенностью безусловного “ты должен”, исходящего от разума» [19, с. 167].

Идеи И. Канта перекликаются с идеями Эпиктета, а также с идеями, изложенными в Библии. По учению Эпиктета, «чего не желаешь себе, не желай и другим» [20, с. 256], «чего не следует делать, того не делай даже в мыслях» [20, с. 262]. Он полагал, что нужно быть нравственным изнутри, на уровне мыслей, мотиваций и намерений. Христианские заповеди исходят из любви к Богу и стремления быть ему подобным, а также из любви к человеку: «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш небесный»; «Возлюби ближнего твоего как самого себя»; «Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними».

В наши дни нравственный императив распространяется на все живое (идея А. Швейцера о благоговении перед жизнью). По убеждению Э. Ласло, императив нашего времени состоит в том, чтобы «жить так, чтобы давать другим жить так же хорошо», причем под другими подразумеваются «не только люди, но и растения, животные и все существа, которые образуют тонкую пленку жизни на планете» [21, с. 83]. Данный императив перекликается с идеями М. Ганди: «Станьте сами тем изменением, которое хотели бы увидеть в мире»; «...живи проще, чтобы другие могли жить лучше» [21, с. 134]. Необходимо соблюдать принцип разумного самоограничения, вести более простой образ жизни и, самое главное, – не сетовать на жизнь, а самому становиться лучше. Благоговение перед жизнью содержит в себе три основных элемента мировоззрения как три взаимосвязанных результата мышления: смирение, этику и жизнеутверждение [22, с. 29].

Сегодня мы готовим свое завтра, поэтому жить и поступать следует так, чтобы любое наше действие могло спасти мир. Мы должны создавать и укреплять этот мир, а не разрушать его. М. Л. Кинг отмечал, что даже если завтра будет конец мира, сегодня он посадит дерево. Г. Йонас сформулировал категорический императив этики будущего: «Действуй так, чтобы последствия твоей деятельности были совместимы с поддержанием подлинно человеческой жизни на Земле» [19, с. 58]. Такое миропонимание во многом является схожим с категорическим императивом И. Канта. Кроме того, многие идеи Г. Йонаса перекликаются с тезисами из работы И. Канта «Метафизика нравов», в частности с тезисом о том, что необходимо «уважение к достоинству личностей как целей самих по себе» [19, с. 168].

Истина обыденного познания

Истина обыденного познания – это эмпирически апробированное, исторически и практически закрепленное знание реального положения дел в жизнен-

ном мире человека, основанное на социокультурной трансляции опыта поколений [23, с. 104]. Можно выделить кумулятивно-онтогенетические истины,

полученные в процессе онтогенеза, и кумулятивно-филогенетические истины, транслируемые в процессе филогенеза. Истина – это то, что интересует каждого. Она является основанием повседневной жизни, позволяет субъекту ориентироваться в мире людей и вещей, упорядочивать хаос сведений, осмысливать жизненный опыт, формировать жизненную позицию, постигать смысл бытия. Значение обыденного познания состоит в том, что оно открывает человеку простые и понятные живые истины, находящие непосредственное применение и способные завладеть сердцем и умом субъекта обыденного познания в отличие от сухого языка фактов. Например, И. В. фон Гёте в драме «Фауст» различал сухие «серые» истины теории и «вечно зеленеющие» истины жизни.

Исходя из трех вопросов И. Канта («Что я могу знать?», «Что я должен делать?», «На что я могу надеяться?»), можно выделить три вида истины обыденного познания:

1) истину реальных вещей (предметное знание), событий (ситуативно-событийное знание) и отношений (коммуникативное знание);

2) когнитивно-практическую истину (знание-навык, знание-рецепт);

3) аксиологическую истину (знания в области религии, морали, искусства).

Истина обыденного познания обладает следующими характеристиками: субъективностью, чувственной достоверностью, прагматизмом, конкретностью, ситуативной релятивностью, интуитивностью, соответствием здравому смыслу. И. Кант отмечает, что здравый смысл – «...обыденный рассудок, поскольку он судит правильно. А что такое обыденный рассудок? Это способность познания и применения правил *in concreto* в отличие от спекулятивного рассудка, который есть способность познания правил *in abstracto*» [7, с. 136]. Наиболее ценными свойствами истины в обыденном познании выступают бытийная достоверность, искренность и способность вызывать доверие. В народе часто считают истиной то, во что можно верить. Владение истиной обыденного познания отражается в практической компетентности субъекта. Критериями житейских истин являются их практическая польза для человека и присутствие в них здравого смысла [23, с. 106]. Истина обыденного познания сопряжена с понятиями правильности, справедливости, чувством истины или чувством правды [10, с. 133]. Чувство правды связано с выработанным у человека своеобразным иммунитетом против лжи и дезинформации.

Понятие правды является этимологически близким понятию права у человека и означает оценку событий, опирающуюся на моральную норму, которая в дальнейшем становится законом. Для представителей русской философии характерна жажда «органического слияния истины и добра, знания и веры» [24, с. 39]. Об этом свидетельствует и жи-

тейская правда, отраженная в русских пословицах: «Правда светлее солнца»; «Правда дороже золота».

Правда – это субъективная интерпретация истины. Субъективность истины обыденного познания олицетворяет ее относительность. У каждого человека своя жизненная правда, которая может казаться человеку абсолютной, но на деле она может быть относительно верной, неполной, односторонней или даже ложной. Постигание жизненной истины проходит через борьбу правды и неправды (кривды), то есть лжи, вольного или невольного обмана и самообмана. Так, А. С. Пушкин в стихотворении «Признание» писал: «Ах, обмануть меня нетрудно, я сам обманываться рад!», а в стихотворении «Герой» признавался: «Тьмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман».

Истина обыденного познания может иметь следующие формы: правда-быль, т. е. основанная на практическом опыте убежденность в правоте своих суждений и оценок; своя правда, сопряженная с сомнением в ценности и правдивости чужого знания, что отражается, например, в известной проблеме отцов и детей. Правду как истину обыденного познания характеризует определенный хронотоп [23, с. 105]. В зависимости от хронотопа можно выделить следующие виды правды:

1) сюминутную индивидуально-субъективную правду, правду «здесь и сейчас», правду желаний, эмоций и отношений (масштаб внутреннего времени и личного пространства);

2) личностную правду жизни (масштаб накопленного и пережитого опыта и освоенного социального пространства);

3) коллективно-групповую историческую правду (масштаб поколения и территории государства).

В рамках обыденного познания можно выделить абсолютную и относительную истину. В основе относительной истины лежит понятие правды, а в основе абсолютной истины – так называемые неписанные правила, которыми мы руководствуемся в повседневной жизни. И. Кант называет последние аксиомами, «ходячими, эмпирически применяемыми правилами», заимствованными у обыденного разума [2, с. 536]. Кроме того, есть самоочевидные истины и законы, «которые подтверждаются самым обыденным опытом» [2, с. 22]. Если привести пример «применения самого обыденного рассудка, то этому служит утверждение, что всякое изменение должно иметь причину» [2, с. 42–43]. С этой точки зрения в качестве абсолютной истины обыденного познания могут выступать следующие категории:

1) социокультурные, общезначимые, интерсубъективные истины, выступающие в качестве обязательных норм поведения, правил морали (например, заповеди «возлюби ближнего своего», «почитай отца и мать», «не укради», «не убий», «не пожелай ничего чужого»);

2) вечные истины, отражающие достоверные события (факты и даты);

3) соответствие справедливости, добру и другим высшим ценностям (истина-справедливость, истина милосердия, о которой говорил апостол Павел);

4) Бог и его учение (истины откровения в религии);

5) церковь как организм истины и любви;

6) формы житейской мудрости, выраженные в крылатых выражениях и пословицах («Без труда не вытащишь и рыбку из пруда», «Семь раз отмерь – один раз отрежь», «Не плюй в колодец – пригодится воды напиться»);

7) самоочевидные истины (целое больше части, всякое изменение должно иметь причину и т. д.);

8) подлинные истины (касающиеся, например, человеческих отношений и чувств);

9) обретение подлинного Я, постижение настоящего смысла жизни;

10) образец жизни, деятельности, поведения и общения.

Для немецкого философа в качестве примера для подражания может выступать выдающаяся личность в истории, культуре, науке. Идеалом учителя и философа как образца, по словам И. Канта, должен быть не виртуоз разума, а «законодатель человеческого разума» [2, с. 610]. Следует держаться исключительно этой идеи, ведь образец мыслим только в ней [2, с. 611].

Заключение

Исследование позволило уточнить когнитивную позицию И. Канта и охарактеризовать ее как ученое незнание, связанное с пониманием сложности и бесконечности познавательной деятельности. Для немецкого философа образец мыслим только в идее, поэтому ноумен является не только задачей познания, но и своего рода идеалом знания, регулятивной идеей познания. Открытия И. Канта в области естествознания и его философские идеи позволяют сделать вывод о том, что ученый не отрицал познаваемости мира, а лишь указывал на границы познания.

Анализ теоретических сочинений И. Канта позволил заключить, что его концепция истины представляет собой синтез корреспондентской и когерентной концепций истины. Исследуя цели человеческого разума, мы отнесли к ним не только понимание истины по учению Канта, но и сформулированный им категорический императив, своеобразный

социокод, передаваемый из поколения в поколение.

И. Кант не только сформулировал максимы обыденного человеческого рассудка, характеризующие образ мыслей субъекта обыденного познания с позиции общего чувства, но и рассмотрел вкус как одну из форм обыденного познания, не опосредованную понятием.

Знаменитые три вопроса И. Канта и его идеи о специфике обыденного человеческого рассудка позволили эксплицировать особенности и уровни истины обыденного познания, рассмотреть разновидности абсолютной и относительной истины, а также выявить критерии ее достоверности. Анализ когнитивно-аксиологических идей И. Канта показал актуальность понятия философии как науки об отношении всякого знания к существенным целям человеческого разума, к которым можно отнести истину научного и обыденного познания, нравственные законы и смысл жизни.

Библиографические ссылки

1. Гейне Г. *К истории религии и философии в Германии*. Москва: Прогресс; 1994. 227 с.
2. Кант И. *Собрание сочинений. Том 3*. Гулыга АВ, редактор. Москва: Чоро; 1994. 678 с.
3. Чудинов ЭМ. *Природа научной истины*. Москва: Политиздат; 1977. 312 с.
4. Дождзікава РН. Структура і дынаміка штотдзённага пазнання. *Весці БДПУ. Серыя 2, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія*. 2010;4:63–67.
5. Дождзікава РН. *Обыденное познание в контексте цивилизационного развития*. Минск: Белорусский национальный технический университет; 2020. 210 с.
6. Дождзікава РН. Современная структура обыденного познания. *Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук*. 2021;66(3):263–270. DOI: 10.29235/2524-2369-2021-66-3-263-270.
7. Кант И. *Собрание сочинений. Том 4*. Гулыга АВ, редактор. Москва: Чоро; 1994. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука; с. 5–152.
8. Ортега-и-Гассет Х. *Что такое философия?* Москва: Наука; 1991. 403 с.
9. Гейзенберг В. *Физика и философия. Часть и целое*. Москва: Наука; 1989. 400 с.
10. Кант И. *Собрание сочинений. Том 5*. Гулыга АВ, редактор. Москва: Чоро; 1994. 330 с.
11. Кант И. *Собрание сочинений. Том 4*. Гулыга АВ, редактор. Москва: Чоро; 1994. Критика практического разума; с. 373–565.
12. Кант И. *Собрание сочинений. Том 4*. Гулыга АВ, редактор. Москва: Чоро; 1994. Основы метафизики нравственности; с. 153–246.
13. Сартр Ж-П. *Экзистенциализм – это гуманизм*. В: Яковлев АА, редактор. *Сумерки богов*. Москва: Политиздат; 1990. с. 319–344.
14. Бахтин ММ. *Работы 1920-х годов*. Киев: Next; 1994. 383 с.
15. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия. *Вопросы философии*. 1986;3:101–116.

16. Диоген Лаэртский. *О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов*. Гаспаров МЛ, переводчик. Москва: Мысль; 1979. 571 с.
17. Конфуций. *Беседы и суждения Конфуция*. Грищенко ПВ, редактор. Санкт-Петербург: Кристалл; 2001. 1119 с.
18. Кант И. *Собрание сочинений. Том 6*. Гулыга АВ, редактор. Москва: Чоро; 1994. Метафизика нравов; с. 224–543.
19. Йонас Г. *Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации*. Маханьков ИИ, переводчик. Москва: Айрис-пресс; 2004. 480 с.
20. Сапов ВВ, составитель. *Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий*. Москва: Республика; 1995. 463 с.
21. Ласло Э. *Макросдвиг: к устойчивости мира курсом перемен*. Данилов ЮА, переводчик. Москва: Тайдекс Ко; 2004. 206 с.
22. Швейцер А. *Благоговение перед жизнью*. Гусейнов АА, переводчик. Москва: Прогресс; 1992. 576 с.
23. Дождикова РН. К вопросу об истине в научном и обыденном познании. *Вопросы философии*. 2022;7:98–108.
24. Бердяев Н. Философская истина и интеллигентская правда. В: Казакова Н, составитель. *Вехи: интеллигенция в России*. Москва: Молодая гвардия; 1991. с. 24–42.

References

1. Heine G. *K istorii religii i filosofii v Germanii* [On the history of religion and philosophy in Germany]. Moscow: Progress; 1994. 227 p. Russian.
2. Kant I. *Sobranie sochinenii. Tom 3* [Collected works. Volume 3]. Gulyga AV, editor. Moscow: Choro; 1994. 678 p. Russian.
3. Chudinov EM. *Priroda nauchnoi istiny* [The nature of scientific truth]. Moscow: Politizdat; 1977. 312 p. Russian.
4. Dozhdikova RN. [The structure and dynamics of everyday cognition]. *Vesci BDPU. Seryja 2, Gistoryja. Filasofija. Palitalogija. Sacyjalogija. Jekanomika. Kul'turalogija*. 2010;4:63–67. Belarusian.
5. Dozhdikova RN. *Obydennoe poznanie v kontekste tsivilizatsionnogo razvitiya* [Everyday cognition in the context of civilisational development]. Minsk: Belarusian National Technical University; 2020. 210 p. Russian.
6. Dozhdikova RN. Modern structure of everyday cognition. *Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*. 2021;66(3):263–270. Russian. DOI: 10.29235/2524-2369-2021-66-3-263-270.
7. Kant I. *Sobranie sochinenii. Tom 4* [Collected works. Volume 4]. Gulyga AV, editor. Moscow: Choro; 1994. [Prolegomena to any future metaphysics that may appear as a science]; p. 5–152. Russian.
8. Ortega y Gasset J. *Chto takoe filosofiya?* [What is philosophy?]. Moscow: Nauka; 1991. 403 p. Russian.
9. Heisenberg V. *Fizika i filosofiya. Chast' i tseloe* [Physics and philosophy. Part and whole]. Moscow: Nauka; 1989. 400 p. Russian.
10. Kant I. *Sobranie sochinenii. Tom 5* [Collected works. Volume 5]. Gulyga AV, editor. Moscow: Choro; 1994. 330 p. Russian.
11. Kant I. *Sobranie sochinenii. Tom 4* [Collected works. Volume 4]. Gulyga AV, editor. Moscow: Choro; 1994. [Criticism of practical reason]; p. 373–565. Russian.
12. Kant I. *Sobranie sochinenii. Tom 4* [Collected works. Volume 4]. Gulyga AV, editor. Moscow: Choro; 1994. [Fundamentals of the metaphysics of morality]; p. 153–246. Russian.
13. Sartre J-P. [Existentialism is humanism]. In: Yakovlev AA, editor. *Sumerki bogov* [Twilight of the Gods]. Moscow: Politizdat; 1990. p. 319–344. Russian.
14. Bakhtin MM. *Raboty 1920-kh godov* [Works of the 1920s]. Kiev: Next; 1994. 383 p. Russian.
15. Husserl E. [The crisis of European humanity and philosophy]. *Voprosy filosofii*. 1986;3:101–116. Russian.
16. Diogen Laertskii. *O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitikh filosofov* [About the life, teachings and sayings of famous philosophers]. Gasparov ML, translator. Moscow: Mysl'; 1979. 571 p. Russian.
17. Konfutsii. *Besedy i suzhdeniya Konfutsiya* [Conversations and judgments of Confucius]. Grishchenkova RV, editor. Saint Petersburg: Kristall; 2001. 1119 p. Russian.
18. Kant I. *Sobranie sochinenii. Tom 6* [Collected works. Volume 6]. Gulyga AV, editor. Moscow: Choro; 1994. [Metaphysics of morals]; p. 224–543. Russian.
19. Jonas G. *Printsip otvetstvennosti. Opyt etiki dlya tekhnologicheskoi tsivilizatsii* [The principle of responsibility. The experience of ethics for technological civilisation]. Makhan'kov II, translator. Moscow: Airis-press; 2004. 480 p. Russian.
20. Sapov VV, compiler. *Rimskie stoiki: Seneka, Epiktet, Mark Avrelii* [Roman stoics: Seneca, Epictetus, Marcus Aurelius]. Moscow: Respublika; 1995. 463 p. Russian.
21. Laszlo E. *Makrosdvig: k ustoychivosti mira kursom peremen* [Macrosdift: towards the stability of the world by the course of change]. Danilov YuA, translator. Moscow: Taideks Ko; 2004. 206 p. Russian.
22. Schweitzer A. *Blagogovenie pered zhizn'yu* [Reverence for life]. Guseinov AA, translator. Moscow: Progress; 1992. 576 p. Russian.
23. Dozhdikova RN. About the truth in the scientific and everyday cognition. *Voprosy filosofii*. 2022;7:98–108. Russian.
24. Berdyaev N. [Philosophical truth and intellectual truth]. In: Kazakova N, compiler. *Vekhi: intelligentsiya v Rossii* [Milestones: intelligentsia in Russia]. Moscow: Molodaya gvardiya; 1991. p. 24–42. Russian.

Статья поступила в редколлегию 04.04.2024.
Received by editorial board 04.04.2024.

УДК 316.62

ОТ ВОСПОМИНАНИЙ К ФИЛОСОФИИ: К 100-ЛЕТИЮ Э. В. ИЛЬЕНКОВА

Г. В. ЛОБАСТОВ¹⁾

¹⁾Российское философское общество «Диалектика и культура»,
Зеленоград, корп. 247, офис 30, 124498, г. Москва, Россия

Аннотация. Кратко воспроизводятся события вокруг имени философа мирового масштаба Эвальда Васильевича Ильенкова. Описываются центральные проблемы его научного творчества. Отмечается значимость принадлежащих ученому тезисов о предмете философии. Прослеживается динамика творческой мысли Э. В. Ильенкова, в частности постепенный переход от изучения предмета философии к исследованию личности как центральной фигуры исторического развития в контексте учения К. Маркса.

Ключевые слова: Э. В. Ильенков; философия; мышление; бытие; сознание; философия в обществе; общественный смысл философии; истина; заблуждение; образование; личность.

FROM MEMORIES TO PHILOSOPHY: ON THE 100th ANNIVERSARY OF E. V. IL'ENKOV

G. V. LOBASTOV^a

^aRussian Philosophical Society «Dialectics and Culture»,
Zelenograd, 247 building, 30 office, Moscow 124498, Russia

Abstract. The events around the name of the world-class philosopher Eval'd Vasil'evich Il'enkov are briefly reproduced. The central problems of his scientific work are described. The importance of the scientist's theses on the subject of philosophy is noted. The dynamics of E. V. Il'enkov's creative thought is traced, in particular, the gradual transition from the study of the subject of philosophy to the study of personality as a central figure of historical development in the context of the teachings of K. Marx.

Keywords: E. V. Il'enkov; philosophy; thinking; being; consciousness; philosophy in society; the social meaning of philosophy; truth; misconception; education; personality.

Из воспоминаний

Воспоминания – это особый жанр литературы. В мемуарных записях можно найти много того, что затрагивает душу, побуждает быть внимательными к скрытым между строк смыслам. Знакомясь с воспоминаниями, следует проявлять и определенную осторожность, чтобы не принять произвольный рассказ за строгое научное повествование.

В 1968 г. вышла книга Эвальда Васильевича Ильенкова (1924–1979) «Об идолах и идеалах». Если мы скажем, что в этой работе представлены идеи самого разного содержания, выраженные в самых разных стилистических формах, любой критик творчества ученого согласится с нами. Данная книга посвящена философско-теоретическому осмыслению

Образец цитирования:

Лобастов ГВ. От воспоминаний к философии: к 100-летию Э. В. Ильенкова. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2024;2:22–28. EDN: TMRHDO

For citation:

Lobastov GV. From memories to philosophy: on the 100th anniversary of E. V. Il'enkov. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2024;2:22–28. Russian. EDN: TMRHDO

Автор:

Геннадий Васильевич Лобастов – доктор философских наук, профессор; президент.

Author:

Gennady V. Lobastov, doctor of science (philosophy), full professor; president.
lobastov.g.v@yandex.ru

общественного бытия человека. На некоторых темах, затронутых в работе Э. В. Ильенкова, мы сделаем акценты. На наш взгляд, любой человек, рассуждающий о смысле своего существования, должен прочесть эту книгу. В данном контексте хотелось бы обратиться к некоторым воспоминаниям: «В 1969 году обсуждалась только что появившаяся книга П. В. Копнина «Философские идеи В. И. Ленина и логика»... Философию поносили. Э. В. Ильенкова коробило... Когда он в поддержку П. В. Копнина выступал, я услышал рядом шипящее негодование в его адрес. Прислушался, понял – из Киева. Чего здесь? Приехали осудить бывшего земляка?» [1, с. 98]. Те, кто негодовал, приехали, вероятно, специально для того, чтобы оказать поддержку официальной критике философа.

В 1958–1968 гг. П. В. Копнин жил в Киеве. Сначала он заведовал кафедрой философии в Киевском политехническом институте, а затем кафедрой диалектического и исторического материализма в Киевском государственном университете. После этого П. В. Копнин работал директором Института философии Академии наук СССР и по совместительству профессором кафедры диалектического материализма философского факультета Московского государственного университета. Аудитории на его лекциях всегда были переполнены, за исключением тех случаев, когда занятия были нарочно сорваны. После окончания университета автор данной статьи стал аспирантом П. В. Копнина. Однако летом 1972 г. профессор неожиданно скончался, и диссертацию пришлось завершать под руководством Заида Меликовича Оруджева. Тот в свою очередь благосклонно отнесся к намерению своего аспиранта показать работу Е. В. Ильенкову.

Талантливые люди никогда не дают излишних поучений своим ученикам и не реагируют остро на то, что их ученики обращаются за помощью к другим специалистам, хотя это может выглядеть как недооценка профессионального уровня, подрыв авторитета. Но истинный ученый не обращает внимания на такие вещи, он даже скорее побаивается оказаться в «дутом» авторитете. В Советском Союзе была плеяда талантливых людей, которых отличали свобода мышления, высокая культура, а также спокойно-пренебрежительное отношение к регламентам и стандартам, заполонившим научный и образовательный процесс. Невмешательство маститых ученых в дела их учеников-аспирантов объясняется просто: талантливый человек проявляет себя в делах во благо мира и тем самым воспитывает учеников. Ученик учит себя сам. В этом вопросе принцип педагога должен быть таким: не находишь себя в моих трудах – значит не найдем мы друг друга и во всем ином.

Использование всевозможных стандартов, форм и методических рекомендаций, конечно, обязательно и во многом естественно, и так было с тех пор, как появилась бумага. С появлением электронной техники количество формальных требований к подготовке исследований стало увеличиваться в гео-

метрической прогрессии. Занудство в руководстве защитой диссертаций проявляют те, у кого за душой ничего нет, кроме как способности к педантичному педагогическому насилию. За своих аспирантов они испытывают тщеславную гордость.

Талантливые ученые, далекие от созданных на дешевое потребление вещей, определяют пути свободного творческого поиска, ориентированного только на идеалы истины. Исполнительская правильность, прилежание и послушание не могут породить талант. Принцип творчества сминается неразвитой культурой ума. Культура всегда остается в замкнутом круге индивидуального бытия, принцип и смысл которого определяет радиус этого круга.

Тезисы о предмете философии, представленные Э. В. Ильенковым и В. И. Коровиковым в 1954 г. на лекциях студентам философского факультета Московского государственного университета, содержали идею культуры мышления. Эта идея вызвала возмущение академической публики. То, что дисциплинарная философия в университетах до сих пор существует в той же несвободной парадигме, объяснять, пожалуй, не нужно. Парадигма внутренней несвободы господствует в любой философии, преподаватели философии, «кретины по профессии», к которым относили Э. В. Ильенкова, далеки от мысли. У них нет даже мотивации к тому, чтобы найти и понять природу мышления. Именно эта идея и утверждалась в знаменитых тезисах Э. В. Ильенкова и В. И. Коровикова.

Примерно через 20 лет была вынесена на обсуждение статья З. М. Оруджева, посвященная диалектическому методу исследования. Собралась полная аудитория. Среди присутствующих были Э. В. Ильенков и Л. К. Науменко. Спокойная манера изложения З. М. Оруджева наткнулась на грубый, захлебывающийся крик ученых-организаторов. Началось «избиение» философа. Когда стало понятно, что травля спланирована, Л. К. Науменко, Э. В. Ильенков и многие другие покинули зал. Стало ясно, что назревает скандал.

Смерть Э. В. Ильенкова встряхнула сознание философской публики. Научное сообщество инициировало проведение ежегодного семинара, посвященного памяти ученого. Вскоре мероприятие обрело статус конференции. Организацией Ильенковских чтений занималось российское философское общество «Диалектика и культура». Конференция проводилась в самых разных уголках постсоветского пространства и была посвящена самым разнообразным темам.

Дважды, в 2006 и 2010 гг., Ильенковские чтения проходили в Киеве. Факт проведения чтений в этом городе говорит о высоком интересе местной интеллигенции к творчеству советского философа. На первой встрече, в 2006 г., к автору данной статьи обратилась группа молодых людей с просьбой о переиздании работы Э. В. Ильенкова «Об идолах и идеалах» в Киеве. Этот замысел удалось реализовать в том же году.

...Через несколько лет на Украине была объявлена декоммунизация, а спустя время в стране утвердился ползучий фашизм. Цивилизация достигла высокого уровня развития – а планета полыхает войнами. Умы, правда, давно понимают, что дело здесь не в развитии. Есть некие силы, которым нужно противостоять, а сознание человека обязано постигнуть природу трагической истории общества. Нельзя сказать, что философия этого не знает, но и нельзя сказать, что она уверена в своем знании. Она спорит. За спорами неизменно стоят реальные проблемы. Тео-

ретическая борьба далеко не всегда осуществляется посредством анализа исходных позиций игроков. В реальной войне стороны используют все доступные методы и средства, чтобы одержать победу. Оценка победы снова становится предметом дискуссий. Уничтоженный в 1945 г. фашизм стал тихо и незаметно возрождаться. В то же время научно-философский и политический ум никогда не упускал из виду того, что идеям могут противостоять только идеи. Но для того чтобы отстоять мир истинных идей, нужен не хор голосов, а глубокий философский анализ.

Философия сознания

Избитыми научными фразами отстоять свою позицию нельзя. Любую точку зрения легко можно опспорить с помощью других столь же избитых научных фраз. Речь идет не о глубине мысли а о широте распространения представлений, превращающихся в догмы. Школьник свободно произносит формулу $E = mc^2$ и знает, что она выведена великим ученым А. Эйнштейном. Учитель внушает своим подопечным, что материя определяет сознание. Теоретические выводы А. Эйнштейна, конечно, на словах не опровергнешь, нужна обоснованная позиция. Если спросить ученого, как материя определяет сознание, он на пальцах сможет это объяснить, в крайнем случае сошлется на физику. Но если обратиться к ученому с просьбой описать сущность сознания, то в ответ мы получим поток мыслей. Даже ученый-философ может говорить на эту тему бесконечно, но при этом не понимать ее сути. Дети же, даже самые маленькие, до слез хохочут над попытками маститых профессоров сосчитать количество нейронов, за которыми «прячутся» невидимые элементы души. Они, конечно, верят авторитетным ученым и уверенно повторяют их «истины». Дети убеждены в том, что душа дана Богом, а Бог где-то там, в трансцендентных просторах. Они легко учатся говорить, быстро запоминают сложные, новые слова и не без хохота включают их в свой сленг, нередко чередуя с матерными словами. Между матом и нравственностью они не видят связи, как не видят ее между научной терминологией и примитивными смыслами своих рассуждений.

Объективные смыслы явлений скрыты за туманными представлениями. Школа, к сожалению, не может развить в детях способность постигать эти смыслы. Умолчим о том, что в современном обществе эта способность часто оказывается просто недопустимой, так как она исключает возможность манипуляции сознанием.

Определить истинность исторических явлений и их отражение в сознании общества нелегко. Э. В. Ильенкову удалось обосновать предметную суть философии и ее смысл для человеческого бытия, что вызвало активную дискуссию в научном обществе. Ранее предметное содержание философии сводилось к мышлению. Обосновывалась мысль о том, что

только мыслящее сознание способно к пониманию действительности, а следовательно, и к ее сознательному преобразованию. Наука не может познать субъективную способность человека мыслить. Самовосприятие науки, сосредоточенное на совокупности применяемых методов исследования, есть в лучшем случае ее собственный далекий от совершенства портрет. Философия стоит у истоков мышления, поэтому и в анализе этой способности восходит к природе человека, сущности его исторического бытия. Эта форма и интересовала Э. В. Ильенкова.

При всей зависимости от объективных материальных условий человек определяет себя сам, своими интересами и мерой своего ума. Ума достаточно, если этот ум удовлетворяет желания человека как потребителя. В системе образования молодое поколение получает те навыки, которые востребованы в обществе. Сознание, трактующее бытие шире и глубже необходимого, становится излишним.

Творчество становится содержанием особого бытия, находящегося за рамками материальных категорий. Сфера культуры в ее собственном широком смысле порождает представления, утрачивающие свою непосредственность и тем самым легко искажающие действительность. Реализм искусства начинает терять свои позиции, а смыслы художественного творчества, отчужденные от материальных форм жизни, создают иллюзорные представления о природе, смысле и формах бытия духа. Эти обстоятельства формируют религиозное сознание, в то время как религия «эксплуатирует» искусство и художественное творчество.

Сила мышления лежит в основании человеческой свободы, которая определяет создание человеческого идеала. Представления об этом идеале идут вразрез с капиталистически организованным бытием, в котором человеческие категории выступают эпифеноменальными. Именно поэтому господствующие в мире силы пресекают развитие у человека мыслящей способности.

Условием преобразования общественного устройства являются преодоление социальных разногласий, ниверование классовых различий и уничтожение частной собственности. Для этого необходима развитая культура мышления, выступающая средством и целью человеческого развития. Первостепенной

задачей социалистической революции выступал культурный переворот. Совершить и завершить ее означало достичь идеала коммунистического бытия. Э. В. Ильенков отмечал, что коммунизм – это общество умных людей, поэтому школа должна учить мыслить.

Такое жесткое сопротивление идеям упомянутых тезисов о предмете философии кажется удивительным. Но объективные основания для дрейфа марксистской философии в сторону узкодогматической формы есть. Почти поголовно безграмотная и голодная страна не имела возможности, объективных и субъективных условий для того, чтобы постичь глубины философского мышления. Но где, как не в сфере философии, не на философском факультете, призванном готовить кадры, обладающие высокой духовной культурой и развитым мышлением, можно увидеть начало строительства нового общества? Ведь и спустя столетие кадровый состав системы образования

поражает убожество личностного и духовного развития. Дать можно только то, что имеешь. Имеешь внутреннюю культуру – найдешь пути для ее передачи. Нет этого субъективно-личностного начала – тогда и не надо удивляться поклонению молодых людей техническому уму, искусственному интеллекту и т. д.

В точках соприкосновения субъективного с объективным всегда сохраняется загадка. Философия видит в этом свой основной вопрос. При этом способ мышления сохраняет себя в отчужденной предметной форме, а именно в объективно-предметной культуре исторического развития человека. Следовательно, способность мышления сохраняет себя в языке. Но и язык, как выраженная внешне объективная форма, может существовать лишь благодаря индивиду. Быть одновременно в объективности и субъективности возможно только через достижение их тождества.

Идолы и идеалы

Сделать будущее темой специального разговора привлекательно. Появилась даже новая наука – футурология. С помощью канонизирования обособившихся рассуждений ученый мир желает отличить себя от представителей паранауки. В высоких научных инстанциях даже создали комиссию, призванную определять, что есть наука, а что есть фальшивка. Футурология – хороший ход с целью отвлечь сознание от порождаемых действительностью идеалов. Идеалы требуют усилий ума. Идеи, прочерчивающие пути исторического осуществления этих идеалов, обосновывают себя разумом диалектического мышления. Впрочем, и их не сложно утопить в потоке поверхностных представлений. Хотя течение этого потока обусловлено объективными факторами и обстоятельствами, есть субъективные силы, способные управлять его содержанием. Искусство, философия, литература, образование стремительно летят в глубины общественных провалов. Стихия, определенная уровнем ума, любит ссылаться на объективные силы исторического процесса, якобы содержащие в себе невидимые истины человеческого бытия. Сон разума рождает чудовищ.

Неспособность различать идеалы и заблуждения представляет собой прекрасный материал для приготовления разных «блюдов» духовной пищи. Кажется, мы понимаем, что романтические мечты о будущем возникают из-за убогости бытия, а разговоры про исторические времена завершаются ощущением конца света. Но господствующие буржуазные силы далеки от романтики и знают, что делать. У этих сил есть «наука», которая думает, что она и есть истинное знание. Позитивизм считает, что всякая попытка выйти за рамки внешних материальных форм бытия означает утонуть в разного рода домислах и фантазиях, прежде всего в философских. Идеалы, согласно позитивизму, следует искать в истинах прагматизма, определяемых через предикат пользы.

Для каждой пользы создается «учебный курс», подкрепленный, конечно, статусом науки, так как истина заключается в пользе. Это простая, строгая, понятная и легко контролируемая система суждений. Примитивная догматизация классических философских истин лишает философию свободного мышления, что приводит к двум ошибкам: классика превращается в догму, а критика этой догмы обращается критикой самой классики. Иначе говоря, происходит подмена понятий: общество критикует собственные искажения и думает, что эти искажения и есть подлинная наука. В Новейшее время так происходило и с марксизмом, и с коммунизмом, и с другими идеологиями. Именно так, вполне сознательно, действует государственная система во всех сферах (в экономике, образовании, искусстве и т. д.).

С философией, претендующей на статус науки, такая же картина: либо она превращается в позитивизм, который носит имя науки, либо мнит себя способом рассуждения в любой сфере бытия и отказывается определять себя наукой и посвящать себя систематическому поиску истин (демонстрируя бессознательную интенцию к софистике и впадая в околонульную проституцию).

В тех случаях, когда философская мысль сохраняет свои границы и не нарушает логического закона тождества (говоря, например, об идеалах или времени), она менее всего ссылается на распространенные в сознании представления о той или иной категории. Ни одно философское понятие не может быть принято за истину, если оно не представлено в форме понятия. И оно никогда не сможет быть раскрыто, если сама форма не получит объективного выражения в своей истине.

В логическом определении истина, будучи опорой теоретического выражения действительности, требует сознательного отношения к пониманию самой себя как центральной формы мышления в философии.

Потому кажется, что, для того чтобы начать рассуждать на тему идеалов и их временного разворота, можно растеряться во множестве представлений на этот счет. Чтобы избежать такой ситуации, необходимо научиться отличать представление от понятия, мнение от истины, явление от сущности и т. д. Более того, важно правильно интерпретировать способ создания этих представлений. Анализ способа мышления должен выявить обоснованность критической позиции. Только при соблюдении всех указанных условий исследование любого явления может претендовать на научность, т. е. на обоснованность истинности теоретического движения мысли. Не заметить факт совпадения явления и сущности, т. е. момент истины в бытии, не найти адекватную форму языкового выражения истины, способ представленности понятия в действительности – значит отказаться от диалектического закона как ключевого принципа познания и практической деятельности.

Любой деятельности следует придать форму абсолютного идеала, иначе есть риск обречь себя на словоблудие и размахивание знаменами диалектики, материализма, марксизма и т. д. Современная, передовая мысль ничего не стоит, если она не основывается на классической философской культуре, зародившейся еще в эпоху Античности. Вопрос заключается в том, как постичь смысл человеческого бытия и выразить его через абсолютные формы исторического мышления, как принять принцип тождества бытия и мышления в качестве собственного способа мышления.

Тождество мышления и поверхностного содержания бытия никогда не выражает истины, бессознательно обходя ее. В современном мышлении, которое утвердилось благодаря умонастроениям постмодернизма, истина как категория исключена. В эмпирии

несложно найти факты совпадения бытия и сознания, но ни то, ни другое не выражает собой полноты в истине, поскольку не получает выражения в понятии.

Не сделать диалектическую форму ведущим способом мышления – значит остаться приверженным позитивизму с его дуализмом бытия и мышления. В позитивистской методологии тождество этих категорий имеет место только в так называемой фактической истинности, в соответствии мысли и языка факту. Более того, позитивизм содержит в себе долю субъективного идеализма.

Специально обсуждать эти проблемы публично, в печати, смешно. В дискуссиях, конечно, можно искать истину, но мышление, не умеющее оспаривать и обосновывать само себя, стоит мало. Сознание обязано видеть себя через рефлексию абсолютных форм. Я сам оказываюсь в противопоставлении самому себе только как отражение проблемности мышления. В трудах Г. В. Ф. Гегеля объективный исторический процесс выражен в диалектической форме тождества бытия и мышления. Этот принцип Э. В. Ильенков считает неким паролем при входе в философию.

Если нет ни мотива, ни решимости познавать истину вещей, философией лучше не заниматься. На рынке бытия болтовня оплачивается хорошо и продается в любой обертке. Но философия есть то, что нельзя ни купить, ни продать. Она требует большого труда. Если не увидеть идеал как ведущий принцип общественного производства человеком самого себя, если не увидеть в разделении труда возникновение форм собственности, идола легко превращаются в идеалы, а устойчивая форма идолов – в истины. Диалектику так же легко превратить в идола, и чем меньше ума, тем сильнее идола. И они имеют те же основания, что и сознание. Именно этой проблематике посвящены знаменитые тезисы Э. В. Ильенкова.

Творчество Э. В. Ильенкова: философский анализ

Метод исследования, по мнению Г. В. Ф. Гегеля, направлен на содержание объекта. Может показаться, что метод должен быть специфичным и соответствующим предмету изучения. Диалектическое мышление, однако, универсально, потому, в каких бы условиях и относительно какого бы предмета оно не осуществлялось, оно будет иметь общую форму. Задача исследования состоит в том, чтобы выяснить суть объекта.

Есть ли различие между объективным предметом исследования и неким идеальным теоретическим образом? Казалось бы, конечно, есть. Различие в том, как действует философ и как действует физик, является очевидным. Философ работает с текстом, исследует проблемы бытия и будто не сосредоточен на объективных предметах. В естественной науке все наоборот: физик имеет дело с реальными объектами, а способ их теоретического описания как будто мало интересует ученого.

Кажется, что общественные отношения не имеют однозначной определенности в отличие от устойчи-

вых и вполне конкретных связей в реальном физическом мире. Причина заключается в том, что любой индивид несет в себе субъективность и произвол, чего нет в природной действительности. Возможно, именно этот смысл содержится в афористичной формулировке А. Эйнштейна, согласно которой познать атом есть детская игра по сравнению с познанием детской игры. Общественная мысль с давних пор обеспокоена стабильностью развития, тогда как космос представляется компонентом вечного порядка Вселенной.

Мышление – это отражение формы всеобщего развития, которое осуществляется в форме предметно-преобразовательной деятельности. Оно в данном контексте есть идеальная форма, и это тождество Э. В. Ильенков упоминает как бы мимоходом. Ведь и без специального анализа ясно, что мышление есть идеальная представляющая форма.

Лишь указать на тождество различных форм недостаточно, и не только потому, что оно представляет разные категории (а пределом этого тождества

диалектика считает тождество противоположностей), но и потому, что мышление нуждается в явлении способа перехода одной формы в другую.

Любая вещь, обладающая целостностью, «снимает» процесс своего становления. Получаемая форма есть идеальная форма. Вопрос может показаться непростым, но он должен быть разрешен. Говорить о диалектическом мышлении иначе означает тратить время на пустую болтовню.

В учении К. Маркса мышление вынесено за рамки того объекта, на который оно направлено. Но в конечном счете оно направлено на целостность конкретного объекта. Действительность воссоздается

как объективный процесс, осуществляемый общественным субъектом – человеком. И в контексте этого процесса формируются идеальные функциональные отношения.

Мышление есть идеальная форма предметно-преобразовательной деятельности человека. Индивидуальное сознание есть отражение общественной действительности. Способность ученого к историческому мышлению выступает как обособленная форма сознания, противостоящая самой действительности. Обыденное сознание в этом явлении общественного бытия видит собственные абстрактные образы.

Начало и конец познания

Само по себе начало не является чем-то непосредственным. Хорошо известно, а со времен Г. В. Ф. Гегеля и теоретически обосновано, что нет ничего непосредственного, что не было бы опосредствованным. Как и наоборот, любое опосредствованное несет в себе момент непосредственности.

Однако противоположность начала и конца – всего лишь предпосылка конкретного диалектического мышления, в котором все предположенное должно стать положенным. Любая противоположность должна обнаружить себя как в другой противоположности, так и в собственной противоположности.

Сложно понять, с какой стороны подступить к объекту, если мы извлекаем его из контекста и удерживаем в сознании как изолированное бытие. Наблюдая явление изнутри (как в эксперименте), мы, благодаря наличию в составе нашей субъективности категориальных определений, ищем, с чего начать изучение. И начинаем с того, что является предпочтительным для нашей субъективности. Но начинать надо с того, с чего начинается сама вещь.

Начало и конец любого объекта бытия совершенно не очевидны. Начало есть проблема любой науки, способной с теоретическим вниманием отнестись к своему предмету. Начало и конец, сохраняя себя

в единстве, до полной противоположности расходятся в категории времени, там, где есть историческое движение. И начало как будто исчезает в прошлом. Однако, если открыть бытие в настоящем, можно увидеть пространственное бытие, где как будто рядоположены начало и конец.

Однако такой взгляд на логику познания точен только в рамках исследующего мышления. Обобщать мышление по его реальному эмпирическому осуществлению не означает найти его истинную форму и тем более познать его природу. Основываясь на логике, невозможно представить некие фиксированные наукой мертвые формы мышления. Предмет оживает в мысли так же, как он оживает в реальной деятельности. Понятие логики может быть связано только с формой воссоздания этого процесса. Мышление, составляющее образ предмета, тождественно внутренней логике движения любого объекта. Оно универсально потому, что является всеобщей формой деятельности человека.

Каждая категория мышления сохраняет тождественность самой себе. Чистота и простота каждой категориальной формы определяется ее особой функцией в активной динамике человеческой деятельности.

Личностная форма

Экзистенциализм, уходя от изучения фундаментальных проблем общественно-исторического бытия человека и фиксируя свое внимание на его индивидуальных характеристиках, развивает ряд категорий, которые тяготеют к основам психологии личности. Э. В. Ильенков видит в этом не более чем беллетристику. Он анализирует личность через исследование факторов ее формирования и развития. И сделать это, утверждает он, можно только путем диалектического мышления: какова логика, таков и образ личности.

Понятие личности кардинально отличается от сколь угодно богатого описания уникальности, единичности человека. Категория «единичное» может быть объяснено только через анализ категорий «всеобщее» и «особенное», поэтому понятие личности

может быть выражено как особенное проявление общественно-исторического содержания. Проблема свободы в данном случае не сводится к абстрактному определению индивидуального бытия человека в условиях буржуазного общества.

В своей академической философской деятельности Э. В. Ильенков никогда не пренебрегал педагогической проблематикой. Развитие личностных способностей есть объективная историческая потребность общественного бытия индивида, а без привлечения мышления педагогическая практика бесполезна, что бы она сама о себе ни мнила.

Полноту категориального состава мышления как универсальной деятельной идеальной формы сознания может обеспечить логический и педагогический

анализ предметной деятельности индивида. Такой подход позволяет реализовать идею тождества бытия и мышления. Данная идея, уходящая корнями в творчество Парменида, обрела диалектическую форму у Гераклита. Сократ рассматривал ее как единство бытия и сознания. Г. В. Ф. Гегель способствовал тому, чтобы эта идеальная форма отделилась от бытия и получила продолжение в отвлеченной теоретической форме.

Личностный рост индивида, обусловленный объективной связью культурно-исторического и индивидуального, требует преобразования социальных условий, тех общественных отношений, которые, по мнению К. Маркса, олицетворяют собой сущность человека, совокупность всех его индивидуальных способностей. Исключение последних из общественных отношений было бы неосмотрительным. Анализ понятия личности, по словам Э. В. Ильенкова, непосредственно связан с логикой исследования формы личностной реализации.

По словам К. Маркса, сущность человека есть тотальная общественная связь. «С другой стороны, – пишет Э. В. Ильенков, – система разделения труда в целом ведет себя по отношению к каждому отдельному человеку как чудовищно гигантский механизм, выжимающий из него максимум деятельной энергии, ненасытно всасывающий живой труд и превращающий его в мертвый труд, в предметное тело цивилизации. Предметное, вещное богатство выступает здесь целью всего процесса, а живой человек (субъект труда) – лишь орудием, своеобразным полуфабрикатом и средством производства и воспроизводства богатства. Так уж организована данная система производства, так она сложилась, что все ее органы и механизмы приспособлены к максимально эффективной эксплуатации человеческого существа, его деятельных способностей» [2, с. 139–140]. Эти слова Э. В. Ильенков написал 60 лет назад, в условиях социалистической действительности. В ту пору такие представления не могли быть восприняты обществом всерьез. Сегодня, надо полагать, любой человек испытывает всестороннюю зависимость. Даже тот, кто господствует, делает это в субъективном смысле. Все основывается на разделении труда как

объективном процессе, закону которого подчинены и господствующие, и подчиняющиеся.

По словам Э. В. Ильенкова, нет божества без убожества. И факт распространенности религиозно-мистических представлений лишь свидетельствует об уровне современного ума. Ум ищет не там, где он зарождается, а там, где есть свет. Это глубочайший самообман. Проблема истины прячется в маскарадных манифестациях.

Личностные потенции индивида определяются внутри общественного бытия. Весь человеческий мир создается трудом. Человек выступает субъектом этого труда. Результатом его он кормит свое тело и свой дух. Человек живет в особом, созданном им мире. Постепенно этот мир начинает жить по своим законам, которые человек далеко не сразу замечает. Эти законы проявляются во всем, и человек, не умеющий мыслить, остается в плену иллюзорных представлений. Природа данного явления основывается на фундаментальных отношениях внутри общества. Логика развития этих отношений становится логикой самосознания людей.

Индивидуальные способности человека определяют его судьбу. Каждый ищет свою нишу. Ограничивая свое сознание рамками этой ниши, индивид не способен увидеть мир в его целостности. Мотивация человека грязнет в мелких частных интересах. Лишь стихийно развивающиеся обстоятельства заставляют людей расширить свой взор.

Э. В. Ильенков занимался исследованием происхождения человеческой психики. Он показал ее принципиальное отличие от психики животных. По его мнению, именно на пересечении этих областей и формируется человеческая личность. Судьба людей определяется только общественными отношениями.

Всю свою жизнь Э. В. Ильенков подвергался травле и со стороны властей, и со стороны коллег. Во властных структурах были и те, кто активно поддерживал этого оригинального философа-марксиста. Однако и тогда, и сейчас общество удивляет своей философской необразованностью. Безумие остается чертой почти каждого, претендующего на статус умного человека.

Библиографические ссылки

1. Лобастов ГВ, составитель. *Образ Эвальда Ильенкова в воспоминаниях*. Москва: Русская панорама; 2024. 448 с.
2. Ильенков Э. *Об идолах и идеалах*. Киев: Час-крок; 2006. 312 с.

References

1. Lobastov GV. *Obraz Eval'da Il'enkova v vospominaniyakh* [The image of Evald Ilyenkov in memories]. Moscow: Russkaya panorama; 2024. 448 p. Russian.
2. Ilyenkov E. *Ob idolakh i idealakh* [About idols and ideals]. Kyiv: Chas-krok; 2006. 312 p. Russian.

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

УДК 101.8:316.3(043.3)

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФИЛОСОФСКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Е. М. БАБОСОВ¹⁾, Ю. Л. БАНЬКОВСКАЯ²⁾

¹⁾Институт социологии НАН Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

²⁾Белорусский государственный аграрный технический университет,
пр. Независимости, 99, 220023, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Отмечается, что в условиях развития и распространения информационно-коммуникационных технологий все большую актуальность приобретает поиск новых механизмов поддержания стабильности в функционировании социума. Выявляются онтологические основания такого феномена, как информационная война. Отмечаются онтологические, антропологические и социально-аксиологические факторы конституирования нового пространства информационных войн. Подчеркивается, что информационное противостояние приводит к неустойчивости развития общества. Перечисляются качественные признаки сетевых структур: горизонтальная организация, неустойчивость, опосредованность, динамичность, анонимность, мгновенность трансляции информации, отсутствие географических и темпоральных границ, бесконтактность.

Ключевые слова: информационная война; конфликт; информация; сетевые структуры; безопасность.

Образец цитирования:

Бабосов ЕМ, Баньковская ЮЛ. Онтологические основания философско-социологического осмысления информационной войны. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2024;2:29–34.
EDN: TUHGNA

For citation:

Babosov EM, Bankouskaya YuL. The ontological foundations of the philosophical and sociological understanding of the information war. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2024;2:29–34. Russian.
EDN: TUHGNA

Авторы:

Евгений Михайлович Бабосов – доктор философских наук, академик НАН Беларуси, профессор; главный научный сотрудник.

Юлия Леонидовна Баньковская – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин инженерно-технологического факультета.

Authors:

Evgenii M. Babosov, doctor of science (philosophy), academician of the National Academy of Sciences of Belarus, full professor; chief researcher.
babosov@yandex.ru

Yuliya L. Bankouskaya, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of social and humanitarian disciplines, faculty of engineering and technology.
ulia_bank@tut.by

<https://orcid.org/0000-0001-9287-7261>

THE ONTOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE PHILOSOPHICAL AND SOCIOLOGICAL UNDERSTANDING OF THE INFORMATION WAR

E. M. BABOSOV^a, Yu. L. BANKOUSKAYA^b

^aInstitute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus, 1 Surganova Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

^bBelarusian State Agrarian Technical University, 99 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220023, Belarus

Corresponding author: Yu. L. Bankouskaya (ulia_bank@tut.by)

Abstract. It is noted that in the context of the development and spread of information and communication technologies, the search for new mechanisms for maintaining stability in the functioning of society is becoming increasingly relevant. The ontological foundations of such a phenomenon as information warfare are revealed. The ontological, anthropological and socio-axiological factors of the constitution of the new space of information wars are noted. It is emphasised that information confrontation leads to instability in the development of society. The qualitative features of network structures are listed: horizontal organisation, instability, mediation, dynamism, anonymity, instantaneous transmission of information, absence of geographical and temporal boundaries, contactlessness.

Keywords: information warfare; conflict; information; networks; security.

Сегодня, в условиях ухудшения мировой геополитической обстановки, значительно увеличилось количество информационных угроз, затрагивающих государственные интересы. Увеличение объема информации и обеспечение широкого доступа к ней, с одной стороны, способствуют большей осведомленности граждан о происходящих в мире событиях, позволяя им сформировать свое мнение о той или иной проблеме, а с другой стороны, приводят к манипулированию общественным сознанием.

Одним из следствий развития и распространения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) является интенсификация информационных войн. В границах сетевого пространства разворачиваются многочисленные конфликты. Угрозой мирового масштаба является киберпреступность. Сеть можно рассматривать «и как способ бытия и сознания человека (группы людей, общества, мира), и как самопорождение человека, в том числе на ментальном и духовном уровнях» [1, с. 52].

Информационная война представляет собой сложный процесс социально-политических и военно-технологических взаимодействий, направленный на качественное изменение сложившегося мироустройства посредством использования ИКТ. Результатом комплексного использования информационного оружия является достижение определенных экономических, политических и социокультурных целей. Конфликтующие стороны предпринимают действия, направленные на дестабилизацию информационной системы противника, и одновременно принимают меры по укреплению и защите собственной информационной системы [2, с. 69].

Онтологическим основанием информационной войны являются сведения, распространяемые в средствах массовой коммуникации и интернете. Они способны не только влиять на общественные процессы, но и формировать социальное бытие человека. Сетевизация и цифровизация общества обусловили появ-

ление новых возможностей для обработки, хранения, накопления, передачи и создания информационных потоков. По критерию эффективности и стоимости современное информационное оружие значительно превосходит другие виды вооружения [3, с. 13]. По степени воздействия на массовое сознание оно сопоставимо с оружием массового поражения на поле боя [4, с. 79]. Интернет, являясь «глобальным коммуникационным медиумом, который впервые сделал возможным общение многих людей со многими другими в любой момент времени и в глобальном масштабе» [5, с. 15], содействовал включению человека в глобальное информационное пространство, которое изменило сложившуюся модель взаимоотношений акторов и привычную коммуникативную среду. Социальные сети и иные виртуальные сообщества, обладая возможностями для мгновенной трансляции информации, способны манипулировать общественным мнением.

Действенность той или иной информации обеспечивается благодаря акторам, которые создают, транслируют, воспроизводят, нейтрализуют и контролируют данные. Специфика проявления этих акторов в интернете обусловлена наличием у них атрибутов индивидуальности и социальности. В виртуальном пространстве отражено все многообразие социальных взаимоотношений, характер которых определяется как индивидуальными характеристиками субъектов, особенностями их мировосприятия, так и актуальными социальными процессами. Акторами в данном случае могут выступать дискретные индивидуальные, корпоративные или социальные объединения, например группы людей, подразделения в системе государственных учреждений, национальные государства и т. д. [6, р. 17].

Онтологическим основанием конституирования той или иной сети является механизм создания и выстраивания социальных отношений между акторами. Сетевые связи действуют как трансляторы информа-

ции, знаний, материальных ресурсов [7, p. 389–390]. Осуществляя определенную деятельность и используя коммуникационные, информационные и финансовые ресурсы [8, с. 35], актер удостоверяет свое местоположение. Французский философ и антрополог Б. Латур отмечал, что действие такого актора представляет собой инструмент, направленный на трансформацию информационного поля. Соответственно, актором становится любой носитель информации, представляемый компьютерной программой, вирусом и являющийся «источником действия» [9, с. 182]. По мнению М. Грановеттера, актер, как действующее лицо [10, p. 1422], выступает в качестве неопределенного феномена, создающего и изменяющего свою сущность в процессе взаимодействия с интернет-структурами.

Качественными признаками сетевых структур выступают горизонтальная организация, неустойчивость, опосредованность, динамичность, анонимность, мгновенность трансляции информации, отсутствие географических и темпоральных границ, бесконтактность.

Сети конституируют новые возможности для деструктивного использования информации. Информационные сетевые структуры оказывают сильнейшее давление на органы чувств человека [11, с. 284]. Недостоверность, фрагментарность и разрозненность сведений о той или иной проблеме приводят к тому, что человек лишается возможности составить ее целостный образ. Российские исследователи С. М. Виноградова и И. А. Михальченко отмечают, что манипулирование индивидуальным и общественным сознанием на первоначальном этапе может усиливать существующие в нем идеалы и нормы поведения, а впоследствии трансформировать взгляды на события и кардинальным образом изменять жизненные установки [12, с. 49].

Взаимоотношения сетевых элементов выстраиваются на основании формальных и неформальных связей, продуцируемых социальной практикой, ценностями, потребностями и ресурсами общества. Российский исследователь Н. И. Бритвин трактует социальную сеть как «социальную структуру, состоящую из узлов / акторов (примерами узлов могут быть отдельные люди, группы людей или сообщества), связанных между собой одним или несколькими способами (главным образом нецентрализованного типа) посредством социальных взаимоотношений» [13, с. 46]. Американские ученые А. Марин и Б. Веллен акцентируют внимание на структурной организации сети, характеризуя данный феномен как «набор узлов, связанных одним или более типом отношений»¹ [14, p. 11]. Таким образом, содержательными элементами сетевой структуры являются акторы, расположенные в ее точках или вершинах и взаимодействующие между собой посредством объединения в клики или узлы. Оказывая влияние на

внутренний мир человека, его ценности, представления и убеждения, сетевые структуры формируют определенную модель взаимоотношений между акторами, обуславливают специфику их деятельности в сетевом образовании, занимаемое ими положение, характер их взаимосвязей с другими сетевыми элементами и т. д. Они могут существовать как в форме универсального социального механизма, оказывающего давление на социальное окружение в целях формирования того или иного видения проблемной ситуации, так и в форме структурного компонента, ориентированного на обеспечение стабильности социального развития.

Сетевая структура формируется таким образом, что у каждого узла существует множество связей с другими кликами. Благодаря этому повышается вероятность накопления информации, создается множество источников ее трансляции, распределения, концентрации и интеграции. Центральные узлы могут оказывать значительное воздействие на проблемную ситуацию, поскольку акторы, находящиеся на периферии сетевой структуры, потребляют сведения, предоставляемые им центральными кликами. В то же время периферийные акторы могут распространять недостоверные сведения и влиять на процессы, происходящие в социальной реальности.

Процесс распространения информации в интернете сложно регулировать и контролировать, поэтому риск разгорания информационных войн в виртуальном пространстве постоянно растет. Наличие нескольких узловых точек, представленных множеством периферийных акторов, которые распространяют информацию и содействуют формированию новых кликов, приводит к тому, что нивелировать или снизить степень деструктивного воздействия узлов на определенную ситуацию становится невозможным. В случае блокировки или исчезновения одних влиятельных центров возникнут новые, потенциально взаимозаменяемые лидеры. Следовательно, сетевые структуры обладают способностью к самоорганизации, позволяющей им сохранить условия своего функционирования и снизить риск деструктивных последствий. Близость связей между акторами содействует расширению возможностей координации их действий в конфликтной ситуации. Вместе с тем формируются дополнительные механизмы для манипулирования общественным мнением.

Асимметрия власти и влияния приводит к тому, что периферийные элементы могут оказывать значительное воздействие на конфликт. Расширение возможностей доступа населения к информации повышает уровень его адаптивности к социальным и политическим условиям, но в то же время продуцирует новые риски. Применение периферийных элементов вызвано необходимостью увеличения числа взаимосвязей узлов в целях более быстрого нахождения и трансляции информации. Установление дополнительных

¹Здесь и далее перевод наш. – Е. Б., Ю. Б.

связей между узлами расширяет возможности акторов, а именно позволяет им влиять на протекание и разрешение информационного противостояния. Посредники, связывая между собой акторов, координируя их действия и влияя на их приоритеты и установки, создают условия для динамики конфликта.

Следствием сетевизации и цифровизации общества стало искусственное конституирование новых смыслов, которые не укладываются в объективную реальность. Виртуализация ментальности привела к тому, что на восприятие человеком событий, происходящих в обществе, все более значимое воздействие начали оказывать образы. Использование новых инструментов для психологического давления на общественное мнение привело к тому, что информационные войны приобрели гибридную форму. Информационные атаки направлены на изменение человеческого сознания. Они «используются как психотропное оружие, как эффективный инструмент ведения широкомасштабных информационно-психологических войн» [15, с. 209].

Традиционно войны были ограничены определенными географическими рамками. С распространением ИКТ война обрела новые формы. Сегодня информационное противостояние выходит за географические границы государств. При этом снижается значимость гендерных и возрастных характеристик акторов. Их физическая дистанцированность создает иллюзию безнаказанности за совершаемые действия. Открытый доступ к информации в условиях отсутствия эффективных мер по ее защите нередко приводит к использованию тех или иных данных в преступных целях.

Информационная война может быть анонимной. Анонимность создает «эффект расслабления» [16, р. 43–52] и вседозволенности. Данные обстоятельства, с одной стороны, способствуют развитию креативности личности, расширяют возможности для продуктивного обсуждения противоречий и принятия эффективного решения, но с другой стороны, увеличивают пространство информационного противостояния вследствие привлечения новых акторов. Сложность идентификации людей, распространяющих недостоверную информацию, и большие временные затраты на опровержение сфальсифицированных данных не позволяют противостоять дезинформированию. Возникают ситуации, при которых акторы, не обладая истинным знанием о проблеме, начинают действовать в соответствии с имеющимися у них искаженными представлениями. Возможность анонимного общения приводит к тому, что «без угрозы наказания и социального одобрения люди говорят и делают такие вещи, которые бы не стали говорить и делать под своим именем, позволяют себе гораздо больше, чем привыкли в обычной жизни, где они несут ответственность за свои поступки и высказывания» [17, с. 186].

Основным методом ведения информационной войны выступает производство фейков. Они являются

ключевым инструментом для манипулирования поступками и действиями людей. Фейковые сообщения ориентированы как на привлечение внимания разных социальных групп, так и на их побуждение к определенным действиям. Спамеры могут распространять недобросовестную рекламу, нелегальный контент, внедрять в компьютеры пользователей вредоносные программы, а также получать доступ к личной информации [18, с. 97].

Можно выделить следующие способы формирования фейковых данных:

- создание и распространение недостоверной информации о событиях, имеющих социальное или политическое значение (данные действия направлены то, чтобы посеять панику, страх и смятение среди граждан, побудить их к протестам);

- использование старых видео- и фотоматериалов для экстраполяции данных на настоящую ситуацию;

- ложная интерпретация фотографий;

- проведение постановочных съемок;

- использование фрагментов фильмов, видеороликов и иных видеоклипов для видеомонтажа.

В настоящее время страны Западной Европы, прежде всего входящие в блок НАТО, ведут информационную войну против России и Беларуси. Объектом информационного воздействия, как отмечают исследователи, выступают «войска Российской Федерации, которые участвуют в проведении специальной военной операции на Украине... основные группы населения России и Беларуси... политические деятели и население стран Запада, политические деятели и население незападных и антизападных стран» [19, с. 20]. Одним из передовых подразделений белорусской армии является рота информационных технологий, задача которой состоит в обеспечении информационной безопасности государства.

Кибертерроризм, как оружие гибридной войны, направлен на подрыв политической, экономической, социальной и военной стабильности общественного развития. Существуют следующие формы кибертерроризма:

- атаки на банковские и коммерческие структуры, учреждения сферы здравоохранения, образования и т. д.;

- социально-психологическое давление на людей путем инициации злонамеренных тревожных слухов, продуцирующих широкий общественный резонанс;

- использование компьютерных вирусов (взлом и повреждение серверов, кража личной информации, а также данных, имеющих государственную важность);

- атаки на систему безопасности, управленческие структуры государства.

Сегодня обеспечение информационной безопасности государства становится необходимым условием национальной безопасности. Новые угрозы требуют разработки действенных правовых норм,

касающихся распространения информации, а также формирования новой системы ценностей, отвечающей современным условиям развития общества.

Перед государством стоит ряд вопросов, связанных с безопасным использованием ИКТ. Распространяемая в интернете информация должна быть объективной и не должна противоречить государственной политике.

Таким образом, информационные войны становятся новой угрозой для современного общества. Следствием развития и распространения сетевых технологий стало повышение риска информационных атак. Пространство ведения информационной войны постоянно расширяется, в результате чего в противостояние вовлекается все больше государств. Исследование онтологических оснований и факторов информационной войны приобретает высокую социально-политическую значимость.

Сетевые структуры оказывают двойственное влияние на информационную среду. С одной стороны, они снижают уровень информационной неопределенности, создавая конструктивные условия для разрешения противоречий. С другой стороны, деструктивное использование сведений приводит к конфликтам. Применение информационного оружия позволяет контролировать огромные территории, оказывать воздействие на социальные, политические и экономические процессы во многих государствах. Эффективность данного инструмента обусловлена полифункциональностью его применения, отсутствием темпоральных и географических границ, расширением пространства использования, мультимедийностью, трудностью верификации и незначительными финансовыми вложениями. В связи с этим обеспечение информационной безопасности выступает одним из ключевых условий сохранения государственности.

Библиографические ссылки

1. Шенцева ЕА. Сетевой подход: истоки и перспективы. *Идеи и идеалы*. 2012;2(12):48–57.
2. Расторгуев СП. *Информационная война*. Москва: Радио и связь; 1998. 415 с.
3. Расторгуев СП. *Математические модели в информационном противоборстве: экзистенциальная математика*. Москва: АНО ЦСОиП; 2014. 259 с.
4. Новосельцев ВИ, Тарасов БВ. *Системная теория конфликта*. Москва: Осипенко А. И.; 2011. 333 с.
5. Кастельс М. *Галактика Интернет: размышления об интернете, бизнесе и обществе*. Матвеева А, переводчик; Харитонов В, редактор. Екатеринбург: У-фактория; 2004. 327 с.
6. Wasserman S, Faust K. *Social network analysis: methods of applications*. Cambridge: Cambridge University Press; 1994. 825 p.
7. Pallotti F, Lomi A. Network influence and organisational performance: the effects of tie strength and structural equivalence. *European Management Journal*. 2011;5(29):389–403. DOI: 10.1016/j.emj.2011.02.005.
8. Анисимова НА, Добаев ИП. *Сетевые структуры террористов на Северном Кавказе*. Москва: Редакция журнала «Социально-гуманитарные знания»; 2016. 143 с.
9. Латур Б. Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими усложнениями. *Логос*. 2017;1(27):173–197. DOI: 10.22394/0869-5377-2017-1-173-197.
10. Granovetter M. Threshold models of collective behaviour. *The American Journal of Sociology*. 1978;6(83):1420–1443.
11. Романов ОА. *Восточнославянская цивилизация в горизонте открытой истории*. Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы; 2018. 334 с.
12. Виноградова СМ, Михальченко ИА. Информационный обмен. Информационные войны. В: Вус МА, редактор. *Информационное общество. Информационные войны. Информационное управление. Информационная безопасность*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет; 1999. с. 25–68.
13. Бритвин НИ. Социальные сети как прообраз общественного устройства. *Власть*. 2008;1:45–49.
14. Marin A, Wellman B. Social network analysis: an introduction. In: Scott J, Carrington PJ, editors. *The SAGE Handbook of Social Network Analysis*. London: SAGE Publications Ltd.; 2011. p. 11–25.
15. Кириченко АВ. Информационно-психологические войны: современные тенденции и технологические возможности. *Акмеология*. 2015;4(56):209–214.
16. Green MC. Trust and social interaction on the Internet. In: Joinson A, editor. *Oxford Handbook of Internet Psychology*. New York: Oxford University Press; 2007. p. 43–52.
17. Бочавер АА, Хломов КД. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2014;3(11):177–191.
18. Красовская НР, Гуляев АА. К вопросу о контроле фейков, дипфейков, фейковых аккаунтов в интернете. *Вестник Удмуртского университета. Серия: Социология. Политология. Международные отношения*. 2021;1(5):96–99. DOI: 10.35634/2587-9030-2021-5-1-96-99.
19. Журавлева ЛА, Зарубина ЕВ, Ручкин АВ, Симачкова НН, Чупина ИП. Современная информационная война. *Образование и право*. 2022;9:18–26. DOI: 10.24412/2076-1503-2022-9-18-26.

References

1. Shentseva EA. Network approach: origins and prospects. *Idea and ideals*. 2012;2(12):48–57. Russian.
2. Rastorguev SP. *Informatsionnaya voina* [Information war]. Moscow: Radio i svyaz'; 1998. 415 p. Russian.
3. Rastorguev SP. *Matematicheskie modeli v informatsionnom protivoborstve: ekzistentsial'naya matematika* [Mathematical models in information warfare: existential mathematics]. Moscow: ANO TsSOiP; 2014. 259 c. Russian.
4. Novosel'tsev VI, Tarasov BV. *Sistemnaya teoriya konflikta* [The systemic theory of conflict]. Moscow: Osipenko A. I.; 2011. 333 p. Russian.

5. Kastel's M. *Galaktika Internet: razmyshleniya ob internete, biznese i obshchestve* [Galaxy Internet: reflections on the Internet, business and society]. Matveeva A, translator; Kharitonov V, editor. Ekaterinburg: U-factoria; 2004. 327 p. Russian.
6. Wasserman S, Faust K. *Social network analysis: methods of applications*. Cambridge: Cambridge University Press; 1994. 825 p.
7. Pallotti F, Lomi A. Network influence and organisational performance: the effects of tie strength and structural equivalence. *European Management Journal*. 2011;5(29):389–403. DOI: 10.1016/j.emj.2011.02.005.
8. Anisimova NA, Dobaev IP. *Setevye struktury terroristov na Severnom Kavkaze* [Terrorist network structures in the North Caucasus]. Moscow: Redaktsiya zhurnala «Sotsial'no-gumanitarnye znaniya»; 2016. 143 p. Russian.
9. Latyr B. [About actor-network theory. Some clarifications, supplemented by even greater complications]. *Logos*. 2017;1(27):173–197. Russian. DOI: 10.22394/0869-5377-2017-1-173-197.
10. Granovetter M. Threshold models of collective behaviour. *The American Journal of Sociology*. 1978;6(83):1420–1443.
11. Romanov OA. *Vostochnoslavyanskaya tsivilizatsiya v gorizonte otkrytoi istorii* [The East Slavic civilisation in the horizon of open history]. Grodno: Yanka Kupala State University of Grodno; 2018. 334 p. Russian.
12. Vinogradova SM, Mihal'chenko IA. [Information exchange. Information wars]. In: Vus MA, editor. *Informatsionnoe obshchestvo. Informatsionnye voyny. Informatsionnoe upravlenie. Informatsionnaya bezopasnost'* [Information society. Information wars. Information management. Information security]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University; 1999. p. 25–68. Russian.
13. Britvin NI. [Social networks as a prototype of the social structure]. *Vlast'*. 2008;1:45–49. Russian.
14. Marin A, Wellman B. Social network analysis: an introduction. In: Scott J, Carrington PJ, editors. *The SAGE Handbook of Social Network Analysis*. London: SAGE Publications Ltd.; 2011. p. 11–25.
15. Kirichenko AV. Informational-psychological war: modern trends and technological capabilities. *Akmeologiya*. 2015;4(56):209–214. Russian.
16. Green MC. Trust and social interaction on the Internet. In: Joinson A, editor. *Oxford Handbook of Internet Psychology*. New York: Oxford University Press; 2007. p. 43–52.
17. Bochaver AA, Khlomov KD. Cyberbullying: harassment in the space of modern technologies. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2014;3(11):177–191. Russian.
18. Krasovskaya NR, Gylyaev AA. On controlling fakes, deepfakes, fake accounts in the Internet. *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political science. International Relations*. 2021;1(5):96–99. Russian. DOI: 10.35634/2587-9030-2021-5-1-96-99.
19. Zhyravleva LA, Zarybina EV, Rychkin AV, Simachkova NN, Chypina IP. Modern information warfare. *Obrazovanie i pravo*. 2022;9:18–26. Russian. DOI: 10.24412/2076-1503-2022-9-18-26.

Статья поступила в редколлегию 16.03.2024.
Received by editorial board 16.03.2024.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ НА ПРИМЕРЕ РЕФОРМЫ ИНСТИТУТОВ КОНФУЦИЯ

Д. А. СМОЛЯКОВ^{1), 2)}, ХУАН ЯНЬ³⁾

¹⁾Линнаньский педагогический университет, ул. Цундин, 29, 524048, г. Чжаньцзян, Китай

²⁾Институт философии НАН Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

³⁾Институт марксизма Гуандунского океанического университета, ул. Хайда, 1, 524088, г. Чжаньцзян, Китай

Аннотация. На примере реформы сети институтов Конфуция исследуются особенности изменения международной политики Китая. Отмечается, что за последние 15 лет институты Конфуция стали играть ключевую роль в расширении международного сотрудничества государства. Однако с недавних пор время данный проект столкнулся с массивной критикой на фоне растущей глобальной турбулентности и напряженности в отношениях между Китаем, Соединенными Штатами Америки и другими странами. Ответом Китая на критику стало последовательное реформирование сети институтов Конфуция, демонстрирующее приверженность государства к двустороннему взаимодействию и отказ от приоритета глобализации. Подчеркивается, что Китай стремится налаживать контакты с развивающимися странами и испытывает сомнения по поводу преодоления напряженности в отношениях с некоторыми развитыми государствами.

Ключевые слова: внешняя политика Китая; институты Конфуция; глобализация; глобальная турбулентность.

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке Линнаньского педагогического университета (грант № ZB130102, тема «Путь развития Беларуси: политическая система и модель развития»).

CHINA'S FOREIGN POLICY IN AN ERA OF GLOBAL TURBULENCE: EXAMINING THE REFORM OF CONFUCIUS INSTITUTES

D. A. SMALIAKOU^{a, b}, HUANG YAN^c

^aLingnan Normal University, 29 Cunjin Road, Zhanjiang 524048, China

^bInstitute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus, 1 Surganova Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

^cInstitute of Marxism, Guangdong Ocean University, 1 Haida Road, Zhanjiang 524088, China

Corresponding author: D. A. Smaliakou (d.smaliakou@live.com)

Abstract. Using the example of the reform of the network of Confucius Institutes, the features of changes in China's international policy are explored. It is noted that over the past 15 years, Confucius Institutes have begun to play a key role in expanding the state's international cooperation. However, the project has recently faced massive criticism amid growing global

Образец цитирования:

Смоляков ДА, Хуан Янь. Внешняя политика Китая в условиях глобальной турбулентности на примере реформы институтов Конфуция. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2024;2:35–40 (на англ). EDN: MLTZYZ

For citation:

Smaliakou DA, Huang Yan. China's foreign policy in an era of global turbulence: examining the reform of Confucius institutes. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2024;2:35–40. EDN: MLTZYZ

Авторы:

Дмитрий Анатольевич Смоляков – кандидат философских наук; главный научный сотрудник белорусско-китайского исследовательского центра философии и культуры¹⁾, старший научный сотрудник²⁾.

Хуан Янь – доктор наук (политические науки и дипломатия); заместитель главы отделения идеологии, нравственности и права.

Authors:

Dzmitry A. Smaliakou, PhD (philosophy); chief researcher at the Sino-Belarusian Philosophy and Culture Research Center^a, and senior researcher^b.

d.smaliakou@live.com

Huang Yan, PhD (political sciences and diplomacy); deputy head of the department of ideology, morality and law.

huangyan85526@163.com

<https://orcid.org/0000-0002-0724-7554>

turbulence and tensions between China, the United States of America, and other countries. China's response to criticism was the consistent reform of the network of Confucius Institutes, demonstrating the state's commitment to bilateral interaction and rejection of the priority of globalisation. It is emphasised that China seeks to establish contacts with developing countries and has doubts about overcoming tensions in relations with some developed countries.

Keywords: China's foreign policy; Confucius institutes; globalisation; global turbulence.

Acknowledgements. The study was conducted with the financial support of Lingnan Normal University (grant No. ZB130102, theme «The path of development of Belarus: the political system and the development model»).

Introduction

Over the past three decades, China has taken significant strides in enhancing global connectivity. Through the initiation and promotion of international projects, China has contributed to both economic and political globalisation, while simultaneously bolstering its influence on a global scale, particularly in developing nations. In addition to employing economic, financial, and infrastructural tools, the realm of higher education has played a pivotal role in solidifying China's connections with its global partners over the last two decades and could be considered as one of behavioural evidences for the clarification of China's foreign policy.

The Belt and Road Initiative, established in the mid-2010s, in conjunction with plans to expand student exchanges with key regions such as the Association of Southeast Asian Nations, the Shanghai cooperation organisation, the United States of America, the European Union, and Russia, has been a deliberate effort to fortify

China's global connectivity and reinforce its position as a driving force behind globalisation. In the framework of globalisation over the 15 past years, the network of Confucius Institutes (CI) has been playing a crucial role in advancing China's global connectivity and has therefore undergone rapid expansion, sparking both high expectations and concerns. However, recent diplomatic tensions have profoundly affected CI worldwide, extending their influence even further than the onset of the COVID-19 pandemic. Against this backdrop, this article aims to delve into the primary challenges confronting CI on a global scale and examine the key strategies China is employing to bolster this instrument in national diplomacy. By scrutinising the evolving international landscape of CI, this research endeavors to shed light on the transformation of China's foreign policy and its global strategy towards cooperation and integration in the realm of increasing turbulence.

Theoretical framework

Sources on CI present a multi-faceted perspective on their role and impact, exploring the intricate connection between various aspects of China's foreign policy, diplomatic relations, and «soft power». D. Lien, C. H. Oh, and W. Selmier highlight the positive impact of CI on trade and outward foreign direct investment [1]. Meantime the increase in the number of CI branches correlates positively with exports from the United States to China [2]. The majority of sources suggest that CI play a significant role in facilitating economic exchange, particularly in developing countries. That insight was provided by K. Zhu, R. Yang, 2022 [3], and M. Akhtaruzzaman, N. Berg, and D. Lien [4].

Furthermore, F. Hartig [5] and J. F. Paradise [6] suggest that CI are seen as essential in bridging China and host-country organisations in collaborative projects and business ventures and in enhancing China's national language. H. Schmidt [7] also admits the CIs' influence on the global image of China. Nevertheless, J. F. Paradise [6], R. Yang [8], and Z. Ren [9] have been dissenting voices expressing traditional apprehension

about connection between CI and China's «soft power». These concerns revolve around the potential erosion of academic independence within host institutions, as noted by C. Jocelyn [10].

Conversely, some sources view CI as a positive «soft power» instrument, projecting a peaceful image of economic emergence and cultural capital. This insight was suggested by A. M. Brady [11], L. Zhao, S. Tan [12]. R. Kluver [13]. It is emphasised by D. Wang, B. Adamson [14] that a pivotal moment of criticism towards CI emerged in the United States by 2013, associating CI with China's global dominance aspirations through their influence on host institutions worldwide [5; 15]. Although Chinese and Russian authors have frequently outlined CIs' role in China's diplomatic relations and foreign policy, as suggested by J. Wang and E.V. Kuchumova [16], A. M. Kussainova and T. Yuan [17], N. V. Khisamutdinova and Y. Yang [18], however, several sources have highlighted that this perspective may not represent all aspects of CIs' global value [14; 19; 20].

Results and discussion

Currently, the CI play a central role in facilitating China's global academic connectivity, emerging as the most effective and influential means to achieve this objec-

tive. With a vast workforce comprising 105 000 administrative and teaching staff members worldwide, including 60000 teaching volunteers [21], these institutions

have demonstrated their commitment to promoting Chinese language and culture on an international scale.

Notably, CI have become the preferred institutional choice for international students seeking enrollment in Chinese universities. To foster internationalisation, CI offer an array of educational opportunities, ranging from short-term and long-term courses to summer schools, cultural visits, and scholarships. These initiatives significantly contribute to the globalisation of China's higher education system, positioning CI as the primary gateway for the admission of the most talented international students to Chinese universities. Additionally, CI play a pivotal role in fostering collaborative partnerships between Chinese institutions and their counterparts worldwide, particularly in the fields of science and double diploma projects, with a particular focus on collaborating with partners from developing nations. In this context, the CI proved to be a valuable asset for Chinese academic staff, providing them with the means to advance their careers and enhance their professional skills. Beyond the opportunity to work in foreign academic environments, these institutes also facilitate academic pursuits at partner universities or institutions in the host cities, thus offering a comprehensive platform for personal and professional growth [22].

However, right from the inception of the project, it was perceived through a traditional colonial lens, which subsequently became the prevailing approach in global academic narratives. Over the years, CI have been recognised under various labels, encompassing them as a tool of cultural diplomacy with Chinese characteristics [5], geopolitical power, the rise of China, Chinese propaganda [23], Chinese public diplomacy and China's strategic narratives [24], or even as Trojan horses with Chinese characteristics [25]. Numerous research articles, both in English and Russian, examining the philosophical or geopolitical aspects, have interpreted CI within the framework of «soft power», often drawing comparisons to the British Council or Alliance Française. Regardless of their degree of alignment or disassociation with China, the overarching theme of the metapolitical or geopolitical assessment of this project has been based on the notion of influence.

Despite the speculative and unsubstantiated nature of such sources, they have contributed to the establishment of a persistent perception of CI as a crucial element of China's diplomacy, serving as a means of projecting its influence on the global community. Under these circumstances, the Chinese side seemed to tacitly endorse such an interpretation, perhaps viewing it as flattering. However, by 2020, this portrayal began to have adverse effects on the project's development. Certain countries started to perceive CI not merely as individual projects of bilateral cooperation between Chinese and foreign universities but rather as a singular tool of China's diplomacy that could and should be affected within the framework of a political agenda, rather than an academic one.

The escalating confrontation between the United States of America and China, coupled with various diplomatic and political controversies, ushered in a new era for China's interactions with the United States of America, New Zealand, Australia, and several European countries. This period saw the unfolding of an escalating cycle of economic sanctions, technology disputes, and trade controversies. The challenge was to identify pressure points that could have a significant political impact while causing minimal disruption to economic cooperation. In this context, the CI emerged as a convenient target. This was particularly true since they had already solidified their image as an instrument of China's «soft power» and a key element of its global influence on the world stage.

The accusations regarding the negative influence of CI primarily revolved around the following key arguments: firstly, the direct association of the Hanban, which oversaw CI with governmental bodies, led to its perceived role as a vehicle for promoting a particular agenda in shaping the conditions and execution of academic initiatives. In essence, critics contended that Hanban not only orchestrated funding and monitored the progress of projects but also served as a tool for exerting global Chinese influence.

Secondly, unlike the Goethe Institutes or Institut Français, CI are integrated into the structure of their host academic organisations; however, Chinese staff members remained under the authority of their Chinese counterparts and the Hanban. Critics argued that this arrangement opens doors for China's influence within the hosting institutions and deeply affects the host's policy and decision-making process.

The third critical issue is the concern that CI are suggesting inadequate development of academic freedom. Within this line of criticism, CI are viewed as an infrastructure through which the Chinese administration and academic staff experience persistent oversight and control from China. This arrangement is perceived to hinder the academic staff from fully adhering to the principles of openness and democracy upheld by the host university, potentially leading to an indirect negative impact on the mindset of the younger generation.

This criticism is further compounded by a longstanding view that CI should serve a more comprehensive role. Many Chinese experts have consistently emphasised that using CI solely as a programme for teaching Chinese for free would be a missed opportunity. Instead, they see CI as an infrastructure for conducting Chinese diplomacy and enhancing China's global influence [26].

Even China's formal allies share certain concerns in this regard. For instance, Russian authors, while acknowledging CI as a resource for China's «soft power» of culture to bolster the appeal of its culture in education, science, and culture, also highlight a mismatch with the Russian higher education system. This mismatch stems from the fact that CI are not completely integrated into the host country's national higher education system.

It is also exacerbated by the absence of well-defined criteria for assessing teaching quality and a lack of host-institutions' comprehensive control and management [27]. Furthermore, there is a notable asymmetry in the interaction with China, as CI often wield more power and influence compared to any other symmetric partner initiatives or projects on Chinese territory. Issues of control and symmetry serve as the primary elements driving political criticism of CI, especially amidst the backdrop of escalating global tensions.

As a response to the decreasing number of CI, its system since 2020 has passed the stage of reform in depoliticisation and decentralisation.

Primarily, there has been a shift in the perception of CI, leading to a restructuring of the symbolic aspect of their activities. This shift is manifested as a gradual transition from cultural diplomacy to strategies of knowledge diplomacy, and in some cases, even to the internationalisation of higher education. Within this context, CI have bolstered their role as gateways to enhance and broaden collaboration between the host organisation and a Chinese partner in domains beyond Chinese language education. Consequently, the cultural influence component has gradually evolved into a tool for extending cooperation into other realms of academic knowledge, including the natural sciences.

At the infrastructural level, the headquarters of the CI are being abolished, and a non-profit public organisation «China International Educational Foundation», is being created, among the founders of which are 27 universities, enterprises, and public organisations. The goals of the organisation are to strengthen international understanding and promote mutual learning by supporting Chinese educational projects around the globe. A non-profit professional training Centre for the exchange and cooperation of Chinese and foreign languages is also being created, affiliated with China's Ministry of Education, which has assumed the functions of quality control in the educational work of CI.

The COVID-19 pandemic has accelerated China's adoption of innovative approaches, particularly in the realm of online education and remote collaboration. These innovations have facilitated ongoing development, especially as host-institutions have demanded more control over the activities and teaching processes of CI. Expanding the online component of the educational process is poised to alleviate the burden on host-institutions in terms of control and management of CI activities. By shifting a substantial portion of the educational process online and centralising training materials within a single platform that is independent of any particular host-institution, opportunities emerge for deeper integration of CI into the structures of host institutions. Simultaneously, this underscores the growing significance of online education as a pivotal component of the global activities of CI.

China had to modify its strategy for CI global development, in response to the challenges mentioned,

however, there were certain areas where the implemented steps were not considered sufficient. Notably, in the United States of America, the reforms of CI were viewed as an effort to maintain the project's essence by altering its image. At the same time, conditions suitable for the relaunch of CI have not yet been established in many countries, such as Sweden or Norway.

As CI have evolved into gateways for expanding collaboration with Chinese partner universities, China has shifted its focus toward developing projects that have demonstrated effectiveness and the potential for scaling academic and cultural interactions. This change in priorities has also led to a transformation in the global symbolic interpretation of cooperation. In this evolution, globalisation is gradually giving way to internationalisation or even localisation.

Previously, China's approach to engaging with its international partners was primarily oriented towards globalisation, with the goal of establishing a universal educational framework. However, a noticeable shift has occurred towards a focus on localisation. This approach prioritises the incorporation of national elements into educational and cultural exchange programmes. It is reflected in an extensive range of academic courses spanning martial arts, traditional medicine, and traditional cultural practices, which are rapidly integrated into the curriculum.

In recent years, China's local agenda has been guided by two core interconnected themes: modernisation and localisation. These themes are paramount for China as tools for national sustainability and have garnered widespread support among scholars in the Chinese academic community. Over time, Chinese modernisation has progressed from its initial stages of imitation of Western models to independent exploration, from a state of one-sided imbalance to overall coordination, from a rudimentary stage to a perfected pattern, and from a single focus on development to multiple areas of advancement. At its core, Chinese modernisation is driven by a people-centered approach, which serves as the fundamental standpoint and motivation for the great rejuvenation of the Chinese nation.

The localisation of higher education in China represents a second crucial concept, extending beyond the mere preservation of traditional culture. It entails the adaptation and integration of traditional culture within the framework of modern education. This approach places cultural integration as the central pillar of localisation.

Localisation comprises two primary aspects. The first emphasises the incorporation of traditional culture into contemporary social development, ensuring the preservation of a unique cultural identity. The second aspect operates on an international scale, where localisation involves the development of both local and foreign educational cultures while fostering equitable and harmonious international exchange. This multifaceted approach positions China to be globally relevant and competitive.

Conclusions

The evidence presented regarding the reform of CI supports a shift in China's global policy towards international cooperation. The shift away from globalisation goals towards promoting China's modernisation and localisation policy might stem from China's disillusionment with some key partners' cooperation prospects, as indicated by growing doubts about the possibility of overcoming difficulties between China and the United States of America or the Nordic countries. The shift may entail China's ultimate commitment to advancing ties with nations that have established and upheld a strong connection with China, even if those partners are riskier in means of security or economic reasons.

In general, the study presented validates earlier research on China's evolving foreign policy in the global sphere. The nation's emphasis on the developing regions of Africa and Asia, as it already happens in CI policy, moving forward, the forthcoming alterations could result in an augmented redistribution of China's worldwide involvement in endeavors in political, trade, and scientific, and technical collaboration. This could potentially boost trade and political collaboration with former less significant trading associates in Asia and Africa, while reducing it with prior more significant trading associates like Europe and the United States of America.

References

1. Lien D, Oh ChH, Selmier W. Confucius institute effects on China's trade and FDI: isn't it delightful when folks afar study Hanyu? *International Review of Economics & Finance*. 2012;21:147–155. DOI: 10.1016/j.iref.2011.05.010.
2. Lien D, Co CY. The effect of Confucius Institutes on US exports to China: a state level analysis. *International Review of Economics & Finance*. 2013;27:566–571. DOI: 10.1016/j.iref.2013.01.011.
3. Zhu K, Yang R. Emerging resources of China's «soft power»: a case study of Cambodian participants from Chinese higher education programs. *Higher Education Policy*. 2022;36(1):1–23. DOI: 10.1057/s41307-022-00278-w.
4. Akhtaruzzaman M, Berg N, Lien D. Confucius Institutes and FDI flows from China to Africa. *China Economic Review*. 2017;44:241–252. DOI: 10.1016/j.chieco.2017.02.004.
5. Hartig F. Cultural diplomacy with Chinese characteristics: the case of Confucius Institutes in Australia. *Communication, Politics and Culture*. 2012;42(2):256–276.
6. Paradise JF. China and international harmony: the role of Confucius Institutes in bolstering Beijing's «soft power» paradise. *Asian Survey*. 2009;49(4):647–669. DOI: 10.1525/as.2009.49.4.647.
7. Schmidt H. China's Confucius Institute and the «necessary white body». *Canadian Journal of Sociology*. 2013;38(4):647–668. DOI: 10.29173/cjs21200.
8. Yang R. «Soft power» and higher education: an examination of China's Confucius Institutes. *Globalisation, Societies and Education*. 2010;8(2):235–245. DOI: 10.1080/14767721003779746.
9. Ren Z. *Confucius Institutes: China's soft power?* [Internet]. 2012 [cited 2024 March 13]. Available from: <https://ideas.repec.org/p/jet/dpaper/dpaper330.html>.
10. Jocelyn C. Chinese «soft power» – diplomacy and the Confucius Institute podcast. *Sydney Papers*. 2008;20(1):33–48.
11. Brady A-M. *Marketing dictatorship: propaganda and thought work in contemporary China*. Lanham: Rowman and Littlefield; 2008. 232 p.
12. Zhao L, Tan S. China's cultural rise: visions and challenges. *China: An International Journal*. 2007;5(1):97–108. DOI: 10.1353/chn.2007.0009.
13. Kluver R. The sage as strategy: nodes, networks, and the quest for geopolitical power in the Confucius Institute. *Communication, Culture & Critique*. 2014;7(2):192–209. DOI: 10.1111/cccr.12046.
14. Wang D, Adamson B. War and peace: perceptions of Confucius Institute in China and USA. *Asia Pacific Researcher*. 2015;24(1):225–234. DOI: 10.1007/s40299-014-0174-5.
15. Zaharna RS. Confucius Institute: Understanding the relational structure and relational dynamics of network collaboration. In: Wang J, editor. *Confucius Institutes and the globalisation of China's «soft power»*. Los Angeles: Figueroa Press; 2014. p. 9–31.
16. Wang J., Kuchumova EV. The importance of Confucius Institutes for Chinese cultural diplomacy. *Eurasian Union: Issues of International Relations*. 2022;6(46):449–456. Russian. DOI: 10.35775/PSI.2022.46.6.003.
17. Kussainova AM, Yuan T. Effective tools of «soft power» in the implementation of China's foreign policy. *Bulletin of L. N. Gumilyov Eurasian National University, Political Science. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology Series*. 2020; 130(1):154–161. DOI: 10.32523/26-16-6887/2020-130-1-154-161.
18. Khisamutdinova NV, Yang Y. The Confucius Institute in Russia as a communicator of the soft power of Chinese culture. *Culture and Civilization*. 2022;12(3A):120–126. DOI: 10.34670/AR.2022.25.59.017.
19. Meng M. *Chinese «soft power»: the role of culture and Confucianism* [Internet]. 2012 [cited 2024 March 13]. Available from: https://surface.syr.edu/cgi/viewcontent.cgi?params=/context/honors_capstone/article/1184/&path_info=auto_convert.pdf.
20. Shoemaker TA. *Confucius Institute in context: an investigation of Chinese «soft power»* [Internet]. Austin: University of Texas at Austin; 2017 [cited 2024 March 13]. Available from: https://web.archive.org/web/20220122062037/https://repositories.lib.utexas.edu/bitstream/handle/2152/75306/shoemakerteresa_Thesisfinal%20.pdf;jsessionid=DEA9E9206C653D-519419F00177CCB7FE?sequence=1.
21. Zhao Y. Safety risks and countermeasures of international Chinese teachers teaching overseas. *Journal of Liaoning Police College*. 2022;4:73–80.

22. Smaliakou D, Wu J, Guo J. The impact of the pandemic on China's international higher education policy. *EdArXiv* [Preprint]. 2023 [cited 2024 March 12]. Available from: <https://osf.io/preprints/edarxiv/cp4tv/>. DOI: 10.35542/osf.io/cp4tv.
23. Luqiu LR, McCarthy JD. Confucius Institutes: the successful stealth «soft power» penetration of American universities. *The Journal of Higher Education*. 2019;90(4):1–24. DOI: 10.1080/00221546.2018.1541433.
24. Hartig F. Communicating China to the world: Confucius Institutes and China's strategic narratives. *Politics*. 2015;35(3): 245–258. DOI: 10.1111/1467-9256.12093.
25. Mosher SW. *Confucius institutes: trojan horses with Chinese characteristics* [Internet]. 2012 [cited 2024 March 13]. Available from: <https://www.pop.org/confucius-institutes-trojan-horses-with-chinese-characteristics/>.
26. Gao Y, Song M. Difficulties in the development of Confucius Institutions in the new era and recommendations for solving problems. *Journal of Kaifeng Institute of Education*. 2019;6:38–39. Chinese.
27. Zinevich OV, Selezneva NV. China's new «soft power» strategy. *MGIMO Review of International Relations*. 2022;15(6): 36–54. Russian. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-6-87-36-54.

Received by editorial board 10.04.2024.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

REFLECTIONS ON A GIVEN THEME

УДК 314

СОВРЕМЕННАЯ МИГРАЦИОНИСТИКА БЕЛАРУСИ

А. Г. ЗЛОТНИКОВ¹⁾

¹⁾Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации,
пр. Октября, 50, 246029, г. Гомель, Беларусь

Аннотация. Рассматривается историография белорусской миграционистики. Проводится обзор исторических, экономических, социологических, географических, статистических, демографических, юридических и политических диссертаций, затрагивающих проблемы миграции. Обозначаются социальные проблемы, выступающие факторами миграции. Отмечается, что в последние годы в Беларуси сократилось количество диссертационных исследований по миграционной тематике. Показывается взаимообусловленность миграции населения и проблем демографического развития Беларуси.

Ключевые слова: миграционистика; миграция; сальдо миграции; Беларусь; демографическая безопасность; историография белорусской миграционистики; диссертационные исследования на тему миграции.

Образец цитирования:

Злотников А.Г. Современная миграционистика Беларуси. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2024;2:41–51.
EDN: MESKHV

For citation:

Zlotnikov AG. Modern migration studies of Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2024;2:41–51. Russian.
EDN: MESKHV

Автор:

Анатолий Геннадьевич Злотников – кандидат экономических наук, доцент; профессор кафедры права и экономических теорий факультета экономики и управления.

Author:

Anatolii G. Zlotnikov, PhD (economics), docent; professor at the department of law and economic theory, faculty of economics and management.
zlot@tut.by
<https://orcid.org/0000-0002-8182-4970>

MODERN MIGRATION STUDIES OF BELARUS

A. G. ZLOTNIKOV^a

^aBelarusian Trade and Economic University of Consumer Cooperation,
50 Kastrыchnika Avenue, Gomel 246029, Belarus

Abstract. The historiography of Belarusian migration studies is considered. A review of historical, economic, sociological, geographical, statistical, demographic, legal and political dissertations dealing with migration issues is conducted. The social problems that act as factors of migration are identified. It is noted that in recent years the number of dissertation studies on migration has decreased in Belarus. The connection between population migration and the problems of demographic development in Belarus is shown.

Keywords: migration studies; migration; migration balance; Belarus; demographic security; historiography of Belarusian migration studies; dissertation research on migration problems.

Введение

В рамках исследования демографического развития государства пристальное внимание уделяется миграционным процессам. Анализ тенденций в данной сфере является чрезвычайно сложным. Для примера достаточно привести некоторые статистические данные. Если в 2019 г. в Республике Беларусь родились 87 602 младенца, а ушли из жизни 120 470 человек, то в миграционных процессах участвовало в десятки раз больше белорусов. По неполным сведениям, во внутренних миграционных процессах в 2019 г. участвовало более 536 600 белорусов.

Кроме того, существует и проблема внешней трудовой миграции, объемы которой не полностью отражены в белорусской статистике. В 2023 г. только на российском рынке труда было зарегистрировано более 430 000 белорусских мигрантов. По количеству трудовых мигрантов в России Беларусь находится на четвертом месте, уступая лишь Узбекистану, Таджикистану и Кыргызстану. Следует учитывать и то, что около 150 000 белорусских граждан выехало в страны Евросоюза. Только в Польше проживает 129 400 белорусов.

Сложность исследования миграционных процессов во многом обусловлена социальными, политическими, экономическими, экологическими и иными факторами. Если показатели рождаемости, продолжительности жизни и смертности являются юридически подтвержденными фактами, то фиксация миграционного движения населения имеет ряд препятствий.

Одним из них является отсутствие у специалистов доступа к необходимой информации. Многие исследования 1960–80-х гг. имеют гриф «Для служебного пользования».

Миграционистика представляет собой комплексное направление в демографической науке, которое исследует миграционное движение населения, обусловленное социально-экономическими отношениями. Миграция выступает предметом изучения географии, социологии, экономики, юриспруденции и других наук. В данной статье предпринимается попытка рассмотреть отдельные аспекты развития миграционистики в отечественном гуманитарном знании.

Миграционные процессы характеризуются видовым многообразием. По критерию времени выделяют постоянную и временную миграцию (временную, в свою очередь, разделяют на краткосрочную и долгосрочную). По географическому охвату различают внешнюю (международную) и внутреннюю (внутригосударственную) миграцию. По причинам выделяют экономическую, политическую, экологическую, этническую, религиозную и иные виды миграции. По форме организации различают организованную и индивидуальную миграцию. По характеру осуществления выделяют добровольную и принудительную миграцию. По степени законности различают легальную и нелегальную миграцию. Перечисленные виды составляют лишь малую часть многообразия миграционных процессов.

Миграционистика: основные источники исследования

Результаты исследований, посвященных белорусской миграции, отражены в ряде научных публикаций, среди которых есть статьи в журналах и сборниках, монографии, диссертации, а также материалы научных конференций. Мероприятия, посвященные исключительно демографическим вопросам, в Беларуси проводятся крайне редко. Так, первый и последний конгресс на тему демографического развития Беларуси состоялся 17–20 марта 1999 г. [1]. В послед-

ний раз проблемы демографической безопасности в широком формате обсуждались на международной конференции «Миграция и демографическое развитие Республики Беларусь и сопредельных стран», состоявшейся в ноябре 2016 г. в Минске [2].

Миграционные проблемы обсуждаются в рамках научных мероприятий, проводимых Институтом экономики НАН Беларуси, Институтом социологии НАН Беларуси, Институтом философии и права

НАН Беларуси, Научно-исследовательским экономическим институтом Министерства экономики Республики Беларусь, Белорусским государственным университетом, Полоцким государственным университетом имени Евфросинии Полоцкой и другими научными и образовательными учреждениями.

Значительное внимание анализу миграционных процессов уделяют издания «Беларуская думка», «Журнал Белорусского государственного университета. Социология», «Журнал международного права и международных отношений», «Экономический бюллетень Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь», «Труд. Профсоюзы. Общество», «Вестник Белорусского государственного экономического университета», а также сборники статей «Социологический альманах» и «Беларусь и мировые экономические процессы».

Историографический анализ развития белорусской миграционистике следует начать с наследия М. В. Довнар-Запольского – выдающегося ученого в области социальной, экономической и политической истории Беларуси, России, Украины, Литвы и Польши. Прежде всего следует обратиться к фундаментальному труду ученого «История Белоруссии» [3]. В указанном издании рассмотрен путь, пройденный белорусским народом от эпохи первобытно-общинного строя до начала 1920-х гг. Исследование было подготовлено в первой половине 1920-х гг., но увидело свет только в 1994 г. Монография вышла на белорусском языке в издательстве «Беларуская энцыклапедыя». На русском языке работа была опубликована в издательстве «Беларусь» в 2005 г.

Вклад М. В. Довнар-Запольского в развитие отечественной миграционистике состоит в том, что предложенная им периодизация истории Беларуси отражает ход расселения славянских племен на территории Восточной Европы. Используя материалы всероссийской переписи населения 1897 г., ученый составил карту территории белорусского этноса, охватывавшую не только бывшие губернии Северо-Западного края, но и ряд областей современных России и Украины.

В работе выдающегося этнографа указано, что высокие масштабы белорусской миграции наблюдались в период между отменой крепостного права и Первой мировой войной: «...в конце 80-х и 90-х годах (XIX в. – А. З.) белорусское население просачивалась в Сибирь сперва весьма небольшими группами. Но уже в половине 90-х годов белорусский переселенец занял едва не самое видное место среди переселяющихся в Сибирь: только 4 губернии (Могилёвская, Минская, Витебская и Смоленская) за 20-летие 1896–1915 гг. дали 7-ю часть переселенческого движения за этот период всей России, и белорусское переселенческое движение превзошло переселенческое движение из центрально-промышленных губерний» [3, с. 345].

В своей монографии М. В. Довнар-Запольский предпринял попытку провести социологический анализ факторов интеллектуальной миграции этнических белорусов. Причины «утечки мозгов» с белорусских земель на рубеже XIX–XX вв. ученый видел в том, что в этнической структуре городского населения восточных губерний Беларуси преобладали евреи, а в этнической структуре городского населения западных губерний – поляки и немцы, следовательно, у белорусов были ограничены возможности для самореализации. Неудивительно, что на рубеже XIX–XX вв. (вплоть до 1917 г.) в городах белорусских губерний этнических белорусов проживало меньше, чем в Петрограде, Москве и Одессе.

Дореволюционные и послереволюционные демографические изыскания М. В. Довнар-Запольского сыграли определяющую роль в формировании его взглядов на социально-экономическую политику БССР. Ученый отмечал, что опережающие темпы роста численности населения не соответствуют уровню индустриального развития государства. Данное обстоятельство объясняло высокую миграцию населения Советской Белоруссии в Сибирь, вследствие чего был нанесен значительный урон белорусской экономике и демографии. Высокая миграционная подвижность и аграрная перенаселенность выступали, на взгляд М. В. Довнар-Запольского, объективными причинами для проведения индустриализации.

Важное место в развитии белорусской миграционистике занимает коллективная монография «Миграция населения Республики Беларусь» [4]. В данной работе представлено социологическое исследование тенденций миграционного движения в Беларуси в 1990-х гг. Авторы анализируют основные показатели внутривнутриреспубликанской миграции, а также факторы внешней трудовой и интеллектуальной миграции и ее последствия для демографического будущего Беларуси. Кроме того, авторы предлагают социально-экономические пути совершенствования внешней и внутренней государственной миграционной политики. По мнению специалистов, для поддержания стабильной численности населения Беларуси в течение следующих 40 лет ежегодный иммиграционный прирост населения должен составлять не менее 50 000 человек. Главными целями миграционной политики государства должны стать селективный отбор иммигрантов, обеспечение их адаптации в белорусском обществе и сведение к минимуму негативных последствий внешней миграции.

Эффективная миграционная политика подразумевает создание социально-экономических условий для снижения оттока населения из сельской местности и повышения территориальной мобильности населения для удовлетворения потребностей национальной экономики в рабочей силе.

В 2006 г. вышла монография А. Г. Злотникова «Демографическое измерение современной Беларуси» [5]. Особое внимание в работе уделено таким

вопросам, как многообразие экономического отражения проблем народонаселения, измерение численности населения Беларуси, демографические потери республики в Великой Отечественной войне, измерение современного миграционного движения в Беларуси, демографические изменения и формирование рыночных отношений.

В монографии А. Г. Злотникова «Демографические идеи и концепции» [6] рассматриваются такие аспекты миграционного процесса, как истоки до-революционной белорусской миграции, социально-экономическая обусловленность демографических процессов, региональные аспекты демографии, экономика как фактор экстранальности демографических процессов, экстранальность в глобализации демографических процессов, миграция в теории демографического перехода. В работе обосновывается мысль о том, что белорусское отрицательное сальдо миграции является более значимым фактором обострения депопуляции, чем снижение рождаемости и рост смертности, а значит выступает предпосылкой демографического кризиса.

Среди исследований процессов миграции особого внимания заслуживают публикации И. В. Загорец и В. С. Загорца [7–11]. В своих работах авторы показывают, что за 1990–2010 гг. отрицательное сальдо внешней миграции Беларуси составило 131 500 человек. Специалисты проводят анализ возможных вари-

антов миграционной политики государства с учетом курса социально-экономического развития. В данном контексте рассматриваются такие варианты, как переход от экстенсивного пути развития к интенсивному с опорой на собственные трудовые ресурсы и продолжение экстенсивного пути развития с обеспечением роста численности населения за счет массового привлечения мигрантов. Однако второй вариант сопряжен с ростом политических, социокультурных и профессиональных проблем. В работе И. В. Загорец [12] отмечено, что необходимо начать разработку государственных программ по культурной и социальной адаптации мигрантов в стране и созданию центров их адаптации, чтобы не допустить роста межнациональной напряженности и расслоения общества, способствовать повышению экономической отдачи от трудовой миграции. В работе также представлены конструктивные предложения по совершенствованию миграционной политики Республики Беларусь в условиях формирования общего рынка труда стран – членов Единого экономического пространства.

Следует отметить исследование результативности белорусской миграционистики, проведенное Ю. Н. Петраковой [13]. В работе обозначаются истинные масштабы миграции белорусского населения за последние десятилетия. Сведения о численности белорусских мигрантов в странах-реципиентах представлены в табл. 1.

Таблица 1

Численность белорусских мигрантов в странах-реципиентах в 1990–2019 гг., чел.

Table 1

Number of Belarusian migrants in recipient countries in 1990–2019, persons

Страна	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2019 г.
Россия	809 353	886 234	930 977	849 214	749 972	764 279	764 120
Украина	403 448	339 992	280 687	256 474	244 715	245 534	247 989
Польша	148 245	126 812	108 478	92 167	78 747	75 925	80 409
Казахстан	72 545	61 663	50 780	57 891	65 001	69 136	72 245
США	21 579	30 442	39 480	47 057	56 276	60 494	65 327
Латвия	60 530	69 060	77 583	67 044	54 799	48 588	42 944
Италия	93	844	1674	17 026	33 171	31 468	31 526
Литва	80 249	71 602	56 088	52 280	41 370	33 613	27 705
Узбекистан	37 057	33 291	28 456	28 636	27 674	26 532	26 475
Германия	1190	10 522	19 854	20 329	20 656	21 522	23 608
Израиль	33 049	32 968	31 040	26 567	22 417	23 119	22 482
Канада	4227	4245	4363	7180	10 435	11 080	11 873
Эстония	23 870	19 313	14 756	13 834	12 796	11 119	10 572
Кыргызстан	30 187	24 823	18 775	15 151	11 293	9947	9746
Чехия	322	483	644	2344	3816	4097	4502
<i>Всего</i>	<i>1 767 606</i>	<i>1 736 499</i>	<i>1 685 652</i>	<i>1 581 211</i>	<i>1 465 141</i>	<i>1 472 195</i>	<i>1 480 794</i>

Примечание. Составлена на основе данных [13].

Обзор диссертационных исследований на тему миграции населения

Первой в Беларуси кандидатской диссертацией по проблемам миграции является работа А. Н. Пешковой «Миграция населения Белорусской ССР»¹. В 1978 г. была защищена кандидатская диссертация А. Г. Злотникова «Социально-экономические проблемы регулирования текучести рабочих промышленности (на материалах промышленности городов Белорусской ССР)»². В 1982 г. вышла кандидатская диссертация Л. Е. Тихоновой на тему «Социально-экономические аспекты миграции населения БССР»³. Указанные диссертации принадлежали белорусским авторам, но были защищены за пределами Беларуси по причине отсутствия в стране соответствующих ученых советов. Работа А. Н. Пешковой была представлена к защите в Ростовском государственном университете, работы А. Г. Злотникова и Л. Е. Тихоновой – в Институте социологических исследований Академии наук СССР. Диссертации А. Н. Пешковой и Л. Е. Тихоновой имели гриф «Для служебного пользования».

Первой в Беларуси монографией, посвященной проблемам миграции населения, является работа А. Н. Пешковой «Миграция населения Белоруссии» [14]. В работе рассмотрены особенности течения миграционных процессов в республике. Автор акцентирует внимание на стабильно растущем отрицательном миграционном сальдо, а также на усилении оттока населения из сельской местности. В те годы провести подробный анализ миграционных процессов было сложно по причине того, что статистическая информация о миграции носила служебный характер. На публикацию отдельных данных требовалось специальное разрешение.

Анализ диссертаций на тему миграции в Республике Беларусь представлен в статье А. В. Селиванова [15]. Среди проанализированных специалистом работ следует отметить докторскую диссертацию В. В. Шведа «Грамадска-палітычныя жыццё на землях Беларусі (1772–1863 гг.)»⁴, в отдельном параграфе которой рассматриваются вопросы польской политической эмиграции.

Фундаментальными работами в белорусской миграционистике можно назвать докторскую диссертацию Л. П. Шахотько «Социально-демографические процессы на территории Беларуси в период транс-

формации экономической системы», докторскую диссертацию К. К. Красовского на тему «Урбанизация в Беларуси: экономико-географический анализ и прогноз», а также докторскую диссертацию Е. А. Антиповой на тему «Сельское расселение Беларуси: территориальная структура и геодемографическое развитие»⁵. В исследовании Л. П. Шахотько значительное внимание уделено роли миграционного движения в современной демографической динамике. Автор делает вывод о том, что наблюдающиеся в Республике Беларусь миграционные процессы тормозят решение социально-демографических и экономических проблем, при этом отмечается возрастная дифференциация выбывающего и прибывающего населения. На основе материалов переписи населения Республики Беларусь 1999 г. Л. П. Шахотько выявила, что за 1989–1998 гг. Беларуси отрицательное сальдо миграции составило 25 300 человек. Примечательно, что в белорусском обществе господствует мнение о том, что республика имеет положительное сальдо миграции. Автор пришла к выводу о кардинальном изменении масштабов и направленности миграции в результате распада СССР. Изучение данного вопроса нашло отражение в ряде коллективных монографий с участием Л. П. Шахотько: «Миграция населения Беларуси» (1999), «Миграционная ситуация в странах СНГ» (1999), «Миграция и урбанизация в СНГ и Балтии» (1999), «Белорусское пограничье: транснациональное сотрудничество и фронтьерская миграция» (2002), «Нелегальная миграция: факторы роста и пути решения» (2002).

Диссертационное исследование К. К. Красовского посвящено сложному и многоаспектному характеру проблемы урбанизации. Автор показывает, что процесс урбанизации зависит от ряда социально-экономических и политических условий. На протяжении второй половины XX в. урбанизация на территории Беларуси шла экстенсивным путем (прежде всего за счет миграции). Индустриализация способствовала концентрации экономической деятельности в отдельных быстрорастущих городах, рост численности населения которых был реакцией на развитие промышленности.

В диссертации Е. А. Антиповой отмечается, что Беларусь из типичной аграрной страны превратилась

¹Пешкова А. Н. Миграция населения Белорусской ССР : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Ростов н/Д : Ростов. гос. ун-т, 1968. 26 с.

²Злотников А. Г. Социально-экономические проблемы регулирования текучести рабочих промышленности (на материалах промышленности городов Белорусской ССР) : автореф. дис. ... канд. эконом. наук : 09.00.09. М. : Ин-т социол. исслед. Акад. наук СССР, 1978. 23 с.

³Тихонова Л. Е. Социально-экономические аспекты миграции населения БССР : автореф. дис. ... канд. эконом. наук : 08.00.18. М. : Ин-т социол. исслед. Акад. наук СССР, 1982. 20 с.

⁴Швед В. В. Грамадска-палітычныя жыццё на землях Беларусі (1772–1863 гг.) : автореф. дис. ... д-ра гіст. навук : 07.00.02. Мінск : БДУ, 2001. 37 с.

⁵Шахотько Л. П. Социально-демографические процессы на территории Беларуси в период трансформации экономической системы : автореф. дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.04. Минск : Ин-т социологии НАН Беларуси, 1997. 38 с. ; Красовский К. К. Урбанизация в Беларуси: экономико-географический анализ и прогноз : автореф. дис. ... д-ра геогр. наук : 25.00.24. Минск : БГУ, 2006. 44 с. ; Антипова Е. А. Сельское расселение Беларуси: территориальная структура и геодемографическое развитие : автореф. дис. ... д-ра геогр. наук : 25.00.24. Минск : БГУ, 2008. 44 с.

в урбанизированное государство. Сегодня миграция населения из сельской местности в города продолжается. Положительные тенденции демографического развития сельского населения трансформировались в отрицательные тенденции.

В исследовании И. В. Загорец «Формирование системы расселения с центром в малых городских поселениях Белорусской ССР»⁶ также представлен анализ миграционных процессов, приводящих к демографическим потерям.

Диссертационные исследования по историческим наукам имеют важное значение для современной белорусской миграционистике. Они позволяют изучать масштабы миграции белорусского населения в XX в., особенно в послевоенный период. В данном контексте следует отметить труды таких историков, как Н. В. Барабаш, А. И. Буча, А. Ф. Великий, В. А. Йоцюс, А. В. Казаков, Н. В. Кузьмич, С. В. Лапанович, О. В. Марченко, Д. Ч. Матвейчик, О. Н. Мярчук, А. Н. Рагимов, С. Л. Сукума, А. В. Тихомиров, Д. М. Толочко, С. В. Шабельцев.

В ходе современных исследований миграционных процессов на территории Западной Белоруссии в период ее вхождения в состав Польши (1921–1939) выявлены значительные демографические потери белорусского населения. По мнению О. Н. Мярчук, они были обусловлены социально-экономическими (низкий уровень индустриального развития, аграрная перенаселенность, безработица), общественно-политическими (заинтересованность польских властей в снижении социальной напряженности, целенаправленная деятельность сионистских организаций), этнополитическими (национальная и конфессиональная дискриминация белорусов и другого непольского населения) и внешнеполитическими факторами (миграционное законодательство и реальное отношение к мигрантам в некоторых зарубежных странах (например, во Франции, Аргентине, Бразилии, Канаде), активная деятельность международных мореходных компаний). На основе данных польской статистики автор выяснила, что в 1926–1938 гг. с территории западных земель Беларуси (Белостокского, Виленского, Новогрудского и Полесского воеводств) в разные страны легально выехало около 212 500 человек, при этом 116 500 человек из них эмигрировали в европейские страны, 96 000 человек – в страны Северной и Южной Америки, а также в Палестину⁷.

В диссертационном исследовании В. А. Йоцюса отмечены значительные масштабы миграции белорусского населения в 1924–1941 гг. в Поволжье, Восточную Сибирь, Еврейскую автономную область, Крым, Карелию, на Урал и Дальний Восток. В 1920-х гг. покинули территорию страны более 400 000 человек, в 1930-х гг. – более 700 000 человек. В рамках планового сельскохозяйственного перенаселения из БССР в 1924–1941 гг. выехало около 270 000 человек. Примерно 408 300 белорусских крестьян за 1923–1930 гг. самостоятельно уехали пределы БССР на шахты Донбасса⁸. Проблемы бытового характера, сложные природно-климатические и хозяйственные условия, недостаток финансирования, формальное отношение к запросам переселенцев обусловили их низкую приживаемость.

Миграция белорусов в Польшу в результате соглашения между СССР и Польским комитетом национального освобождения от 1944 г. и договора о советско-польской границе от 1945 г. была самой масштабной в истории Беларуси. К Польше отошли Белосток, 17 районов Белостокской области и 3 района Брестской области. Диссертационное исследование А. Ф. Великого⁹, подготовленное на основе данных польской статистики, белорусских архивов, а также историко-документальных хроник «Память», показывает, что на 16 июня 1946 г. численность уехавших в Польшу составила 231 152 человека (из Гродненской области уехали 67 118 человек, из Барановичской области – 49 788 человек, из Молодечненской области – 42 525 человек, из Брестской области – 33 064 человека, из Полоцкой области – 22 797 человек, из Пинской области – 15 870 человек).

По инициативе польской стороны переселение было продлено до конца 1946 г. К этому времени в Польшу выехали еще 7 630 человек. Таким образом, общая численность переселенцев с территории Западной Белоруссии в польские воеводства (Вроцлавское, Гданьское, Познанское и Щетинское) составила 238 782 человека, или 44,0 % от числа зарегистрированных. Польские власти надеялись на более высокие показатели, поэтому принуждали белорусов к переселению. Более 500 белорусов стали жертвами польского подполья.

В диссертационном исследовании Н. В. Барабаш¹⁰ отмечается, что в послевоенный период миграционные процессы в Беларуси усилились. В рамках внутри-

⁶Загорец И. В. Формирование системы расселения с центром в малых городских поселениях Белорусской ССР : автореф. дис. ... канд. геогр. наук : 11.00.02. Минск : БГУ, 1990. 13 с.

⁷Мярчук В. М. Эміграцыя насельніцтва з Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02. Мінск : ІГ НАНБ, 2016. 21 с.

⁸Йоцюс В. А. Государственная политика по переселению трудовых ресурсов из БССР (1921–1941 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Минск : БГПУ им. М. Танка, 2017. 24 с.

⁹Вялікі А. Ф. Ажыццяўленне абмена насельніцтвам паміж БССР і Польшчай. 1944–1946 гг. : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02. Мінск : БДПУ імя М. Танка, 2002. 21 с.

¹⁰Барабаш Н. В. Государственная переселенческая политика в БССР (1946–1965 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Минск : ГНУ ИГ НАНБ, 2011. 23 с.

союзного перераспределения трудовых ресурсов для создания промышленно-энергетических и сельскохозяйственных предприятий тысячи белорусов были направлены в Восточную и Западную Сибирь, Карельскую АССР, Калининградскую область, Крым и Казахстан, на Урал и Дальний Восток. При этом интересы социально-экономического развития БССР и ее потребности в трудовых ресурсах не учитывались. В 1946–1965 гг. из БССР в рамках переселенческой политики властей уехало более миллиона человек.

В работе Н. В. Барабаш отражаются два вида переселения: сельскохозяйственное и промышленное. В ходе сельскохозяйственного переселения белорусы были направлены на территории, отошедшие к СССР после Второй мировой войны и Великой Отечественной войны. Белорусы занимались восстановлением сельского хозяйства, созданием зерновых, животноводческих и овощных баз. Лишь одна Калининградская область в 1946–1950 гг. приняла более 30 000 переселенцев из Беларуси. В рамках общественного призыва к освоению целинных земель в Казахстан переселились 42 996 белорусских семей, в Восточную и Западную Сибирь и на Урал – более 7000 семей белорусов. В 1954 г. на освоение целины из БССР выехало свыше 4000 юношей и девушек.

Первой диссертацией по проблемам миграционных процессов, защищенной в период суверенной Беларуси, является работа А. В. Тихомирова «Белорусская эмиграция: 90-е годы XIX в. – 1917 г.»¹¹. Среди последних диссертаций, связанных с миграционной тематикой, следует отметить кандидатскую диссертацию И. Е. Ядченко на тему «Языковая реализация гибридной идентичности в дискурсе мигрантов»¹² и кандидатскую диссертацию Н. О. Рамазановой на тему «Административно-правовое регулирование в сфере миграции»¹³.

Некоторые диссертации, связанные с миграционной, белорусские ученые защищали в московских ученых советах. Так, в 2002 г. Л. Е. Тихонова защитила докторскую диссертацию на тему «Государственное регулирование демографических процессов в Республике Беларусь»¹⁴ в Институте социально-политических исследований РАН. В 2007 г. Е. А. Западнюк защитил кандидатскую диссертацию на тему «Трудовая миграция населения и ее влияние на фор-

мирование современного рынка труда»¹⁵ в Российском государственном гуманитарном университете. Работа Л. Е. Тихоновой посвящена переосмыслению государственного регулирования демографических процессов в условиях новой экономической парадигмы. Важную роль в этих процессах играет миграция. Ее показатели учитываются при разработке и реализации программ социально-экономического, экологического и демографического развития государства. В диссертации Е. А. Западнюка анализируется трудовая миграция в условиях государственного регулирования рынка труда и уязвимости его сегментов. Автор рассматривает проблемы трудовой миграции с позиции ее экономико-правовой сущности, а также специфику адаптации мигрантов к социально-экономическим условиям стран-реципиентов. Теме миграции посвящены также следующие монографии Е. А. Западнюка: «Трудовая миграция и ее регулирование», «Международная трудовая миграция: вызовы настоящего и стереотипы прошлого», «Международный рынок труда: в поисках работы».

В работе Л. Е. Тихоновой [16] проводится анализ миграционных процессов в Беларуси в контексте обеспечения демографической безопасности в связи с последствиями катастрофы на ЧАЭС. Автор дает характеристику основным социально-экономическим угрозам с учетом сложившейся демографической ситуации.

Исследование миграционных проблем после катастрофы на ЧАЭС представлено также в диссертационной работе Н. Н. Приваловой «Демографическая политика Беларуси в условиях реформирования экономики»¹⁶ и диссертационной работе Н. И. Богино «Государственное регулирование демографических процессов в районах радиоактивного загрязнения Беларуси»¹⁷. В исследовании Н. Н. Приваловой внимание акцентируется на переселении жителей с загрязненных территорий. Кроме того, автор указывает на то, что государственная миграционная политика должна соответствовать политике других стран, так как последствия чернобыльской экологической катастрофы затронули все мировое сообщество. Работа Н. И. Богино посвящена изучению миграционных процессов в контексте реабилитации территорий, пострадавших в результате аварии на ЧАЭС.

¹¹Тихомиров А. В. Белорусская эмиграция: 90-е годы XIX в. – 1917 г. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Минск : Ин-т Акад. наук Беларуси, 1994. 26 с.

¹²Ядченко И. Е. Языковая реализация гибридной идентичности в дискурсе мигрантов : автореф. дис. ... канд. филолог. наук : 10.02.19. Минск : Минск. гос. лингвист. ун-т, 2021. 28 с.

¹³Рамазанова Н. О. Административно-правовое регулирования в сфере миграции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14. Минск : БГУ, 2023. 28 с.

¹⁴Тихонова Л. Е. Государственное регулирование демографических процессов в Республике Беларусь : автореф. дис. ... док. экон. наук : 08.00.05. М. : Ин-т соц.-полит. исслед. РАН, 2002. 42 с.

¹⁵Западнюк Е. А. Трудовая миграция населения и ее влияние на формирование современного рынка труда : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2007. 27 с.

¹⁶Привалова Н. Н. Демографическая политика Беларуси в условиях реформирования экономики : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05. Минск : Науч.-исслед. экон. ин-т Мин-ва экономики Респ. Беларусь, 2002. 20 с.

¹⁷Богино Н. И. Государственное регулирование демографических процессов в районах радиоактивного загрязнения Беларуси : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05. Минск : Науч.-исслед. экон. ин-т Мин-ва экономики Респ. Беларусь, 2005. 20 с.

В исследовании М. В. Тимошенко «Совершенствование системы регулирования миграции трудовых ресурсов в Республике Беларусь»¹⁸ предпринимается попытка провести комплексный анализ миграционных процессов и обозначить пути их регулирования. По мнению автора, регулирование миграции трудовых ресурсов представляет собой сложную систему координации действий и интересов экономических агентов (индивидов, хозяйственных единиц, государства), основанную как на независимых процессах самоорганизации, так и на целенаправленном упорядочении территориальных перемещений трудовых ресурсов, их обустройстве и адаптации к новым условиям. Регулирование миграции трудовых ресурсов рассматривается в диссертации в контексте обеспечения устойчивого социально-экономического и демографического развития государства. М. В. Тимошенко вводит в теорию миграционистики понятие «миграционный климат». Данный феномен отражает множественность факторов миграции, в качестве которых выступают уровень жизни населения, состояние рынка труда, условия деятельности субъектов хозяйствования, позиция государства в отношении миграции, включенность в международные экономические связи как стран-доноров, так и стран-реципиентов.

Проблемам государственного регулирования миграционных процессов посвящена кандидатская диссертация Е. В. Масленковой «Совершенствование государственного регулирования внешней трудовой миграции в Республики Беларусь»¹⁹. Предметом исследования автора выступает организационно-экономический механизм регулирования процессов внешней миграции в нашей стране. Под государственным регулированием внешней трудовой миграции Е. В. Масленкова понимает целенаправленное воздействие государства на поведение мигрантов для достижения необходимых количественных и качественных характеристик выезда и въезда рабочей силы в целях удовлетворения потребностей социально-экономического и демографического развития страны. Развивая идею Л. Л. Рыбаковского о стадийном характере миграции (принятие решения о трудовой миграции – осуществление трудовой деятельности – возвращение в страну происхождения), Е. В. Масленкова рассматривает этот вид миграции с позиций выгод и потерь национальной экономики на каждой стадии импорта рабочей силы.

В диссертации М. А. Бондарь «Международная интеллектуальная миграция: формы, тенденции, государственное регулирование»²⁰ представлен анализ подходов к международной интеллектуальной миграции и методов ее регулирования в Беларуси. Характеризуя «утечку умов» из страны после распада СССР, автор отмечает, что в 1996–2006 гг. из Беларуси эмигрировали и остались за рубежом 767 научных работников и преподавателей вузов (в том числе 52 доктора наук и 295 кандидатов наук). Автор утверждает, что интеллектуальная миграция обусловлена в первую очередь материальным интересом. Основными же нематериальными мотивами являются желание повысить квалификацию, увидеть мир, испытать свои интеллектуальные способности и изучить другой язык.

Интересным является подход М. А. Бондарь к рассмотрению факторов международной интеллектуальной миграции в Беларуси. По мнению автора, в настоящее время государственная миграционная политика направлена на активное регулирование эмиграционных процессов и пассивное регулирование иммиграционных процессов. М. А. Бондарь опирается на концепцию неоклассического синтеза, предполагающую переориентацию на косвенные методы государственного регулирования с целью снижения уровня интеллектуальной миграции и расширения возможностей привлечения в страну интеллектуалов.

В диссертации А. А. Нестеровой «Трудовая мобильность населения в условиях региональной экономической интеграции»²¹ внимание сосредоточено на вопросах миграционной привлекательности стран, трудовой мобильности населения в условиях региональной экономической интеграции, особенностях трудовой мобильности в зависимости от типа интеграционного объединения. Автор отмечает, что для высококвалифицированных специалистов более привлекательной является внешняя трудовая миграция (в развитые страны), а для низкоквалифицированных работников – внутренняя трудовая миграция. В работе А. А. Нестеровой представлены модели управления трудовой мобильностью в условиях региональной экономической интеграции.

В аспекте изучения миграции политическими науками интерес представляют работа С. В. Зенченко «Формирование и реализация государственной внешней миграционной политики Республики Беларусь»²²

¹⁸Тимошенко М. В. Совершенствование системы регулирования миграции трудовых ресурсов в Республике Беларусь : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05. Минск : Науч.-исслед. экон. ин-т Мин-ва экономики Респ. Беларусь, 2011. 28 с.

¹⁹Масленкова Е. В. Совершенствование государственного регулирования внешней трудовой миграции в Республики Беларусь : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05. Минск : Ин-т экономики НАНБ, 2018. 27 с.

²⁰Бондарь М. А. Международная интеллектуальная миграция: формы, тенденции, государственное регулирование: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14. Минск: БГУ, 2008. 25 с.

²¹Нестерова А. А. Трудовая мобильность населения в условиях региональной экономической интеграции : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.14. Минск : БГУ, 2018. 29 с.

²²Зенченко С. В. Формирование и реализация государственной внешней миграционной политики Республики Беларусь : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. Минск : БГУ, 2013. 24 с.

и исследование Т. И. Шупенько «Государственная политика Республики Беларусь в отношении белорусов зарубежья»²³.

В диссертации С. В. Зенченко исследуется процесс формирования и реализации государственной внешней миграционной политики Республики Беларусь. Автор выделяет три этапа данного процесса. На первом этапе (1991–1997) происходило нормативное и институциональное становление политики государства в отношении миграционных процессов. На втором этапе (1998–2003) Беларусь была включена в международный рынок труда, что обусловило необходимость в создании политико-правовых основ функционирования единого миграционного пространства в рамках Союзного государства Беларуси и России. Третий этап (2004–2012) характеризуется возрастанием значимости роли миграционной политики в решении демографических и социально-экономических проблем в условиях формирования единого рынка труда стран – членов Таможенного союза, ЕЭП и ЕвРАЗЭС.

Вместе с тем неоднозначным, на наш взгляд, является вывод автора диссертации о том, что регулирование миграции находится в компетенции только Департамента по гражданству и миграции МВД Республики Беларусь. В то же время проблеме регулирования миграционных процессов автор справедливо связывает с деятельностью многих других социальных институтов. А это значит, что решение вопросов в данной сфере не находится в компетенции лишь правовых и силовых структур. С. В. Зенченко признает, что управление миграционными перемещениями требует учета не только социально-экономических и демографических обстоятельств, но и этнонациональных, исторических и культурных особенностей развития страны, что, в свою очередь, вызывает необходимость разработки системного подхода к проведению миграционной политики, а также необходимость создания новой концепции ее реализации.

Диссертация Т. И. Шупенько «Государственная политика Республики Беларусь в отношении белорусов зарубежья» посвящена роли белорусских диа-

спор в налаживании экономических, политических и социокультурных связей белорусов, уехавших за рубеж. Автор исследует особенности адаптации белорусов за границей и политические факторы разобщенности диаспор. В исследовании выявлена разная степень институционализации белорусских диаспор за рубежом. В странах СНГ, Балтии и Польше она характеризуется устойчивостью, в странах с низкой численностью белорусских мигрантов (Куба, Чехия, Франция) – неустойчивостью (наши соотечественники склонны включаться в близкородственные российские и украинские диаспоры). Белорусские диаспоры в Бельгии, Германии и Турции демонстрируют высокую степень ассимиляции. Указанные обстоятельства затрудняют выработку единой концепции взаимодействия белорусского государства с диаспорами белорусов за рубежом. Диаспоральная политика Республики Беларусь реализуется на общегосударственном уровне, региональном уровне и уровне общественных объединений.

В завершение анализа диссертационных исследований по проблемам миграции хотелось бы отметить работу Н. О. Рамазановой «Административно-правовое регулирование в сфере миграции»²⁴. В ней представлено комплексное исследование административно-правового регулирования в сфере миграции с позиции обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь. Автор делает вывод о невозможности формулировки единого определения миграции, пригодного для решения всех экономических, политических, юридических и иных теоретических и практических задач. В качестве объекта административно-правового регулирования миграции Н. О. Рамазанова рассматривает въезд (выезд) на территорию (за пределы территории) Республики Беларусь, нахождение на ее территории, транзитный проезд через ее территорию, осуществление трудовой и иной деятельности на ее территории. Автор считает, что приоритетной формой административно-правового регулирования в сфере миграции являются разработка и принятие комплексной государственной миграционной программы.

Заключение

Всем известно выражение древнегреческого философа и математика Пифагора: «Дайте мне точку опоры, и я переверну мир». В современном мире такой опорой является информация. От нее зависит как поведение людей, так и социальная политика государства. В этой системе чрезвычайно важны сведения демографического характера.

В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь²⁵, предусматривающей комплекс мер по обеспечению безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз, существенное внимание уделяется проблемам демографической безопасности, среди которых не последнее место занимают вопросы миграции. Достаточно

²³Шупенько Т. И. Государственная политика Республики Беларусь в отношении белорусов зарубежья : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. Минск: БГПУ им. М. Танка, 2018. 25 с.

²⁴Рамазанова Н. О. Административно-правовое регулирование в сфере миграции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14. Минск : БГУ, 2023. 28 с.

²⁵Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : решение Всебелорус. нар. собр. от 25 апр. 2024 г. № 5 // ЭТАЛОН – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024.

отметить, что среди 20 индикаторов состояния национальной безопасности пять связаны с социальными показателями: объем ВВП на душу населения по паритету покупательной способности, индекс человеческого развития, коэффициент депопуляции, миграционный прирост и ожидаемая продолжительность жизни при рождении.

Демографической угрозой является активизация миграционных процессов внутри государства. Внешним источником угроз национальной безопасности

страны выступает проведение иностранными государствами политики, направленной на стимулирование миграции белорусского населения. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь направлена на создание условий для оптимизации миграционных процессов, сохранения интеллектуального и трудового потенциала республики, привлечения высококвалифицированных кадров из-за рубежа, а также активного противодействия незаконной миграции.

Библиографические ссылки

1. Тьявловский МД. Труды первого демографического конгресса «Демографические проблемы Беларуси»; 17–20 марта 1999 г.; Минск, Беларусь. Минск: [б. и.]; 1999. 242 с.
2. Рязанцев СВ, Храмова МН, редакторы. Миграция и демографическое развитие Республики Беларусь и сопредельных стран. Материалы Международной научно-практической конференции; 15–16 ноября 2016 г.; Минск, Беларусь. Минск: Альтиора Форте; 2017. 301 с.
3. Довнар-Запольский МВ. История Белоруссии. Минск: Беларусь; 2005. 680 с.
4. Евелькин ГМ, редактор. Миграция населения Республики Беларусь. Минск: Беларуская навука; 2008. 181 с.
5. Злотников АГ. Демографическое измерение современной Беларуси. Минск: Право и экономика; 2006. 210 с.
6. Злотников АГ. Демографические идеи и концепции. Минск: Право и экономика; 2014. 388 с.
7. Загорец ИВ, Загорец ВС. Особенности миграционной политики Республики Беларусь на современном этапе. Журнал международного права и международных отношений. 2010;4:81–85.
8. Загорец ИВ, Загорец ВС. Методика определения объема и результата внешней миграции населения Республики Беларусь. Журнал международного права и международных отношений. 2011;4:69–77.
9. Загорец ВС. Демографическая политика: методы и инструментарий, опыт применения и анализ эффективности. Журнал международного права и международных отношений. 2014;2:71–79.
10. Загорец ВС, Загорец ИВ. Стратегия Республики Беларусь в сфере внешней миграции: новые вызовы и возможности. Журнал международного права и международных отношений. 2016;1:76–77.
11. Загорец ВС. Международная миграция как фактор формирования трудовых ресурсов Республики Беларусь. Журнал международного права и международных отношений. 2011;3:76–83.
12. Загорец ИВ. Миграция населения и миграционная политика. Минск: Лучи Софии; 2000. 85 с.
13. Петракова ЮН. Эмиграция из Беларуси: проблемы недоучета. Вопросы статистики. 2021;28(1):60–68. DOI: 10.34023/2313-6383-2021-28-1-60-68.
14. Пешкова АН. Миграция населения Белоруссии. Минск: [б. и.]; 1973. 139 с.
15. Селиванов АВ. Белорусские диссертационные исследования по вопросам миграции. Журнал международного права и международных отношений. 2021;4(99):58–66.
16. Тихонова ЛЕ. Регулирование демографических процессов в Беларуси. Минск: БГУ; 2002. 264 с.

References

1. Tyavlovskii MD. Trudy pervogo demograficheskogo kongressa «Demograficheskie problemy Belarusi»; 17–20 marta 1999 g.; Minsk, Belarus' [Proceedings of the first demographic congress «Demographic problems of Belarus»; 1999 March 17–20; Minsk, Belarus]. Minsk: [s. n.]; 1999. 242 p. Russian.
2. Ryazantsev SV, Khramova MN, editors. Migratsiya i demograficheskoe razvitie Respubliki Belarus' i sopredel'nykh stran. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 15–16 noyabrya 2016 g.; Minsk, Belarus' [Migration and demographic development of the Republic of Belarus and neighbouring countries. Proceedings of the International scientific and practical conference; 2016 November 15–16; Minsk, Belarus]. Minsk: Al'tiora Forte; 2017. 301 p. Russian.
3. Dovnar-Zapol'skii MV. Istoriya Belorussii [The history of Belarus]. Minsk: Belarus; 2005. 680 p. Russian.
4. Evel'kin GM, editor. Migratsiya naseleniya Respubliki Belarus' [Migration of the population of the Republic of Belarus]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2008. 181 p. Russian.
5. Zlotnikov AG. Demograficheskoe izmerenie sovremennoi Belarusi [Demographic dimension of modern Belarus]. Minsk: Pravo i ekonomika; 2006. 210 p. Russian.
6. Zlotnikov AG. Demograficheskie idei i kontseptsii [Demographic ideas and concepts]. Minsk: Pravo i ekonomika; 2014. 388 p. Russian.
7. Zagorets IV, Zagorets VS. Peculiarities of current migration policy of the Republic of Belarus. Journal of International Law and International Relations. 2010;4:81–85. Russian.
8. Zagorets IV, Zagorets VS. Methodology of determining the extent and results of external migration of population of the Republic of Belarus. Journal of International Law and International Relations. 2011;4:69–77. Russian.
9. Zagorets VS. Demographic policy: methods and instruments, application experience and the analysis of effectiveness. Journal of International Law and International Relations. 2014;2:71–79. Russian.
10. Zagorets VS, Zagorets IV. Strategy of the Republic of Belarus in the sphere of external migration: new challenges and opportunities. Journal of International Law and International Relations. 2016;1:76–77. Russian.

11. Zagorets VS. International migration as a factor in forming human resources of the Republic of Belarus. *Journal of International Law and International Relations*. 2011;3:76–83. Russian.
12. Zagorets IV. *Migratsiya naseleniya i migratsionnaya politika* [Population migration and migration policy]. Minsk: Luchi Sofii; 2000. 85 p. Russian.
13. Petrakova YuN. Emigration from Belarus: problems of underestimation. *Voprosy statistiki*. 2021;28(1):60–68. Russian. DOI: 10.34023/2313-6383-2021-28-1-60-68.
14. Peshkova AN. *Migratsiya naseleniya Belorussii* [Migration of the population of Belarus]. Minsk: [s. n.]; 1973. 139 p. Russian.
15. Selivanov AV. Belarusian dissertation research on migration issues. *Journal of International Law and International Relations*. 2021;4(99):58–66. Russian.
16. Tikhonova LE. *Regulirovanie demograficheskikh protsessov v Belarusi* [Regulation of demographic processes in Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2002. 264 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 28.04.2024.
Received by editorial board 28.04.2024.

УДК 316(075.8), 316.334.2

КУЛЬТУРА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ СТУДЕНТАМИ: ПРОБЛЕМЫ И РИСКИ

Л. Г. ТИТАРЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассматривается двойственность цифровой трансформации общества, которая, с одной стороны, создает новые возможности для экономического роста, а с другой стороны, продуцирует риски и угрозы, имеющие техногенную и социальную природу. Отмечается, что особую опасность представляют социальные риски, связанные с некритическим восприятием цифровизации. Показывается, что высокий уровень цифровой грамотности студенческой молодежи сопровождается недостаточной рефлексивностью в отношении цифровых угроз, завышенным доверием к цифровизации. Делается вывод о том, что вовлечение студентов в социальные практики (военно-патриотическая, экологическая деятельность, краеведение, волонтерство и т. д.) будет способствовать формированию у них адекватной оценки цифровых инноваций.

Ключевые слова: цифровые инновационные технологии; двойственность цифровой трансформации; социальные и гуманитарные риски; студенческая молодежь.

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь (задание 4.08.3 государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства», № гос. регистрации 20211892).

THE CULTURE OF USING DIGITAL INNOVATIVE TECHNOLOGIES BY STUDENTS: PROBLEMS AND RISKS

L. G. TITARENKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The duality of the digital transformation of society is considered, which, on the one hand, creates new opportunities for economic growth, and on the other hand, produces risks and threats of a technogenic and social nature. It is noted that social risks associated with uncritical perception of digitalisation are particularly dangerous. It is shown that the high level of digital literacy of students is accompanied by insufficient reflexivity in relation to digital threats, overestimated confidence in digitalisation. It is concluded that the involvement of students in social practices (military-patriotic, environmental activities, local history, volunteering, etc.) will contribute to their formation of an adequate assessment of digital innovations.

Keywords: digital innovative technologies; duality of digital transformation; social and humanitarian risks; students.

Acknowledgements. This work was carried out with the financial support of the State Committee on Science and Technology of the Republic of Belarus (task 4.08.3 of the state scientific research programme «Society and humanitarian security of the Belarusian State», state registration No. 20211892).

Образец цитирования:

Титаренко ЛГ. Культура использования цифровых инновационных технологий студентами: проблемы и риски. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2024;2:52–57.
EDN: IOMTUX

For citation:

Titarenko LG. The culture of using digital innovative technologies by students: problems and risks. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2024;2:52–57. Russian. EDN: IOMTUX

Автор:

Лариса Григорьевна Титаренко – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Larissa G. Titarenko, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
larissa@bsu.by
<https://orcid.org/0000-0002-2207-9894>

Введение

В современном обществе, находящемся в состоянии постоянных изменений, трудно найти хоть одну сферу деятельности человека, в которой не существует рисков и угроз. Некоторые угрозы являются экзистенциальными и ставят под вопрос само существование человечества. Они связаны с развитием военных технологий в условиях стремительной политической конфронтации. Некоторые риски не представляют прямой угрозы для общества, одна-

ко также имеют деструктивный потенциал и могут нанести значительный урон безопасному развитию государства. Черты нынешней эпохи – непредсказуемость и глобальную взаимосвязанность всех процессов – английский социолог Э. Гидденс назвал маркерами поздней современности [1]. Целью настоящей статьи является исследование рисков, связанных с использованием цифровых технологий студентами.

Риски цифровой трансформации и социально-гуманитарная безопасность

В конце 1980-х гг., сразу после аварии на Чернобыльской АЭС, немецкий социолог У. Бек выступил с теорией общества риска. Согласно данной теории общество с неизбежностью переходит на новую стадию развития, сопряженную с продуцированием рисков, которые негативно влияют на окружающую среду и ведут к снижению качества жизни населения [2]. Избежать подобных рисков невозможно, так как их возникновение обусловлено, во-первых, процессом глобализации, а во-вторых, развитием экономики, а именно внедрением в нее технологических и научных инноваций. Основная опасность современных рисков заключается в том, что они не поддаются регулированию, поскольку общество не обладает достаточными техническими возможностями для их предотвращения.

Риски, о которых говорил У. Бек, опасны тем, что они уже вышли из-под контроля человека. Их появление далеко не всегда заметно, поскольку они сопровождают модернизационные процессы, сознательно развиваемые обществом, которое ориентировано на экономический рост, научно-технический прогресс и повышение благосостояния. Кроме того, современные риски не имеют четкой локализации и распространяются независимо от государственных границ. Ярким примером в данном контексте выступает пандемия COVID-19, охватившая все континенты. Важно отметить, что она ускорила процесс цифровизации.

Техногенные риски влекут за собой и социальные риски. У. Бек выделял два типа минимизации рисков: симптоматический (борьба ведется с проявлениями, а не с причинами рисков) и символический (борьба с рисками лишь декларируется и нацелена только на то, чтобы успокоить общество). По мнению У. Бека, необходимо тщательно изучать природу рисков и прогнозировать их развитие. Ученый считал, что следует отдавать приоритет социальным, а не технологическим инновациям и предпринимать коллективные усилия по борьбе с глобальными угрозами.

Особого внимания требуют риски, связанные с цифровой трансформацией общества. Под циф-

ровизацией обычно понимают процесс широкого внедрения цифровых технологий, включая информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), во все сферы общества [3; 4]. Сегодня страны, стремясь повысить свою конкурентоспособность на мировых рынках, активно используют цифровые инновации.

В современной научной литературе отмечается, что риски не столь опасны, как угрозы [5]. Однако риски препятствуют стабильному развитию общества и построению социально ориентированного государства¹. Разные социальные группы адаптируются к новым рискам по-разному: одни могут вовлекаться в рискогенную практику (например, распространять фейковую информацию), другие способны выработать критическое отношение к техническим инновациям и не реагировать на провокации. В данном случае гуманитарная безопасность государства напрямую связана с идеологической безопасностью. Для противостояния социокультурной агрессии, осуществляемой с помощью технологических средств, необходим поиск инновационных решений.

Гуманитарные риски особенно опасны для молодого поколения, мировоззрение которого еще не сформировалось. Молодежь нередко становится объектом губительного информационно-пропагандистского воздействия. Разновидностей гуманитарных рисков очень много, и все они требуют тщательного изучения. Особую опасность представляют риски, созданные с помощью цифровых технологий. Они приводят к девальвации истинной информации и замене ее «хайповой или политически ангажированной постправдой» [6, с. 25].

Гуманитарная безопасность страны обеспечена тогда, когда использование субъектом (в данном случае студенческой молодежью) цифровых технологий не оказывает негативного влияния на сформировавшиеся в обществе социально-гуманитарные ценности и не подрывает позитивное отношение граждан к стране и ее культурному наследию. Риски гуманитарной безопасности страны могут выражаться

¹Лукашенко назвал ключевые угрозы безопасности для стран СНГ // БелТА : сайт. URL: <https://www.belta.by/president/view/lukashenko-nazval-kljuचेvye-ugrozy-bezопасности-dlja-stran-sng-569605-2023/> (дата обращения: 01.05.2023).

в неопределенности и непредсказуемости оценки национального социокультурного наследия, преуменьшении значимости гуманитарной составляю-

щей в развитии общества в целом и сферы образования в частности, преобладании технократического взгляда на мир и т. д.

Цифровая культура студентов: возможные риски

Цифровая культура студентов рассматривается в литературе весьма широко – «и как особая форма бытия, особая интегральная конструкция, включающая аудиовизуальную, семиотическую, технологическую, логическую, коммуникационную, сетевую и другие подсистемы, существующая на пяти уровнях: материальном, функциональном, символическом, ментальном и духовном; и как совокупность ценностей современного общества, основанных на цифровом кодировании; и как система изменений практик, продуктов человеческой деятельности, связанных с культурой цифровой эпохи; и как особый уровень цифровой грамотности и компетентности» [7, с. 200]. Российский исследователь Е. Е. Елькина подразумевает под цифровой культурой знания в области ИКТ, а также компетенции по их использованию в решении образовательных и иных задач [8]. Поскольку речь идет о студентах, к указанным компонентам цифровой культуры, на наш взгляд, следует отнести также наличие у молодых людей интереса к овладению новыми ИКТ и мотивации к обучению с их использованием.

На символическом и ментальном уровнях цифровая культура в значительной мере определяется тем, как молодые люди воспринимают процессы цифровизации, в том числе в сфере образования [9, с. 115]. Часто высокий уровень цифровой компетентности молодежи сопровождается неприятием ценностей, не связанных с техническими инновациями. Кроме того, может наблюдаться повышение доверия к электронным СМИ при снижении доверия к традиционным источникам информации. Многие студенты заинтересованы в широком использовании новых цифровых технологий в образовательном процессе. Нередко они выбирают будущее место трудовой деятельности по критерию его цифровизации.

В ходе исследований, проведенных под нашим руководством в 2022–2023 гг. с использованием методов опроса и глубинного интервью, было установлено, что студенты достаточно высоко оценивают уровень своих цифровых знаний и компетенций (в среднем 4,5 балла по 5-балльной шкале). Более чем три четверти студентов отметили, что осознают необходимость самостоятельно изучать новые ИКТ. Более половины опрошенных указали на то, что изучают ИКТ для удовлетворения своего интереса, повышения общего уровня саморазвития или подготовки к освоению престижной профессии [10]. Однако высокий уровень цифровой грамотности студентов не свидетельствует об их способности критически оценивать сведения из электронных источни-

ков информации [11]. В связи с этим преподавателям следует проявлять предусмотрительность и выяснять, обращаются ли студенты к разным новостным ресурсам, каким образом проверяют достоверность полученных сведений, обсуждают ли их с представителями старших поколений.

У молодых людей очень быстро развивается психологическая привязанность к цифровым гаджетам, а в некоторых случаях даже зависимость, которую психологи приравнивают к наркотической [12]. При этом сами молодые люди не считают такую привязанность чрезмерной, им нравится жизнь в виртуальном пространстве. Они не всегда способны заметить, что теряют традиционные социальные связи. Такие ситуации обычно фиксируются либо при длительном наблюдении, либо в ходе глубинных интервью со студентами и преподавателями. В одном из интервью, взятых нами осенью 2023 г., студентка-гуманитарий согласилась с утверждением о том, что существует риск зависимости молодежи от цифровых устройств и социальных сетей, что может привести к утрате реальных социальных связей и ограничению личной свободы.

Необходимо отметить значительное влияние цифровых инноваций на процесс формирования личности молодого человека, особенно на его социально-гуманитарные качества. Очевидна двойственность такого воздействия: виртуальное пространство либо способствует формированию социокультурных качеств личности, либо отчуждается от него из-за преследования эгоистических мотивов [13, с. 150]. Когнитивный диссонанс вследствие потребления больших объемов цифровой информации, чувство собственной беспомощности в ходе ее интерпретации, социокультурная неопределенность могут спровоцировать появление совершенно разных по своему характеру феноменов в сознании молодежи (депрессия, пессимизм, неприятие, подрыв собственной идентичности и т. д.). Как отметил в интервью 19-летний студент факультета философии БГУ, цифровые технологии и порожденная ими фрагментация мышления, которая лишь стимулирует жажду в потреблении новой информации, ведут в никуда. Фрагментарное знание и клиповое мышление являются результатом чрезмерного использования цифровых технологий.

В условиях познавательного дискомфорта молодые люди могут пытаться восстановить свою когнитивную устойчивость, ощущение уверенности в себе и сложившуюся у них в сознании картину мира, но они склонны это делать главным образом через обращение к референтным группам таких же

недостаточно опытных молодых людей, отказавшись от привычных взаимодействий с родителями и педагогами.

В качестве индикаторов, свидетельствующих о технократической детерминанте в сознании и поведении студентов, были выбраны показатели, которые неоднократно использовались в работах, посвященных цифровой трансформации высшего образования в Беларуси. Отметим также, что некоторые из них применялись В. В. Радаевым при изучении современной российской молодежи [14]. Результаты отдельных аспектов проведенных нами исследований изложены в публикациях [15–17]. В данной статье сделан акцент на обобщенной интерпретации полученных результатов как показателей цифровой культуры студентов в условиях возрастания рисков социально-гуманитарной безопасности.

Результаты опросов продемонстрировали, что самые позитивные оценки, отмеченные более чем 90 % студентов, относятся к следующим высказываниям:

- «Цифровые технологии делают жизнь более легкой»;
- «Цифровые технологии дают возможности для карьерного роста»;
- «Цифровые технологии дают свободу и обеспечивают возможность для саморазвития и творчества».

Следует учесть, что все три высказывания являются односторонними и не в полной мере отражают реальность. Однако ответы студентов свидетельствуют о радикальном оптимизме относительно роли ИКТ в обществе. Исследование показало, что студенческая молодежь является такой социальной группой, которая надеется получить от ИКТ большие дивиденды в повседневной жизни, учебе и будущей работе. Такая оценка обуславливает высокую подверженность студентов гуманитарным рискам, связанным с преувеличенно позитивными оценками цифровой трансформации и недооценкой гуманитарной составляющей развития общества.

Поскольку цифровая трансформация прямо или косвенно связана с государственной безопасностью, структуры власти должны следить за ходом конструирования мира виртуальной реальности. Необходимо разработать систему норм коммуникации властей и молодежи. Эта система должна обеспечить контроль виртуального информирования молодежи.

Однако прямой контроль здесь невозможен и технологически, и идеологически. Если государство будет просто навязывать свои правила поведения, не предоставляя возможностей для интернет-коммуникации, результат рискует стать непредсказуемым. Введение запретов может спровоцировать интерес студентов к запрещенным социальным сетям и неприятие государственных интернет-СМИ. В современных условиях любые типы рисков, которые государство пытается поставить под контроль, могут сохраняться, изменяя внешние формы.

Противостоять гуманитарным рискам, связанным с абсолютизацией студентами ИКТ и их роли в обществе, можно с помощью рациональных практик коммуникации молодежи и старшего поколения, а также включения студентов в повседневные социокультурные активности, формирующие осознание важности тех сфер жизни, где ИКТ не являются доминирующими (литературные кружки и клубы, туризм, музейная или экологическая деятельность, волонтерство и т. д.).

Значимую роль в противостоянии современным рискам играет изучение студентами социальных и гуманитарных дисциплин. Даже если студенты учатся на специальностях технического и естественно-научного профиля, они обязательно должны изучать философские и гуманитарные науки. В противном случае они не будут в достаточной степени осведомлены в области национальной культуры, не будут ценить историю, разучатся поддерживать устную коммуникацию друг с другом. Игнорирование рисков гуманитарного характера может привести к разрыву культур, о котором еще в середине XX в. писал известный британский писатель Ч. Сноу в книге «Две культуры и научная революция» (1959). Автор не призывал отказываться от научно-технического развития, а делал акцент на сбалансированном развитии технической и гуманитарной культуры [18].

Многие современные ученые критикуют противопоставление двух культур, осознавая, какой неограниченной властью могут наделить цифровые технологии тех, в чьих руках сосредоточены политическая власть и техническая сила. Проблема баланса двух культур остается актуальной. Риски, связанные с абсолютизацией научно-технической культуры или ее бесконтрольного развития в отдельных странах, сохраняются.

Заключение

Гуманитарные риски, продуцируемые глобальной цифровизацией, на первый взгляд могут представляться второстепенными. Тем не менее они разрушают духовно-нравственную составляющую общества, препятствуют формированию у студенческой молодежи гражданской зрелости, искажают понимание основной направленности любого прогресса (включая технологический) на человека. Именно поэтому

поиск адекватных средств и механизмов управленческого воздействия на гуманитарные риски является актуальной задачей государства на современном этапе. Что касается студентов, то их вовлечение в социальные практики (военно-патриотическая, экологическая деятельность, краеведение, волонтерство и т. д.) могло бы способствовать формированию у них адекватной оценки цифровых инноваций.

Библиографические ссылки

1. Гидденс Э. *Последствия современности*. Ольховиков ГК, Кибальчич ДА, переводчики. Москва: Практикс; 2011. 352 с.
2. Бек У. *Общество риска. На пути к другому модерну*. Седельник В, Фёдорова Н, переводчики. Москва: Прогресс-традиция; 2000. 384 с.
3. Шваб К. *Четвертая промышленная революция*. Москва: Эксмо; 2016. 208 с.
4. Петров СТ. *Цифровая революция. Цифровая экономика. Цифровая ноосфера*. Москва: Перо; 2022. 59 с.
5. Веруш АИ. Соотношение категорий «риск», «вызов», «угроза» в теории национальной безопасности. *Научные труды республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки*. 2018;17:24–30.
6. Асеева ИА. Кривое зеркало цифровизации. *Вопросы философии*. 2024;2:25–33.
7. Захаров МЮ, Старовойтова ИЕ, Шишкова АВ. Цифровая культура – исторический этап развития информационной культуры общества. *Вестник университета*. 2020;6:200–205. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-5-200-205.
8. Елькина ЕЕ. Цифровая культура: понятие, модели и практики. *Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего*. 2018;2:195–203. DOI: 10.17586/2587-8557-2018-2-195-203.
9. Титаренко ЛГ. Цифровизация обучения: восприятие студентами дистанционного обучения и рисков. *Вопросы философии*. 2023;1:115–124.
10. Титаренко ЛГ. Инновационное развитие общества в восприятии студентов: сравнительный анализ эмпирических данных. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2023;2:52–59. DOI: 10.33581/2520-2251-2023-2-52-59.
11. Зверева ЕА, Хворова ВА. Поколения Y и Z: особенности медиапотребления. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2020;19(6):131–140. DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-6-131-140.
12. Шейнов ВП. Связи зависимости от смартфона с состояниями и свойствами личности. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2020;4:120–127. DOI: 10.33581/2521-6821-2020-4-120-127.
13. Савостьянов ИВ. Виртуальное пространство как фактор формирования социокультурных качеств личности. *Социально-гуманитарные знания*. 2024;1:150–155.
14. Радаев В. *Миллениалы: как меняется российское общество*. Москва: Высшая школа экономики; 2019. 224 с.
15. Титаренко ЛГ. Социально-антропологические аспекты глобальных и локальных проблем студенческой молодежи в условиях цифровизации. В: Петров АВ, Каплина АВ, Козловская СС, Повидыш АВ, Хюнинен АА, Вэньда МА, редакторы. *Глобальные социальные процессы 5.0: общество, экономика, история*. Санкт-Петербург: Астерион; 2024. с. 104–111.
16. Титаренко ЛГ. Цифровизация обучения: движущая сила модернизации системы высшего образования или гуманитарная угроза? *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2022;1:33–41. DOI: 10.33581/25216821-2022-1-33-41.
17. Титаренко ЛГ. Гуманитарные риски цифровой трансформации как угроза национальной безопасности Беларуси. В: Достанко ЕА, редактор. *Материалы Международной научной конференции «Современный мир и национальные интересы Республики Беларусь»; 17 декабря 2021 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2021. с. 355–360.
18. Сноу ЧП. *Две культуры*. Родман ЮС, переводчик. Москва: Прогресс; 1973. 140 с.

References

1. Giddens A. *The consequences of modernity*. Stanford: Stanford University Press; 1990. 186 p. Russian edition: Giddens A. *Posledstviya sovremennosti*. Ol'khovikov GK, Kibal'chich DA, translators. Moscow: Praxis; 2011. 352 p.
2. Beck U. *Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne*. Frankfurt am Main: Suhrkamp; 1986. 396 S. Russian edition: Beck U. *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu*. Sedel'nik V, Fedorova N, translators. Moscow: Progress-traditsiya; 2000. 383 p.
3. Shvab K. *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [The fourth industrial revolution]. Moscow: Eksmo; 2016. 208 p. Russian.
4. Petrov ST. *Tsifrovaya revolyutsiya. Tsifrovaya ekonomika. Tsifrovaya noosfera* [The digital revolution. The digital economy. The digital noosphere]. Moscow: Pero; 2022. 59 p. Russian.
5. Verush AI. Relation of categories «risk», «challenge», «threat» in the theory of national security. *Nauchnye trudy respublikanskogo instituta vysshei shkoly. Filosofsko-gumanitarnye nauki*. 2018;17:24–30. Russian.
6. Aseeva IA. The crooked mirror of digitalisation. *Voprosy filosofii*. 2024;2:25–33. Russian.
7. Zakharov MYu, Starovoytova IE, Shishkova AV. Digital culture – a historical stage in the development of the information culture of society. *Vestnik universiteta*. 2020;6:200–205. Russian. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-5-200-205.
8. Elkina EE. Digital culture: concept, models and practices. *Information Society: Education, Science, Culture and Technologies of the Future*. 2018;2:195–203. Russian. DOI: 10.17586/2587-8557-2018-2-195-203.
9. Titarenko LG. Digitalisation of education: students' perceptions of distance learning and risks. *Voprosy filosofii*. 2023;1:115–124. Russian.
10. Titarenko LG. Students' perception of innovative development of a society: comparative analysis of empirical data. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2023;2:52–59. Russian. DOI: 10.33581/2520-2251-2023-2-52-59.
11. Zvereva EA, Khvorova VA. Generations Y and Z: features of media consumption. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2020;19(6):131–140. Russian. DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-6-131-140.
12. Sheinov VP. Relationship of smartphone dependence with personal states and properties. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2020;4:120–127. Russian. DOI: 10.33581/2521-6821-2020-4-120-127.
13. Savostyanov IV. Virtual space as a factor in the formation of sociocultural qualities of an individual. *Social and Humanitarian Knowledge*. 2024;1:150–155. Russian.
14. Radaev V. *Millenialy: kak menyaetsya rossiiskoe obshchestvo* [Millennials: how Russian society is changing]. Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2019. 224 p. Russian.

15. Titarenko LG. [Social and anthropological aspects of global and local problems of student youth in the context of digitalisation]. In: Petrov AV, Kaplina AV, Kozlovskaya SS, Povidysh AV, Khyunninen AA, Ven'da MA, editors. *Global'nye sotsial'nye protsessy 5.0: obshchestvo, ekonomika, istoriya* [Global social processes 5.0: society, economics, history]. Saint Petersburg: Asterion; 2024. p. 104–111. Russian.

16. Titarenko LG. Digitalisation of learning: a driving force for higher education modernisation or a humanitarian threat? *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2022;1:33–41. Russian. DOI: 10.33581/2521-6821-2022-1-33-41.

17. Titarenko LG. [Humanitarian risks of digital transformation as a threat of national security of Belarus]. In: Dostanko EA, editor. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Sovremenniy mir i natsional'nye interesy Respubliki Belarus'»; 17 dekabrya 2021 g.; Minsk, Belarus'* [Proceedings of the International scientific conference «Modern world and national interests of the Republic of Belarus»; 2021 December 17; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2021. p. 355–360. Russian.

18. Snow ChP. *Dve kul'tury* [Two cultures]. Rodman YuS, translator. Moscow: Progress; 1973. 140 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 24.03.2024.
Received by editorial board 24.03.2024.

УДК [316.772.5 + 316.346.32]-053.6(476 + 517.3)

ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВЫХ ПРАКТИК МОЛОДЕЖИ В БЕЛАРУСИ И МОНГОЛИИ

Е. В. ШКУРОВА¹⁾, Е. Н. НОВИЦКИЙ²⁾, Ц. ЦЭЦЭНБИЛЭГ³⁾

¹⁾Институт философии НАН Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

²⁾Институт социологии НАН Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

³⁾Институт философии Монгольской академии наук, ул. Амариин, 1, 210620, г. Улан-Батор, Монголия

Аннотация. Приводятся результаты сравнительного исследования особенностей поведения белорусской и монгольской молодежи в информационном пространстве. Отмечается, что в условиях цифровой трансформации общества индивид сталкивается с большим количеством новых явлений и процессов, которые формируют пространство социальных рисков. Указанным рискам в значительной степени подвержена молодежь. Репрезентируется самооценка белорусской и монгольской молодежи в отношении уровня ее цифровых знаний и навыков, а также возможностей противостоять цифровым угрозам. Определяются проблемные аспекты в стратегиях адаптации молодых людей к цифровой реальности.

Ключевые слова: социальные риски; молодежь; поведение молодежи в информационном пространстве; цифровые знания и навыки; цифровые практики.

Благодарность. Работа выполнена при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (грант № Г22Мн-009) и Фонда науки и технологии Монголии (грант № ШУТ ХТБ-2022/01) в рамках проекта «Социальные риски молодежи Беларуси и Монголии в контексте дигитализации».

FEATURES OF DIGITAL PRACTICES OF YOUTH IN BELARUS AND MONGOLIA

A. V. SHKUROVA^a, Ya. N. NAVITSKY^b, Ts. TSETSENBILEG^c

^aInstitute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus, 1 Surganava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

^bInstitute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus, 1 Surganava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

^cInstitute of Philosophy, Mongolian Academy of Sciences, 1 Amariin Street, Ulaanbaatar 210620, Mongolia

Corresponding author: A. V. Shkurova (vogel_82@mail.ru)

Abstract. The results of a comparative study of the behavioural characteristics of Belarusian and Mongolian youth in the information space are presented. It is noted that in the context of the digital transformation of society, an individual is faced with a large number of new phenomena and processes that form the space of social risks. Young people are largely exposed

Образец цитирования:

Шкурова ЕВ, Новицкий ЕН, Цэцэнбилэг Ц. Особенности цифровых практик молодежи в Беларуси и Монголии. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2024;2:58–67.
EDN: KRMXHJ

For citation:

Shkurova AV, Navitsky YaN, Tsetsenbileg Ts. Features of digital practices of youth in Belarus and Mongolia. Journal of the Belarusian State University. Sociology. 2024;2:58–67. Russian.
EDN: KRMXHJ

Авторы:

Елена Валерьевна Шкурова – доктор социологических наук, доцент; старший научный сотрудник белорусско-турецкого исследовательского центра.

Евгений Николаевич Новицкий – заведующий сектором методического и математического обеспечения социологических исследований Центра оперативных исследований.

Цэвээн Цэцэнбилэг – кандидат социологических наук, доцент; ведущий научный сотрудник отдела социологии.

Authors:

Alena V. Shkurova, doctor of science (sociology), docent; senior researcher at the Belarusian-Turkish Research Center. vogel_82@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1214-0783>

Yauhen N. Navitsky, head of the sector of methodological and mathematical support for sociological research, Operational Research Center.

e.novickiy@yandex.by

<https://orcid.org/0000-0003-3308-1858>

Tseveen Tsetsenbileg, PhD (sociology), docent; leading researcher at the department of sociology.

tsetsenbilegts@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-5987-9310>

to these risks. The self-esteem of Belarusian and Mongolian youth is represented in relation to the level of their digital knowledge and skills, as well as their ability to resist digital threats. Problematic aspects in the strategies of adaptation of young people to the digital reality are identified.

Keywords: social risks; youth; youth behaviour in the information space; digital knowledge and skills; digital practices.

Acknowledgements. The work was carried out with the financial support of the Belarusian Republican Foundation for Basic Research (grant No. G22Mn-009) and the Foundation for Science and Technology of Mongolia (grant No. SHUT НТВ-2022/01) within the framework of the project «Social risks of youth in Belarus and Mongolia in the context of digitalisation».

Введение

С точки зрения возможностей эмпирической проверки теоретических положений, операционализации понятий и разработки исследовательских инструментов, адаптированных к различным социальным, культурным и языковым средам, компаративная социология представляет собой одно из наиболее перспективных направлений социологической науки. Сравнительные исследования служат для решения многочисленных научных задач, начиная с оценки применимости теоретических конструктов для изучения разных социальных систем, групп и культур и валидации соответствующих методик и заканчивая созданием объяснительных моделей в целях классификации общественных процессов и явлений. Межстрановые исследования позволяют оценить эффективность реализуемых социальных программ и выяснить мнение населения по поводу острых социальных проблем и рисков. Сложность проведения таких исследований обусловлена необходимостью универсализации методологических аспектов, а также финансовыми и организационными ограничениями.

С развитием информационных технологий появились новые виды деятельности и отрасли экономики, связанные с адаптацией человека к цифровой реальности. Цифровая трансформация общества является источником не только позитивных, но и негативных тенденций. В процессе перехода социума на новую, цифровую ступень развития происходит обновление всей системы общественных отношений. Изменениям подвергаются социальная структура, экономика, образование, а также система ценностей и ориентаций человека. С одной стороны, циф-

ровая трансформация стимулирует социальное развитие общества, а с другой стороны, продуцирует новые риски, не поддающиеся прогнозированию.

Сегодня активно развиваются социально-политические и торгово-экономические отношения Беларуси и Монголии. Государства имеют разный культурно-исторический опыт и используют разные подходы к хозяйственно-экономической деятельности. При этом и Беларусь, и Монголия находятся в процессе цифровой модернизации, что актуализирует изучение характера и последствий социальных рисков.

Молодежь, как активный пользователь цифровых практик, подвержена рискам цифровизации больше, чем любая другая социальная группа. Высокая скорость цифровой трансформации общества оказывает серьезное влияние на поведение молодых людей, которые в силу социальной активности могут не только продуцировать риски, но и становиться объектом влияния внешних рисков.

В статье изучаются особенности поведения молодежи Беларуси и Монголии в современном рисковом пространстве. Комплексное социологическое исследование социальных рисков позволит разработать научно обоснованные рекомендации по минимизации негативных последствий указанных рисков в молодежной среде. Данная работа не претендует на соблюдение всех требований к методологии проведения сравнительных межстрановых исследований и направлена на выявление общих и национальных особенностей поведения белорусской и монгольской молодежи в рисковом пространстве.

Методология исследования

В рамках реализации государственных программ научных исследований Институт социологии НАН Беларуси проводит систематические мониторинговые замеры ряда социальных проблем. В ходе исследований применяется метод анкетного опроса по репрезентативной случайной республиканской выборке с проверкой квот на последнем этапе. В качестве генеральной совокупности выступает население старше 18 лет. Выборочная совокупность репрезентативна по регионам (Минск и 6 областей Республики Беларусь) и зонам проживания (областные центры (с населением свыше 250 тыс. человек), крупные города (100–250 тыс. человек), большие города

(50–100 тыс. человек), средние города (10–50 тыс. человек), малые города (менее 10 тыс. человек), а также поселки городского типа и сельские населенные пункты). Контроль квот осуществляется по полу, возрасту и образованию [1, с. 53–56].

В рамках данного проекта используются результаты мониторингового замера, проведенного Институт социологии НАН Беларуси в августе – сентябре 2022 г. Объем выборочной совокупности составил 1848 респондентов, ошибка выборки – 2,28 % при уровне значимости $\alpha = 0,05$. Поскольку объектом исследования выступает молодежь, была выделена соответствующая подвыборка, в которую вошли

молодые люди в возрасте 18–30 лет. Ее численность составила 363 респондента, или 19,6 % от общей выборки (доверительный интервал для подвыборки равен в среднем 5,14 %).

Также в ходе работы используются результаты исследования, проведенного специалистами Монгольского университета науки и технологии в 2022 и 2023 гг. Для отбора респондентов использовалась многоступенчатая стратифицированная выборка.

Результаты и их обсуждение

Любой вид деятельности сопряжен с определенными социальными рисками, которые могут иметь непредсказуемый характер и даже дестабилизировать систему общественных отношений. Социальные риски отражают вероятность наступления тех или иных последствий в результате неэффективного функционирования социальных институтов.

Риск представляет собой «деятельность субъектов, возможным результатом которой являются неблагоприятные или неконтролируемые события, затрагивающие интересы индивида, социальной группы или общества в целом» [3, с. 40]. При оценке проявления социальных рисков необходимо учитывать трансформирующийся характер современного общества, чувствительного к влиянию процессов информатизации и цифровизации.

Региональное распределение белорусских респондентов представлено следующим образом: Витебская область – 9,9 % опрошенных, Брестская область – 15,4 %, Гомельская область – 15,4 %, Гродненская область – 10,5 %, Минская область – 13,5 %, Могилёвская область – 9,4 %, Минск – 25,9 % опрошенных.

Монгольскую молодежь в исследовании представляют пять областей: Дорнод – 7,5 % опрошенных, Дорноговь – 7,5 %, Оворхангай – 7,5 %, Дархан-Уул – 7,5 %, Увс – 7,5 %, а также столица Улан-Батор – 62,5 % опрошенных.

Среди белорусских респондентов 80,4 % являются городскими жителями, 19,6 % – сельскими жителями. Что касается опрошенных из Монголии, то 62,5 % из них живут в городе, 37,5 % – в сельской местности. При этом среди белорусских респондентов было 45,5 % мужчин и 54,5 % женщин, среди монгольских опрошенных – 49,3 % мужчин и 50,7 % женщин. Распределение опрошенной молодежи обеих стран в зависимости от уровня образования представлено в табл. 1.

Респонденты обеих стран демонстрируют схожие стратегии брачного поведения, однако среди опрошенных из Монголии больше тех, кто не состоит в браке, что обусловлено, вероятно, культурно-историческими особенностями (табл. 2).

Были опрошены 800 человек в возрасте 18–34 лет. Анкетный опрос проводился в Улан-Баторе и аймаках (областях) Дархан-Уул, Дорнод, Дорноговь, Оворхангай и Увс [2, с. 176].

Методики социологических опросов в Беларуси и Монголии отличаются, что обусловлено как региональными особенностями, так и разными возможностями специалистов в организации исследования, в частности в сборе данных.

Таблица 1

Распределение респондентов из Беларуси и Монголии в зависимости от уровня образования

Table 1

Distribution of respondents from Belarus and Mongolia depending on the level of education

Образование	Доля, %
<i>Респонденты из Беларуси</i>	
Базовое, общее среднее	23,1
Профессионально-техническое, среднее специальное	43,0
Высшее	33,9
<i>Респонденты из Монголии</i>	
Нет образования, начальное, неполное среднее, полное среднее	30,4
Специальное	26,8
Высшее	62,1

Ежегодно специалисты платформы медиааналитики *DataReportal* представляют отчет о трендах использования цифровых и интернет-технологий, в том числе в Беларуси¹ и Монголии². Приведем данные платформы на начало 2024 г. Так, в Беларуси насчитывалось 8,48 млн интернет-пользователей (меньше, чем в январе 2023 г., на 39 тыс. человек, или на 0,5 %), проникновение интернета составляло 89,5 %. В Монголии насчитывалось 2,91 млн интернет-пользователей (больше, чем в январе 2023 г., на 40 тыс. человек, или на 1,4 %), проникновение интернета составляло 83,9 %. В Беларуси число мобильных подключений по отношению к общей численности населения составляло 120,5 % абонента мобильной связи. По сравнению с началом 2023 г. количество мобильных подключений сократилось на 96 тыс., или на 0,8 %. В Монголии в январе текущего года число мобильных подключений по отношению к общей численности населения составляло 147,8 % (5,13 млн мобильных подключений). За год количество подключений выросло на 293 тыс., или на 6,1 %. В январе 2024 г. медианная скорость

¹Digital 2024: Belarus [Electronic resource]. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-belarus?rq=Belarus> (date of access: 20.03.2024).

²Digital 2024: Mongolia [Electronic resource]. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-mongolia?rq=Mongolia> (date of access: 20.03.2024).

мобильного интернет-соединения в Беларуси составляла 11,94 Мбит/с (выше, чем в 2023 г., на 0,23 Мбит/с, или на 2,0 %), средняя скорость фиксированного подключения к интернету – 62,06 Мбит/с (за год показатель вырос на 11,68 Мбит/с, или на 23,2 %). В Монголии в январе 2024 г. медианная ско-

рость интернет-соединения составляла 15,49 Мбит/с (за год показатель снизился на 2,88 Мбит/с, или на 15,7 %), средняя скорость фиксированного подключения к интернету – 68,36 Мбит/с (по сравнению с данными 2023 г. показатель вырос на 15,88 Мбит/с, или на 30,3 %).

Таблица 2

Распределение респондентов из Беларуси и Монголии в зависимости от семейного статуса, %

Table 2

Distribution of respondents from Belarus and Mongolia depending on marital status, %

Семейный статус	Респонденты из Беларуси	Респонденты из Монголии
Холост (не замужем)	35,5	44,6
Женат (замужем)	54,5	48,4
Гражданский брак	5,5	1,3
Разведен (разведена)	3,6	4,0
Вдовец (вдова)	0,3	1,8

Главной особенностью информационного поведения молодых людей является то, что ключевыми источниками информации для них выступают интернет-ресурсы, социальные сети и мессенджеры [4, с. 60]. Согласно данным платформы *DataReportal*, в январе 2024 г. в Беларуси насчитывалось 5,63 млн пользователей социальных сетей, или 59,4 % от общей численности населения. По сравнению с прошлым годом данный показатель вырос на 1,4 млн человек, или на 31,8 %. В Монголии зафиксировано 2,50 млн пользователей социальных сетей, или 72,0 % от общей численности населения. По сравнению с 2023 г. этот показатель вырос на 200 тыс. человек, или на 8,7 %. Количество пользователей социальных сетей растет в обеих странах (табл. 3). Исключение составляет *Twitter* (для Беларуси также *Facebook*). В нашей республике по числу пользователей лидирует *Instagram*, по приросту пользователей – *TikTok*. В Монголии по числу пользователей

лидирует *Facebook*, по приросту пользователей – *Instagram* (*TikTok* в Монголии не представлен). В отчетах платформы *DataReportal* отсутствуют данные по русскоязычным социальным медиа, которые имеют аудиторию в Беларуси, а именно *ВКонтакте* и *Одноклассники* (в Монголии они не представлены). Также нет данных по таким мессенджерам, как *Viber* и *Telegram*.

Среди белорусской молодежи наиболее популярными социальными сетями являются *ВКонтакте*, *Instagram*, *YouTube* и *TikTok*, а наиболее популярными мессенджерами – *Viber*, *Telegram* и *WhatsApp*. Среди монгольской молодежи востребованы социальные сети *Facebook*, *Instagram* и *YouTube* (пользователи *LinkedIn* в выборочную совокупность не попали). Молодые люди из Монголии гораздо реже, чем представители белорусской молодежи, пользуются мессенджерами, при этом они предпочитают *WeChat*, *Viber* или *Snapchat* (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов респондентов из Беларуси и Монголии на вопрос «Какими социальными сетями Вы пользуетесь?», %

Table 3

Distribution of answers from respondents from Belarus and Mongolia to the question «Which social networks do you use?», %

Вариант ответа	Респонденты из Беларуси	Респонденты из Монголии
<i>ВКонтакте</i>	76,0	–
<i>Instagram</i>	76,0	77,0
<i>YouTube</i>	73,3	65,4
<i>TikTok</i>	60,1	–
<i>Одноклассники</i>	31,1	–
<i>Facebook</i>	27,0	100,0
<i>Twitter</i>	13,8	17,3
<i>LinkedIn</i>	6,1	–

Окончание табл. 3
Ending of the table 3

Вариант ответа	Респонденты из Беларуси	Респонденты из Монголии
<i>Viber</i> (для респондентов из Монголии также <i>WeChat</i>)	82,4	22,5
<i>Telegram</i>	68,6	–
<i>WhatsApp</i>	38,3	–
<i>Snapchat</i>	–	15,8
Не пользуюсь социальными сетями и мессенджерами	0,6	–
Другое	1,1	–

По данным платформы для анализа веб-трафика *StatCounter*, на февраль 2024 г. среди белорусских пользователей социальных сетей доля новых подключений к *Instagram* составляла 21,59 %, к *YouTube* – 19,01 %, к *Pinterest* – 18,58 %, к *Facebook* – 14,79 %, к *Twitter* – 11,68 %, к сети *ВКонтакте* – 6,71 %³. В Монголии на февраль 2024 г. среди монгольских пользователей социальных сетей доля новых подключений к *Facebook* составляла 93,16 %, к *Pinterest* – 3,09 %, к *Instagram* – 1,31 %, к *YouTube* – 1,09 %, к *Twitter* – 1,03 %, к *Reddit* – 0,16 %⁴.

Оценивая свои навыки работы с информацией, молодые люди из Монголии демонстрируют заметно меньшую уверенность, чем белорусы (табл. 4). Как показывают результаты исследования, легче всего и белорусским, и монгольским респондентам

даются формулировка запросов для поиска в интернете нужной информации и сбор сведений из разных источников для получения полного представления о той или иной теме.

Активное использование интернета закономерно актуализирует вопрос о защите личных данных. Навыки респондентов из Беларуси и Монголии, обеспечивающие безопасность нахождения в цифровом пространстве, представлены в табл. 5.

Самыми распространенными практиками в интернете как среди белорусской, так и среди монгольской молодежи являются чтение новостей и поиск информации. Очень редко респонденты совершали такие действия, как создание собственных интернет-страниц и обращение в государственные органы (табл. 6).

Таблица 4

Распределение ответов респондентов из Беларуси и Монголии на вопрос «Какие из следующих действий не составляют для Вас труда?», %

Table 4

Distribution of answers from respondents from Belarus and Mongolia to the question «Which of the following actions are not difficult for you?», %

Вариант ответа	Респонденты из Беларуси	Респонденты из Монголии
Формулировка запросов с целью найти в интернете ту или иную информацию	73,0	57,8
Сбор информации из разных источников с целью получить полное представление о теме	70,5	50,5
Установление характера информации, различий между сообщениями	46,3	26,8
Оценка достоверности найденной в интернете информации	42,1	5,5
Оцифровывание печатных материалов	41,6	10,5
Распознавание свидетельств того, что телепрограмма подходит для детей и подростков	34,7	21,9
Выявление скрытой информации о дополнительных платежах за пользование услугой	28,1	0,8
Ничего из перечисленного	11,5	6,9

³Social media stats Belarus [Electronic resource]. URL: <https://gs.statcounter.com/social-media-stats/all/belarus> (date of access: 20.03.2024).

⁴Social media stats Mongolia [Electronic resource]. URL: <https://gs.statcounter.com/social-media-stats/all/mongolia> (date of access: 20.03.2024).

Таблица 5

**Распределение ответов респондентов из Беларуси и Монголии на вопрос
«Что Вы умеете делать для обеспечения безопасности личных данных?», %**

Table 5

**Distribution of answers from respondents from Belarus and Mongolia to the question
«What can you do to ensure the security of personal data?», %**

Вариант ответа	Респонденты из Беларуси	Респонденты из Монголии
Изменять личные пароли на компьютере и в онлайн-сервисах	71,9	62,0
Проверять компьютер на наличие вирусов	58,7	15,1
Удалять историю своих действий в интернете	55,9	43,3
Удалять ненужные файлы	53,7	23,6
Изменять настройки доступа к своей информации в социальных сетях для разных групп пользователей	51,8	31,4
Делать резервные копии хранящихся на компьютере файлов	36,9	10,0
Определять степень конфиденциальности и безопасности передачи личных данных при использовании интернет-услугами	31,7	12,3
Создавать несколько учетных записей пользователей на одном компьютере	31,4	9,5
Распознавать ситуацию вымогательства информации в интернете	30,6	5,5
Пользоваться функциями родительского контроля на компьютере	17,4	7,8
Ничего из перечисленного	0,6	–
Другое	10,8	2,5

Значимой характеристикой интернет-общения является возможность выразить свою реакцию или мнение в отношении той или иной информации. В ходе исследования более половины опрошенных белорусских и монгольских молодых людей отметили, что оставляли комментарии к публикациям в интернете. Интересно, что респонденты из Монголии чаще, чем белорусы, взаимодействуют с традиционными СМИ. Например, они могут на-

писать письмо в редакцию газеты или журнала или позвонить в прямой эфир радио- или телепередачи (табл. 7).

Большинство белорусских респондентов достаточно высоко оценивают уровень своей осведомленности по поводу мер безопасности при хранении, распространении и использовании информации. Респонденты из Монголии оценивают свои знания в этом вопросе гораздо ниже (табл. 8).

Таблица 6

**Распределение ответов респондентов из Беларуси и Монголии на вопрос
«Какие из следующих действий Вы совершали в интернете в течение последнего года?», %**

Table 6

**Distribution of answers from respondents from Belarus and Mongolia to the question
«Which of the following actions have you performed online over the past year?», %**

Вариант ответа	Респонденты из Беларуси	Респонденты из Монголии
Чтение новостей	85,1	49,5
Пользование поисковыми сервисами	79,6	46,5
Скачивание и прослушивание (просмотр) аудиоматериалов (видеоматериалов)	65,6	30,3
Заказ товаров и услуг	65,3	19,8
Отправка электронных писем	61,2	34,3
Публикация фотографий и видео	59,8	29,0
Управление банковским счетом	58,1	25,6
Обновление программного обеспечения	53,2	20,4

Окончание табл. 6
Ending of the table 6

Вариант ответа	Респонденты из Беларуси	Респонденты из Монголии
Сетевые игры	44,6	32,9
Оплата товаров и услуг	44,1	23,4
Поиск работы	37,5	21,0
Пользование облачными сервисами (хранилищами данных)	32,5	6,1
Создание собственных интернет-страниц (сайтов, блогов, дневников)	19,8	14,1
Электронное обращение в государственные службы	11,0	6,6
Не пользуюсь интернетом	0,6	–
Другое	0,6	0,8
Затрудняюсь ответить	3,6	1,1

Таблица 7

**Распределение ответов респондентов из Беларуси и Монголии на вопрос
«Какие интерактивные практики Вы используете при взаимодействии со СМИ?», %**

Table 7

**Distribution of answers from respondents from Belarus and Mongolia to the question
«What interactive practices do you use when interacting with the media?», %**

Вариант ответа	Респонденты из Беларуси	Респонденты из Монголии
Комментирование публикаций в интернете	51,5	53,3
Отправка сообщений на YouTube-каналах или в социальных сетях во время прямых трансляций	32,5	24,8
Звонки (отправка сообщений) в прямой эфир радио- или телепередачи	8,5	13,6
Написание писем в редакцию газеты или журнала, телеканала или радиостанции	6,9	12,3

Таблица 8

**Распределение ответов респондентов из Беларуси и Монголии на вопрос
«Известны ли Вам следующие утверждения, связанные с информационной безопасностью?», %**

Table 8

**Distribution of answers from respondents from Belarus and Mongolia to the question
«Are you aware of the following facts related to information security?», %**

Утверждение	Респонденты из Беларуси	Респонденты из Монголии
Недопустимо давать кому-либо сведения о своих паролях, кодах и т. д.	85,7	60,3
Интернет можно использовать для обучения	85,7	51,6
Для защиты репутации необходимо обеспечить безопасность личной информации	78,8	59,9
Газеты, радиостанции, телевизионные каналы и интернет-порталы могут быть как частными, так и государственными	71,9	38,1
Коммуникация с помощью электронных средств связи всегда предполагает сбор и хранение данных о пользователях	71,3	36,9
Опубликованная в СМИ информация может оказывать влияние на мысли и поведение человека	70,8	44,3
Размещение человеком в интернете некоторых сообщений может негативно повлиять на его карьеру и личную жизнь	70,2	37,8
Анонимность в интернете часто обманчива – каждого пользователя можно идентифицировать	70,0	32,8

Белорусские респонденты демонстрируют более высокий уровень осведомленности по поводу понятий, связанных с использованием цифровых технологий, чем опрошенные из Монголии (табл. 9).

Молодые люди из Монголии больше доверяют средствам массовой информации, чем белорусская

молодежь. Примерно половина белорусов считают, что часто сталкиваются с ложной или непроверенной информацией в СМИ. При этом почти две трети опрошенных молодых людей из Монголии полагают, что редко или никогда не подвергались обману со стороны СМИ (табл. 10).

Таблица 9

Распределение ответов респондентов из Беларуси и Монголии на вопрос «Осведомлены ли Вы по поводу следующих понятий, связанных с использованием информационных технологий?», %

Table 9

Distribution of answers from respondents from Belarus and Mongolia to the question «Are you aware of the following related to the use of informational technologies?», %

Вариант ответа	Респонденты из Беларуси	Респонденты из Монголии
Компьютерный вирус	92,0	65,3
Фейк	88,7	61,0
Компромат	85,7	29,5
Сетевая зависимость	84,6	59,1
Плагиат	79,9	51,5
Право на неприкосновенность частной жизни	76,9	43,1
Манипулирование сознанием и поведением с помощью информации	72,7	36,5
Информационная война	71,1	38,8
Право на защиту репутации	70,2	49,3

Таблица 10

Распределение ответов респондентов из Беларуси и Монголии на вопрос «Как часто у Вас складывается впечатление, что в СМИ представлена недостоверная информация?», %

Table 10

Distribution of answers from respondents from Belarus and Mongolia to the question «How often do you get the impression that the media presents unreliable information?», %

Вариант ответа	Респонденты из Беларуси	Респонденты из Монголии
Очень часто (постоянно)	15,4	16,8
Довольно часто	32,2	15,8
Довольно редко	11	43,6
Очень редко	6,9	14,9
Никогда	4,1	5,4
Затрудняюсь ответить	29,2	3,6

Стратегии поведения белорусской и монгольской молодежи в отношении проверки той или иной информации кардинально различаются. Для белорусов главным источником уточнения какой-либо новости является интернет. Монголы, в свою очередь, больше склонны доверять близким. Также они чаще, чем

белорусы, обращаются к традиционным СМИ в случае, когда необходимо перепроверить какую-либо информацию (табл. 11).

Как белорусы, так и монголы достаточно высоко оценивают уровень своих умений в отношении поиска информации. Ключевым различием является

то, что монгольская молодежь значительно чаще, чем белорусы, обращается к помощи родственников или знакомых в этом вопросе. Представители обеих стран проявляют высокую способность к критическому восприятию информации: умеют распознавать рекламу, сравнивать информацию, дифферен-

цировать СМИ, определять их владельца. При этом молодые люди из Монголии с большим доверием относятся к сведениям, публикуемым в СМИ, чем молодежь из Беларуси. В обеих странах зафиксирована значительная доля опрошенных, пребывающих в состоянии информационной перегрузки (табл. 12).

Таблица 11

Распределение ответов респондентов из Беларуси и Монголии на вопрос «К какому источнику информации Вы обратитесь, чтобы уточнить какую-либо новость?», %

Table 11

Distribution of answers from respondents from Belarus and Mongolia to the question «Which source of information will you contact to clarify any news?», %

Вариант ответа	Респонденты из Беларуси	Респонденты из Монголии
Интернет	56,2	23,8
Друзья, родственники, знакомые	23,4	37,5
Телевидение	8,5	12,9
Газеты, журналы	7,4	13,8
Радио	3,9	1,9
Редакция СМИ, опубликовавшего эту новость	2,8	17,5
Другое	0,6	–
Не буду тратить время на уточнение информации	16,8	7,1
Затрудняюсь ответить	17,9	4,4

Таблица 12

Распределение ответов респондентов из Беларуси и Монголии на вопрос «Согласны ли Вы со следующими утверждениями?», %

Table 12

Distribution of answers from respondents from Belarus and Mongolia to the question «Do you agree with the following statements?», %

Утверждение	Варианты ответа респондентов из Беларуси			Варианты ответа респондентов из Монголии		
	Да*	Нет*	Затрудняюсь ответить	Да*	Нет*	Затрудняюсь ответить
Я легко и быстро могу найти любую информацию, которая мне нужна	91,7	3,3	5,0	85,9	10,2	4,0
Обычно я знаю, где можно найти ту или иную информацию	87,1	7,4	5,5	80,9	16,9	2,3
Я считаю, что чем больше разных источников информации, тем лучше	73,6	13,2	13,2	63,0	27,8	9,3
Я часто прошу родственников или знакомых найти нужную мне информацию	16,8	70,8	12,4	42,9	44,2	13,0
СМИ должны нести ответственность за некачественную информацию точно так же, как производитель несет ответственность за некачественный товар	79,1	6,9	14,0	73,7	16,4	10,0
Я легко определяю, какая информация содержит рекламу	78,2	12,7	9,1	61,0	28,0	11,0
Я часто сравниваю информацию из разных источников, чтобы проверить ее достоверность	72,5	18,7	8,8	61,7	31,5	6,8
Есть СМИ, которым я доверяю, и СМИ, которым я не доверяю	66,9	15,4	17,6	65,4	25,3	9,4

Окончание табл. 12
Ending of the table 12

Утверждение	Варианты ответа респондентов из Беларуси			Варианты ответа респондентов из Монголии		
	Да*	Нет*	Затрудняюсь ответить	Да*	Нет*	Затрудняюсь ответить
Чтобы оценить информацию, я стараюсь узнать, чьи интересы представляет СМИ, в котором она опубликована	52,6	28,7	18,7	56,5	31,0	12,5
Я верю тому, что рассказывают и показывают в СМИ	37,7	36,9	25,3	54,7	34,8	10,6
Я часто испытываю усталость от большого количества информации	42,4	45,5	12,1	56,8	31,1	12,1
Иногда я теряю время или деньги из-за неверной информации	19,3	64,7	16,0	53,9	35,2	11,0

*Сумма ответов «да» и «скорее да».

**Сумма ответов «нет» и «скорее нет».

Заключение

В условиях цифровой трансформации общества индивид сталкивается с большим количеством новых явлений и процессов, которые формируют пространство социальных рисков. Молодежь, как активный пользователь цифровых практик, подвержена рискам цифровизации больше, чем любая другая социальная группа. В силу своей социальной активности молодые люди могут не только продуцировать риски, но и становиться объектом влияния внешних рисков.

В результате исследования выявлены ключевые особенности поведения белорусской и монгольской

молодежи в информационной сфере как наиболее динамично развивающемся пространстве. Молодые люди обеих стран активно пользуются интернет-ресурсами и сервисами. Они достаточно высоко оценивают свои навыки поиска информации и обеспечения безопасности личных данных. При этом белорусы гораздо выше оценивают свой уровень владения цифровыми практиками, чем респонденты из Монголии. Вопрос, связанный с формированием критического восприятия информации из интернета, сохраняет свою актуальность в обоих государствах.

Библиографические ссылки

1. Леонов НН, Бородачёва ЕМ, Зразикова ВМ, Малиновская НН. Социологический мониторинг: опыт и практика Института социологии НАН Беларуси. *Logos et Praxis*. 2019;18(2):48–59. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2019.2.5.
2. Норовжамц М. Использование интернета и социальных сетей молодежью монголии. В: Мысливец НЛ, редактор. *Социальное знание в современном обществе: проблемы, закономерности, перспективы. Материалы IV Международной научно-практической конференции; 9–10 ноября 2023 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Донарит; 2023. с. 176–178.
3. Черняк ЮГ. Методологические аспекты анализа социальных рисков. *Философия и социальные науки*. 2007;1:39–42.
4. Кудревич МА, Шкурова ЕВ. Место социальных сетей и мессенджеров в информационном пространстве Беларуси. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2023;1:57–64. DOI: 10.33581/2520-2251-2023-1-57-64.

References

1. Leonov NN, Borodacheva EM, Zrazikova VM, Malinovskaya NN. Sociological monitoring: experience and practice of the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus. *Logos et Praxis*. 2019;18(2):48–59. Russian. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2019.2.5.
2. Norovzhamts M. [Use of the Internet and social networks by young people in Mongolia]. In: Myslivets NL, editor. *Sotsial'noe znanie v sovremennom obshchestve: problemy, zakonornosti, perspektivy. Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 9–10 noyabrya 2023 g.; Minsk, Belarus'* [Social knowledge in modern society: problems, patterns and prospects. Proceedings of the 4th International scientific and practical conference; 2023 November 9–10; Minsk, Belarus]. Minsk: Donarit; 2023. p. 176–178. Russian.
3. Chernyak YuG. Methodological aspects of the analysis of social risks. *Filosofiya i sotsial'nye nauki*. 2007;1:39–42. Russian.
4. Kudrevich MA, Shkurova AV. The position of social networks and messengers in the information space of Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2023;1:57–64. Russian. DOI: 10.33581/2520-2251-2023-1-57-64.

Статья поступила в редколлегию 24.04.2024.
Received by editorial board 24.04.2024.

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

УДК 316.4.063

КОРОТКАЯ ВЕРСИЯ ОПРОСНИКА ПРОКРАСТИНАЦИИ: НАДЕЖНОСТЬ, ВАЛИДНОСТЬ, ФАКТОРНАЯ СТРУКТУРА

В. П. ШЕЙНОВ¹⁾, А. С. ДЕВИЦЫН²⁾

¹⁾Республиканский институт высшей школы, ул. Московская, 15, 220001, г. Минск, Беларусь

²⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Отмечено, что у человека, который проводит значительное время в интернете, повышается уровень прокрастинации. Для исследования данной зависимости используется созданная в 1989 г. шкала общей прокрастинации Лея, которая включает 15 вопросов. Указано, что методики, созданные в прошлом столетии, требуют доработки, поскольку ответы современных респондентов могут значительно отличаться от ответов их предшественников. Обоснована необходимость сокращения опросников, поскольку обширные анкеты вызывают трудности в сборе материалов и не способны обеспечить объективность ответов. Разработана надежная и валидная короткая версия опросника прокрастинации. Построена состоятельная двухфакторная модель прокрастинации. Данные для исследования собраны посредством онлайн-тестирования 1911 респондентов. Сделан вывод о том, что она, в отличие от исходной версии, обладает более современными психометрическими характеристиками и удовлетворяет критериям валидности и надежности.

Ключевые слова: опросник прокрастинации; короткая версия опросника; надежность; валидность; факторная модель; психометрические характеристики.

Образец цитирования:

Шейнов ВП, Девицын АС. Короткая версия опросника прокрастинации: надежность, валидность, факторная структура. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2024;2:68–76.
EDN: ACSCVZ

For citation:

Sheinov VP, Dziavitsyn AS. Short version of the procrastination questionnaire: reliability, validity, factor structure. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2024;2:68–76. Russian.
EDN: ACSCVZ

Авторы:

Виктор Павлович Шейнов – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры психологии и педагогического мастерства факультета повышения квалификации и переподготовки.

Антон Сергеевич Девицын – старший преподаватель кафедры веб-технологий и компьютерного моделирования механико-математического факультета.

Authors:

Viktor P. Sheinov, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of psychology and pedagogical excellence, faculty of advanced training and retraining. sheinov1@mail.ru

Anton S. Dziavitsyn, senior lecturer at the department of web technologies and computer simulation, faculty of mechanics and mathematics. devitsin@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-2191-646X>
<https://orcid.org/0000-0002-2804-4107>

SHORT VERSION OF THE PROCRASTINATION QUESTIONNAIRE: RELIABILITY, VALIDITY, FACTOR STRUCTURE

V. P. SHEINOV^a, A. S. DZIAVITSYN^b

^aNational Institute for Higher Education, 15 Maskowskaja Street, Minsk 220001, Belarus

^bBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: V. P. Sheinov (sheinov1@mail.ru)

Abstract. It is noted that a person who spends a lot of time on the Internet has an increased level of procrastination. To study this dependence, the Ley scale of general procrastination, created in 1989, is used, which includes 15 questions. It is indicated that the methods created in the last century require improvement, since the answers of modern respondents may differ significantly from the answers of their predecessors. The necessity of reducing questionnaires is justified, since extensive questionnaires cause difficulties in collecting materials and are not able to ensure the objectivity of answers. A reliable and valid short version of the procrastination questionnaire has been developed. A consistent two factorial model of procrastination is constructed. The data for the study was collected through online testing of 1911 respondents. It is concluded that, unlike the original version, it has more modern psychometric characteristics and meets the criteria of validity and reliability.

Keywords: procrastination questionnaire; short version of the questionnaire; reliability; validity; factor model; psychometric characteristics.

Введение

В последние годы в научном сообществе утвердилась идея о необходимости перепроверки опросников, разработанных ранее. Сегодня ответы респондентов могут существенно отличаться от ответов их предшественников.

У современных людей, которые проводят значительное время в интернете, нередко развивается цифровая зависимость. Обнаружены положительные связи прокрастинации с зависимостью от смартфона [1, с. 120] и от социальных сетей [2, с. 607]. Зависимость от смартфона положительно связана со снижением успеваемости, а также со снижением производительности труда [3, с. 235]. Одной из причин такой корреляции является прокрастинация – привычка откладывать дела.

Для изучения прокрастинации активно используется шкала общей прокрастинации Лея (1986), адапти-

рованная для русскоязычного социума Я. И. Варваричевой [4]. Современные специалисты указывают на необходимость сокращения количества заданий в опросниках, поскольку обширные анкеты вызывают трудности в сборе материалов и не способны обеспечить объективность ответов. Речь идет как об офлайн-опросах [5], так и об онлайн-опросах [6].

Целями данного исследования являются разработка короткой версии опросника прокрастинации, доказательство ее надежности и валидности, а также построение факторной модели прокрастинации. Выбор опросника прокрастинации продиктован ростом его популярности в настоящее время. Активное использование смартфона и социальных сетей самым непосредственным образом связано с прокрастинацией [1–3].

Материалы и методы исследования

Сбор данных. Эмпирической основой исследования послужили результаты онлайн-тестирования 1911 респондентов (значения показателей возраста: $M = 19,4$; $SD = 5,6$). В анкетировании участвовали 1206 женщин ($M = 19,7$; $SD = 6,0$) и 605 мужчин ($M = 19,1$; $SD = 4,7$).

Методика исследования. В работе использованы шкала общей прокрастинации Лея в адаптации Я. И. Варваричевой [4], опросник зависимости от смартфона [7], опросник зависимости от социальных сетей [8], а также тест на самоконтроль в общении Снайдера [9, с. 558–559].

В данном исследовании использован краткий вариант методики «шкалы академической мотивации» [10]. Он включает шкалу познавательной мотивации, шкалу мотивации достижения, шкалу ин-

троецированной мотивации и шкалу экстернальной мотивации. Данный вариант методики позволяет получить наиболее важную информацию, а именно данные о качестве мотивационных процессов, влияющих на учебную деятельность. С помощью опросника можно оценить два типа внешней мотивации: экстернальную мотивацию (она выражается в стремлении к выполнению деятельности ради избегания проблем) и интроецированную мотивацию (она задана фрустрацией потребности в автономии и проявляется в переживании чувства долга и стыда).

Статистический анализ. Оценка результатов осуществлялась с использованием пакета программ SPSS-22 и платформы *Jatovi* версии 2.3.21. Выводы ориентированы на уровень статистической значимости $p = 0,05$.

Результаты и их обсуждение

Проверка изучаемых переменных по критерию Колмогорова – Смирнова показала, что их нормальное распределение имеет зависимость только от смартфона. Возможные связи логично устанавливать с помощью непараметрической корреляции, в качестве которой выбрана корреляция по Кендаллу, поскольку она позволяет выявлять как линейные, так и нелинейные связи. Непараметрическая корреляция дает заниженный показатель связи, поэтому

для ее более точной оценки приведем значения соответствующих корреляций по Пирсону, учитывая, что зависимость от смартфона имеет нормальное распределение.

Сопоставление величины и статистической значимости корреляции по Пирсону и корреляции по Кендаллу позволяет определить не только истинные пределы для величины связей, но и характер этих связей (линейный или нелинейный).

Проверка шкалы прокрастинации на однородность

Однородность исходной версии опросника оказалась сравнительно невысокой: коэффициент α -Кронбаха равен 0,690. Программа улучшения однородности пакета SPSS-22 предлагает

последовательно исключить из опросника пункты № 9, 11, 8, 2, 3, 5 и 14. Изменения коэффициента α -Кронбаха в ходе этой процедуры представлены в табл. 1.

Таблица 1

Динамика коэффициента α -Кронбаха при удалении пунктов из шкалы прокрастинации

Dynamics of the α -Kronbach coefficient when removing items from the procrastination scale

Table 1

Динамика коэффициента α -Кронбаха	Последовательно удаленные пункты						
	№ 9	№ 11	№ 8	№ 2	№ 3	№ 5	№ 14
Значение	0,701	0,713	0,725	0,773	0,790	0,811	0,838

Примечание. Исходный показатель α -Кронбаха равен 0,690.

В результате сокращения в опроснике осталось 8 заданий из 15, а коэффициент α -Кронбаха достиг

значения, равного 0,838, что свидетельствует о высокой степени однородности короткой версии опросника.

Проверка шкалы прокрастинации на дискриминативность

Дискриминативность пунктов опросника определяется величиной их корреляции с результатами

опросника (табл. 2). Выявлены наименьшие значения корреляции.

Таблица 2

Корреляция пунктов шкалы прокрастинации с ее итоговым показателем по Кендаллу

Table 2

Correlation of the procrastination scale items with its final score according to Kendall

Показатели	1	2	3	4	5	6	7	
Коэффициент корреляции τ	0,362**	0,265**	0,282**	0,429**	0,245**	0,411**	0,415**	
Уровень значимости p	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	
Показатели	8	9	10	11	12	13	14	15
Коэффициент корреляции τ	0,014	-0,030	0,413**	-0,014	0,398**	0,445**	0,285**	0,434**
Уровень значимости p	0,424	0,081	0,000	0,428	0,000	0,000	0,000	0,000

Примечания: 1. Символом * обозначено $p \leq 0,05$, символом ** – $p \leq 0,01$. 2. Полу жирным выделены пункты шкалы, имеющие самые низкие показатели дискриминативности ($\tau < 0,3$).

Удалив из опросника пункты с низкими показателями дискриминативности, мы улучшим его психометрические характеристики, а именно одно-

родность и общую дискриминативность пунктов. Полученный нами вывод необходимо проверить с помощью факторного анализа.

Факторный анализ короткой версии опросника прокрастинации

После удаления из опросника пунктов № 2, 3, 5, 8, 9, 11 и 14 был проведен эксплораторный анализ в целях выявления факторной структуры опросника и факторов прокрастинации.

В ходе работы был применен метод извлечения факторов *Minimum Residuals* с косоугольным вращением системы *Oblimin*. Данный метод минимизирует разницу между наблюдаемыми и предсказанными значениями в модели. Эффективность этого инструмента извлечения факторов обусловлена тем, что он упрощает их интерпретацию (особенно когда данные содержат много «шума»). Косоугольное вращение системы *Oblimin* изменяет ориентацию факторов в пространстве таким образом, чтобы максимизировать нагрузку на одном факторе и минимизировать ее на другом факторе. Это облегчает интерпретацию

факторов. Применение косоугольного вращения системы *Oblimin* имеет ряд преимуществ:

- позволяет сконструировать более гибкую модель, в которой факторы могут коррелировать друг с другом (применение модели будет уместно, например, в психологических исследованиях, поскольку различные характеристики личности могут быть взаимосвязаны);
- дает возможность прийти к результатам, которые легче интерпретировать (допускает связи между факторами);
- обеспечивает получение более точных результатов, поскольку учитывает возможные корреляции факторов.

Эксплораторный факторный анализ позволил построить факторную модель (табл. 3).

Таблица 3

Факторная модель с нагрузками факторов 8 переменных

Table 3

Factor model with factor loadings of 8 variables

Переменная	Факторная нагрузка		
	Фактор 1 «время»	Фактор 2 «вербализация»	Фактор 3 «самонаблюдение»
12	0,715	–	–
10	0,709	–	–
7	0,628	–	–
13	0,422	0,397	–
15	–	0,846	–
6	–	0,303	–
4	–	–	0,545
1	–	–	0,471

Критерий адекватности выборки Кайзера – Мейера – Олкина равен значению 0,898 или превышает его. В рамках модели рассчитывался критерий Бартлетта: $\chi^2 = 5105$; $2df = 28$; $p < 0,001$; $RMSEA = 0,439$ (90 % CI).

Приведенные значения основных статистических тестов показывают, что выборка и полученная

модель отвечают требованиям валидности, а результаты являются статистически значимыми и достоверными. Интерпретация полученных факторов представлена в табл. 4.

Для проверки и подтверждения выводов проведен конфирматорный факторный анализ. Результат анализа представлен в табл. 5.

Таблица 4

Структура короткой версии опросника прокрастинации

Table 4

Structure of the short version of the procrastination questionnaire

Переменная	Утверждение
	Фактор 1 «время»
12	При подготовке ко встрече я часто ловлю себя на том, что делаю что-то в последнюю минуту
10	Когда приближаются сроки завершения работы, я часто теряю время, занимаясь другими делами
7	Мне обычно приходится спешить, чтобы выполнить задачи вовремя
13	Часто я долго не приступаю к выполнению задачи, которую мне нужно решить

Окончание табл. 4
Ending of the table 4

Переменная	Утверждение
<i>Фактор 2 «вербализация»</i>	
15	Я часто говорю: «Сделаю это завтра»
6	Когда мне нужно выполнить трудную работу, я жду прилив вдохновения
<i>Фактор 3 «самонаблюдение»</i>	
4	Я замечаю, что работа не выполняется в течение нескольких дней, даже если она не требует большего, чем просто сесть и сделать ее
1	Я часто замечаю, что заранее выполняю задачи, которые я собирался сделать в будущем

Таблица 5

Конфирматорная модель короткой версии опросника прокрастинации

Table 5

Confirmatory model of the short version of the procrastination questionnaire

Переменная	Estimate	SE	Z	p
<i>Фактор 1 «время»</i>				
12	0,843	0,027 7	30,4	<0,001
10	0,901	0,025 5	35,3	<0,001
7	0,755	0,026 6	28,4	<0,001
13	1,011	0,024 7	40,9	<0,001
<i>Фактор 2 «вербализация»</i>				
15	1,003	0,028 3	35,5	<0,001
6	0,696	0,028 0	24,9	<0,001
<i>Фактор 3 «самонаблюдение»</i>				
4	0,958	0,048 3	19,8	<0,001
1	0,359	0,031 1	11,6	<0,001

Примечание. Estimate – факторная нагрузка; SE – стандартная ошибка; Z – стандартное отклонение от среднего значения.

Получены следующие показатели модели: $\chi^2 = 116$; $2df = 17$; $p < 0,001$; $RMSEA = 0,055 3$ (90 % CI). Таким образом, разработана факторная модель короткого опросника прокрастинации. Результаты статистиче-

ских тестов показали, что она отвечает требованиям достоверности. Выделенные факторы имеют обоснованную интерпретацию с учетом смысла представленных вопросов.

Проверка конструктивной валидности короткой версии опросника

Проверим наличие связей прокрастинации с зависимостью личности от смартфона и от социальных сетей. В более ранних отечественных исследованиях установлены положительные связи академической прокрастинации с зависимостью от смартфона [1, с. 120] и от социальных сетей [2, с. 607]. Аналогичные связи выявлены и зарубежными специалистами. Зависимость от смартфона также положительно связана с академической медлительностью и отрицательно связана с академической самоэффективностью. При этом зависимость от смартфона оказывает прямое прогнозирующее влияние на академическую прокрастинацию учащихся [11]. Более того, чрезмерное использование смартфона предсказывает ее ($\beta = 0,21$, $p < 0,001$) [12].

Установлено, что чрезмерное использование смартфона положительно связано с академической прокрастинацией ($r = 0,777$, $p < 0,01$) [13]. При этом прокрастинация и страх упустить какую-то информацию опосредуют связь между поиском определенных ощущений и подростковой зависимостью от смартфона [14]. В некоторых зарубежных исследованиях показано, что чем выше зависимость от социальных сетей, тем выше уровень прокрастинации [15–18].

В табл. 6–8 показано, что положительные связи прокрастинации с зависимостью от смартфона и от социальных сетей наблюдаются и при использовании короткой версии опросника прокрастинации. Это доказывает его валидность относительно указанных видов зависимости.

Таблица 6

**Корреляция прокрастинации с зависимостью от смартфона и от социальных сетей
(общая выборка, $n = 826$)**

Table 6

**Correlation of procrastination with smartphone addiction and social media addiction
(total sample, $n = 826$)**

Вид зависимости	Корреляция по Пирсону		Корреляция по Кендаллу	
	Величина	Значимость	Величина	Значимость
Зависимость от смартфона	0,317**	0,000	0,256**	0,000
Зависимость от социальных сетей	0,299**	0,000	0,185**	0,000

* $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$.

Мужчины больше подвержены прокрастинации, чем женщины, при этом женщины чаще, чем мужчины, страдают зависимостью от смартфона и от со-

циальных сетей. Следовательно, конструктивную валидность необходимо проверить не только для общей выборки (табл. 6), но и для каждого пола (табл. 7 и 8).

Таблица 7

**Корреляция прокрастинации с зависимостью от смартфона и от социальных сетей
(женщины, $n = 530$)**

Table 7

**Correlation of procrastination with smartphone addiction and social media addiction
(women, $n = 530$)**

Вид зависимости	Корреляция по Пирсону		Корреляция по Кендаллу	
	Величина	Значимость	Величина	Значимость
Зависимость от смартфона	0,346**	0,000	0,258**	0,000
Зависимость от социальных сетей	0,288**	0,000	0,176**	0,000

* $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$.

Таблица 8

**Корреляция прокрастинации с зависимостью от смартфона и от социальных сетей
(мужчины, $n = 296$)**

Table 8

**Correlation of procrastination with smartphone addiction and social media addiction
(men, $n = 296$)**

Вид зависимости	Корреляция по Пирсону		Корреляция по Кендаллу	
	Величина	Значимость	Величина	Значимость
Зависимость от смартфона	0,095	0,103	0,128**	0,002
Зависимость от социальных сетей	0,057	0,330	0,084*	0,036

* $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$.

Данные, представленные в табл. 6–8, свидетельствуют о положительных связях прокрастинации мужчин и женщин с зависимостью от смартфона и от социальных сетей. При этом у женщин наблюдаются

линейные связи, а у мужчин – нелинейные связи. Это обусловлено тем, что корреляции по Пирсону фиксируют линейные связи, а корреляции по Кендаллу – нелинейные связи.

Связи прокрастинации с академической мотивацией

По данным исследования Н. А. Рудновой, интроецированная (внутренняя) мотивация и экстернатальная (внешняя) мотивация повышают вероятность откладывания дел, что связано со стремлением избежать наказания за низкое качество результата или несвоевременность выполнения задачи [18]. Изучая влияние мотивации на прокрастинацию,

зарубежные авторы установили, что прокрастинация положительно предсказывается внутренней мотивацией к познанию, а также внешней мотивацией [19].

С помощью короткой версии опросника прокрастинации проверим, как связана прокрастинация с академической мотивацией (табл. 9–11).

Таблица 9

**Корреляция прокрастинации с академической мотивацией
(общая выборка, $n = 826$)**

Table 9

**Correlation of procrastination with academic motivation
(total sample, $n = 826$)**

Показатели корреляции	Мотивация		
	Познавательная	Интроецированная	Экстернальная
<i>Корреляция по Пирсону</i>			
Коэффициент	0,254**	0,297**	0,252**
Значимость	0,000	0,000	0,000
<i>Корреляция по Кендаллу</i>			
Коэффициент	0,144**	0,202**	0,174**
Значимость	0,000	0,000	0,000

* $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$.

Таблица 10

**Корреляция прокрастинации с академической мотивацией
(женщины, $n = 530$)**

Table 10

**Correlation of procrastination with academic motivation
(women, $n = 530$)**

Показатели корреляции	Мотивация		
	Познавательная	Интроецированная	Экстернальная
<i>Корреляция по Пирсону</i>			
Коэффициент	0,252**	0,282**	0,272**
Значимость	0,008	0,000	0,000
<i>Корреляция по Кендаллу</i>			
Коэффициент	0,134**	0,193**	0,188**
Значимость	0,000	0,000	0,000

* $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$.

Таблица 11

**Корреляция прокрастинации с академической мотивацией
(мужчины, $n = 296$)**

Table 11

**Correlation of procrastination with academic motivation
(men, $n = 296$)**

Показатели корреляции	Мотивация		
	Познавательная	Интроецированная	Экстернальная
<i>Корреляция по Пирсону</i>			
Коэффициент	0,154**	0,225**	0,209**
Значимость	0,008	0,000	0,000
<i>Корреляция по Кендаллу</i>			
Коэффициент	0,091**	0,165**	0,156**
Значимость	0,000	0,000	0,000

* $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$.

Положительные связи прокрастинации с познавательной, интроецированной и экстернальной мотивацией соответствуют аналогичным связям, установленным в ходе более ранних исследований

[18; 19]. Следовательно, валидность короткой версии опросника прокрастинации с учетом всех рассмотренных переменных доказана. Короткая версия надежна, так как является частью полной версии.

Заключение

В результате исследования сконструирована короткая версия опросника прокрастинации. Она удовлетворяет основным критериям валидности и надежности и обладает лучшими психометрическими характеристиками по сравнению с исходной версией опросника.

Практическая значимость проведенного исследования состоит в обосновании того, что короткая версия опросника прокрастинации, по сравнению с его полной версией, позволяет собрать большее количество данных, причем более высокого качества.

Библиографические ссылки

1. Шейнов ВП. Связи зависимости от смартфона с состояниями и свойствами личности. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2020;4:120–127. DOI: 10.33581/2521-6821-2020-4-120-127.
2. Шейнов ВП. Зависимость от социальных сетей и характеристики личности: обзор исследований. *Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика*. 2021;18(3):607–630. DOI: 10.22363/2313-1683-2021-18-3-607-630.
3. Шейнов ВП. Взаимосвязи зависимости от смартфона с психологическими и социально-психологическими характеристиками личности: обзор зарубежных исследований. *Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика*. 2021;18(1):235–253. DOI: 10.22363/2313-1683-2021-18-1-235-253.
4. Варваричева ЯИ. Феномен прокрастинации: проблемы и перспективы исследования. *Вопросы психологии*. 2010;3:121–131.
5. Herzog AR, Bachman JG. Effects of questionnaire length on response quality. *Public Opinion Quarterly* [Internet]. 1981 [cited 2023 December 05];45(4):549–559. Available from: <http://www.jstor.org/stable/2748903>.
6. Galesic M, Bosnjak M. Effects of questionnaire length on participation and indicators of response quality in a web survey. *Public Opinion Quarterly*. 2009;73(2):349–360. DOI: 10.1093/poq/nfp031.
7. Шейнов ВП. Адаптация и валидизация опросника «шкала зависимости от смартфона» для русскоязычного социума. *Системная психология и социология*. 2020;3(35):75–84. DOI: 10.25688/2223-6872.2020.35.3.6.
8. Шейнов ВП, Девицын АС. Разработка надежного и валидного опросника зависимости от социальных сетей. *Системная психология и социология*. 2021;2(38):41–55. DOI: 10.25688/2223-6872.2021.38.2.04.
9. Райгородский ДЯ, редактор-составитель. *Практическая психодиагностика. Методики и тесты*. Самара: Издательский дом «Бахрах-М»; 2022. 672 с.
10. Гордеева ТО, Сычев ОА, Осин ЕН. Опросник «шкалы академической мотивации». *Психологический журнал*. 2014;35(4):96–107.
11. Ling Li, Haiyin Gao, Yanhua Xu. The mediating and buffering effect of academic self-efficacy on the relationship between smartphone addiction and academic procrastination. *Computers & Education*. 2020;159:104001. DOI: 10.1016/j.compedu.2020.104001.
12. Yang Z, Asbury K, Griffiths MD. An exploration of problematic smartphone use among Chinese university students: associations with academic anxiety, academic procrastination, self-regulation and subjective wellbeing. *International Journal of Mental Health and Addiction*. 2019;17:596–614. DOI: 10.1007/s11469-018-9961-1.
13. Im I, Jang K. The convergence influence of excessive smartphone use on attention deficit, learning environment, and academic procrastination in health college students. *Journal of the Korea Convergence Society*. 2017;8(12):129–137. DOI: 10.15207/JKCS.2017.8.12.129.
14. Wang J, Wang P, Yang X, Zhang G, Wang X, Zhao F, et al. Fear of missing out and procrastination as mediators between sensation seeking and adolescent smartphone addiction. *International Journal of Mental Health and Addiction*. 2019;17:1049–1062. DOI: 10.1007/s11469-019-00106-0.
15. Suárez-Perdomo A, Ruiz-Alfonso Z, Garcés-Delgado Y. Profiles of undergraduates' networks addiction: difference in academic procrastination and performance. *Computers & Education*. 2022;181:104459.
16. Przepiorka A, Blachnio A, Cudo A. Procrastination and problematic new media use: the mediating role of future anxiety. *Current Psychology*. 2023;42(7):5169–5177.
17. Ch'ng LTX, Hoo PYS. Relationship between social media addiction levels and academic procrastination among undergraduate students in Malaysia: grit as the mediator. *Advanced Journal of Social Science*. 2022;11(1):13–27. DOI: 10.21467/ajss.11.1.13-27.
18. Caratiquit KD, Caratiquit LJC. Influence of social media addiction on academic achievement in distance learning: intervening role of academic procrastination. *Turkish Online Journal of Distance Education*. 2023;24(1):1–19. DOI: 10.17718/tojde.1060563.
19. Руднова НА. Мотивационные предикторы прокрастинации на рабочем месте. В: Грачев АА, Журавлев АЛ, Занковский АН, редакторы. *Материалы III Международной научно-практической конференции «Современное состояние и перспективы развития психологии труда и организационной психологии»; 14–15 октября 2021 г.; Москва, Россия*. Москва: Институт психологии РАН; 2021. с. 943–958.
20. Tisocco F, Liporace MF. Structural relationships between procrastination, academic motivation, and academic achievement within university students: a self-determination theory approach. *Innovative Higher Education*. 2023;48(2):351–369.

References

1. Sheinov VP. Relationship of smartphone dependence with personal states and properties. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2020;4:120–127. Russian. DOI: 10.33581/2521-6821-2020-4-120-127.
2. Sheinov VP. Social media addiction and personality: a review of research. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 2021;18(3):607–630. Russian. DOI: 10.22363/2313-1683-2021-18-3-607-630.

3. Sheinov VP. Smartphone addiction and personality: review of international research. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 2021;18(1):235–253. Russian. DOI: 10.22363/2313-1683-2021-18-1-235-253.
4. Varvaricheva YaI. The procrastination phenomenon: problems and prospects for research. *Voprosy psikhologii*. 2010;3:121–131. Russian.
5. Herzog AR, Bachman JG. Effects of questionnaire length on response quality. *Public Opinion Quarterly* [Internet]. 1981 [cited 2023 December 05];45(4):549–559. Available from: <http://www.jstor.org/stable/2748903>.
6. Galesic M, Bosnjak M. Effects of questionnaire length on participation and indicators of response quality in a web survey. *Public Opinion Quarterly*. 2009;73(2):349–360. DOI: 10.1093/poq/nfp031.
7. Sheinov VP. Adaptation and validation of the questionnaire «scale of dependence on the smartphone» for the Russian-speaking society. *Systemic Psychology and Sociology*. 2020;3(35):75–84. Russian. DOI: 10.25688/2223-6872.2020.35.3.6.
8. Sheinov VP, Dziavitsyn AS. The development of a reliable and valid social media dependence questionnaire. *Systemic Psychology and Sociology*. 2021;2(38):41–55. Russian. DOI: 10.25688/2223-6872.2021.38.2.04.
9. Raigorodskii DYa, editor-compiler. *Prakticheskaya psikhodiagnostika. Metodiki i testy* [Practical psychodiagnostics. Methods and tests]. Samara: Izdatel'skii dom «Bakhrakh-M»; 2022. 672 p. Russian.
10. Gordeeva TO, Sychev OA, Osin EN. «Academic motivation scale» questionnaire. *Psychological Journal*. 2014;35(4):96–107. Russian.
11. Ling Li, Haiyin Gao, Yanhua Xu. The mediating and buffering effect of academic self-efficacy on the relationship between smartphone addiction and academic procrastination. *Computers & Education*. 2020;159:104001. DOI: 10.1016/j.compedu.2020.104001.
12. Yang Z, Asbury K, Griffiths MD. An exploration of problematic smartphone use among Chinese university students: associations with academic anxiety, academic procrastination, self-regulation and subjective wellbeing. *International Journal of Mental Health and Addiction*. 2019;17:596–614. DOI: 10.1007/s11469-018-9961-1.
13. Im I, Jang K. The convergence influence of excessive smartphone use on attention deficit, learning environment, and academic procrastination in health college students. *Journal of the Korea Convergence Society*. 2017;8(12):129–137. DOI: 10.15207/JKCS.2017.8.12.129.
14. Wang J, Wang P, Yang X, Zhang G, Wang X, Zhao F, et al. Fear of missing out and procrastination as mediators between sensation seeking and adolescent smartphone addiction. *International Journal of Mental Health and Addiction*. 2019;17:1049–1062. DOI: 10.1007/s11469-019-00106-0.
15. Suárez-Perdomo A, Ruiz-Alfonso Z, Garcés-Delgado Y. Profiles of undergraduates' networks addiction: difference in academic procrastination and performance. *Computers & Education*. 2022;181:104459.
16. Przepiorka A, Blachnio A, Cudo A. Procrastination and problematic new media use: the mediating role of future anxiety. *Current Psychology*. 2023;42(7):5169–5177.
17. Ch'ng LTX, Hoo PYS. Relationship between social media addiction levels and academic procrastination among undergraduate students in Malaysia: grit as the mediator. *Advanced Journal of Social Science*. 2022;11(1):13–27. DOI: 10.21467/ajss.11.1.13-27.
18. Caratiquit KD, Caratiquit LJC. Influence of social media addiction on academic achievement in distance learning: intervening role of academic procrastination. *Turkish Online Journal of Distance Education*. 2023;24(1):1–19. DOI: 10.17718/tojde.1060563.
19. Rudnova N. [Motivational predictors of procrastination in the workplace]. In: Grachev AA, Zhuravlev AL, Zankovskii AN, editors. *Materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya psikhologii truda i organizatsionnoi psikhologii»; 14–15 oktyabrya 2021 g.; Moskva, Rossiya* [Proceedings of the 3rd International scientific and practical conference «Current state and prospects of development of labour psychology and organisational psychology»; 2021 October 14–15; Moscow, Russia]. Moscow: Institute of Psychology RAS; 2021. p. 943–958. Russian.
20. Tisocco F, Liporace MF. Structural relationships between procrastination, academic motivation, and academic achievement within university students: a self-determination theory approach. *Innovative Higher Education*. 2023;48(2):351–369.

Статья поступила в редакцию 06.12.2023.
Received by editorial board 06.12.2023.

ЮБИЛЕИ

JUBILEES

Анатолий Геннадьевич
ЗЛОТНИКОВ

Anatolii Gennad'evich
ZLOTNIKOV

Ведущему белорусскому демографу, кандидату экономических наук Анатолию Геннадьевичу Злотникову 16 мая исполнилось 80 лет. За его плечами – многолетняя научная деятельность, посвященная социолого-демографическому осмыслению социальной действительности. Анатолий Геннадьевич обладает ярко выраженными лидерскими качествами. Этот харизматичный человек никогда не идет на сделку с совестью, его аналитические прогнозы всегда аргументированы и выверены. Он стал свидетелем трагедии на Чернобыльской АЭС, поэтому множество работ посвятил скрупулезному исследованию ее последствий. В первые же дни после аварии он занимался проведением замеров, собирал факты, в том числе путем включенного наблюдения. Его статья «Демографическая ситуация в Гомельской области (последствия аварии на ЧАЭС)», опубликованная в авторитетном научном журнале «Социологические исследования» в 1990 г., вызвала большой читательский интерес.

Анатолий Злотников – выходец из простой рабочей семьи, познавший все трудности жизни на собственном опыте. Его отец, Геннадий Григорье-

вич Злотников, погиб смертью храбрых 2 августа 1944 г. при освобождении Латвии. Анатолий окончил среднюю школу № 25 г. Гомеля. Во время срочной службы в составе Группы советских войск в Германии раскрылись организаторские качества молодого человека: в запас он увольнялся с должности заместителя командира взвода в звании старшего сержанта. После службы в армии А. Г. Злотников работал фрезеровщиком на заводе «Гомсельмаш». В 1967 г. он поступил на отделение философии исторического факультета Белорусского государственного университета, который окончил с отличием в 1972 г.

Свою профессиональную карьеру молодой специалист Анатолий Злотников начал с работы социологом на старейшей в Беларуси швейной фабрике «Знамя индустриализации» (Витебск) и только через несколько лет занялся исключительно научной и преподавательской деятельностью. В 1974–1975 гг. А. Г. Злотников работал научным сотрудником Научно-исследовательского института экономики и экономико-математических методов планирования при Госплане БССР (сегодня Научно-исследовательский экономический институт Министерства экономики

Республики Беларусь), в 1975–1982 гг. – в отделении этого института в Гомеле. С 1982 г. по настоящее время он работает в Белорусском торгово-экономическом университете потребительской кооперации (до 2002 г. – Гомельский кооперативный университет).

Анатолий Геннадьевич всю жизнь находится в постоянном поиске ответов на новые вызовы времени. Он очень любит общаться с людьми, а его открытость, общительность и отзывчивость притягивают к нему окружающих. Природная любознательность, смелость общения всегда открывали перед ученым новые горизонты для поиска. В 1978 г. А. Г. Злотников в числе первых среди белорусских социологов защитил кандидатскую диссертацию по специальности «прикладная социология» на тему «Социально-экономические проблемы регулирования текучести рабочих промышленности (на материалах промышленных городов БССР)».

Как в жизни, так и в науке А. Г. Злотников проявляет решительность и смелость. Он не раз выступал в качестве организатора научных проектов национального масштаба, первым из отечественных социологов начал изучать социальные последствия аварии на Чернобыльской АЭС и продолжает эту работу до сих пор, разрабатывая все новые темы государственной комплексной программы научных исследований Республики Беларусь.

Анатолий Геннадьевич является автором более 500 научных публикаций (в том числе 5 индивидуальных монографий), опубликованных не только в Беларуси, но и в России, Молдове, Сербии и на Украине. Сферами социологического анализа ученого являются прикладная, экономическая, региональная, этническая социология, а также социология катастрофы на Чернобыльской АЭС. Особое вни-

мание А. Г. Злотников уделяет демографическим проблемам (репродуктивному поведению, миграции, продолжительности жизни населения). Он занимается изучением трансформации миграционной ориентации граждан Беларуси, выросших в новых политических и социально-экономических условиях, а также анализом разноплановых последствий белорусской миграции в социально-экономических процессах страны.

Результаты научных исследований А. Г. Злотникова использованы при разработке документа «Основные направления социально-экономического развития Республики Беларусь на 1996–2000 гг.», а также Закона Республики Беларусь от 4 января 2002 г. № 80-З «О демографической безопасности Республики Беларусь». Талантливый социолог отмечен рядом наград, среди которых Почетная грамота Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь (2016). Кроме того, он удостоен стипендии Президента Республики Беларусь за выдающийся вклад в социально-экономическое развитие государства (2012).

Несмотря на возраст и жизненные невзгоды, Анатолий Геннадьевич остается востребованным преподавателем, исследователем и публицистом. Он наверняка доброжелательный и отзывчивый человек. Друзья и коллеги А. Г. Злотникова могут искренне сказать, что ему есть чем гордиться.

Дорогой Анатолий Геннадьевич, поздравляем Вас с юбилеем! Ждем Ваших новых и как всегда глубоких статей для нашего издания, ждем Ваших выступлений на конференциях и круглых столах, ждем простого дружеского общения с Вами. Спасибо за труд!

*А. Н. Данилов*¹

¹Александр Николаевич Данилов – доктор социологических наук, член-корреспондент НАН Беларуси, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Alexander N. Danilov, doctor of science (sociology), corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: a.danilov@tut.by

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 316.61(075.8)

Павлова Е. Г. **Социология личности** [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-23 01 05 «Социология» / Е. Г. Павлова ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2024. 62 с. Библиогр.: с. 60–62. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/310056>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 11.03.2024, № 004711032024.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) «Социология личности» подготовлен в соответствии с требованиями образовательного стандарта по специальности «социология», учебной программой по дисциплине «Социология личности» для студентов гуманитарного профиля учреждений высшего образования. ЭУМК содержит тексты лекций, контрольные вопросы, темы семинарских занятий, рефератов, эссе и заданий для индивидуальной и групповой работы, вопросы к зачету, список рекомендуемой литературы.

УДК 316(075.8)

Социология [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. общ. высш. и спец. высш. образования / БГУ ; сост.: Н. В. Курилович, А. А. Похомова. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2024. 51 с. Библиогр.: с. 50–51. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/311909>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 10.05.2024, № 008210052024.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальностей общего высшего и специального высшего образования. Содержание ЭУМК предполагает освоение обучающимися теоретических, методологических и прикладных вопросов современной социологической науки.

УДК 316.77(075.8)

Курилович Н. В. **Социология массовой коммуникации** [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 1-23 01 05 «Социология», 6-05-0314-01 «Социология» / Н. В. Курилович ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2024. 52 с. : табл. Библиогр.: с. 51–52, библиогр. в подстр. примеч. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/313378>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 10.06.2024, № 008610062024.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальностей 1-23 01 05 «Социология» и 6-05-0314-01 «Социология». Содержание ЭУМК предполагает освоение обучающимися категорий, теорий, концепций и методов социологии массовой коммуникации.

УДК 316(091)(075.8)

Курилович Н. В. **История отечественной социологии** [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 1-23 01 05 «Социология», 6-05-0314-01 «Социология» / Н. В. Курилович ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2024. 94 с. Библиогр.: с. 92–94, библиогр. в подстр. примеч. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/313380>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 10.06.2024, № 008710062024.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальностей 1-23 01 05 «Социология» и 6-05-0314-01 «Социология». Содержание ЭУМК предполагает освоение обучающимися истории зарождения и развития отечественной социологии.

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

<i>Данилов А. Н.</i> Профессия, «расколдовывающая» общество: кафедре социологии БГУ 35 лет	4
--	---

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

<i>Румянцева Т. Г.</i> Две стратегии прочтения проекта вечного мира И. Канта: космополитизм vs этатизм	9
<i>Дождикова Р. Н.</i> Когнитивно-аксиологические идеи И. Канта и обыденное познание	14
<i>Лобастов Г. В.</i> От воспоминаний к философии: к 100-летию Э. В. Ильенкова	22

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

<i>Бабосов Е. М., Баньковская Ю. Л.</i> Онтологические основания философско-социологического осмысления информационной войны	29
<i>Смоляков Д. А., Хуан Янь.</i> Внешняя политика Китая в условиях глобальной турбулентности на примере реформы институтов Конфуция	35

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

<i>Злотников А. Г.</i> Современная миграционистика Беларуси	41
<i>Титаренко Л. Г.</i> Культура использования цифровых инновационных технологий студентами: проблемы и риски	52
<i>Шкурова Е. В., Новицкий Е. Н., Цэцэнбилэг Ц.</i> Особенности цифровых практик молодежи в Беларуси и Монголии	58

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

<i>Шейнов В. П., Девицын А. С.</i> Короткая версия опросника прокрастинации: надежность, валидность, факторная структура	68
--	----

ЮБИЛЕИ

Анатолий Геннадьевич Злотников	77
Аннотации депонированных в БГУ работ	79

CONTENTS

EDITORIAL-IN-CHIEF COLUMN

<i>Danilov A. N.</i> A profession that «unravels» society: the department of sociology of the Belarusian State University is 35 years old.....	4
--	---

ARTICLES AND REPORTS

<i>Rumyantseva T. G.</i> Two strategies for reading the project of the eternal peace by I. Kant: cosmopolitanism vs statism	9
<i>Dozhdikova R. N.</i> I. Kant's cognitive axiological ideas and everyday cognition	14
<i>Lobastov G. V.</i> From memories to philosophy: on the 100 th anniversary of E. V. Il'enkov.....	22

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

<i>Babosov E. M., Bankouskaya Yu. L.</i> The ontological foundations of the philosophical and sociological understanding of the information war	29
<i>Smaliakou D. A., Huang Yan.</i> China's foreign policy in an era of global turbulence: examining the reform of Confucius institutes	35

REFLECTIONS ON A GIVEN THEME

<i>Zlotnikov A. G.</i> Modern migration studies of Belarus.....	41
<i>Titarenko L. G.</i> The culture of using digital innovative technologies by students: problems and risks	52
<i>Shkurova A. V., Navitsky Ya. N., Tsetsenbileg Ts.</i> Features of digital practices of youth in Belarus and Mongolia	58

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

<i>Sheinov V. P., Dziavitsyn A. S.</i> Short version of the procrastination questionnaire: reliability, validity, factor structure	68
--	----

JUBILEES

Anatolii Gennad'evich Zlotnikov	77
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU	79

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по социологическим, политическим и философским наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), China National Knowledge Infrastructure.

**Журнал Белорусского
государственного университета. Социология.
№ 2. 2024**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.
E-mail: jsociol@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology>

«Журнал Белорусского государственного
университета. Социология» издается с сентября 1997 г.
До 2017 г. выходил под названием «Социология»
(ISSN 2071-0968).

Редактор *Е. В. Жерносек*
Технический редактор *Н. Ю. Окуневец*
Корректор *С. Р. Пинчук*

Подписано в печать 28.06.2024.
Тираж 78 экз. Заказ 622.

Республиканское унитарное предприятие
«СтройМедиаПроект».
ЛП № 02330/71 от 23.01.2014.
Ул. В. Хоружей, 13/61, 220123,
г. Минск, Республика Беларусь.

© БГУ, 2024

**Journal
of the Belarusian State University. Sociology.
No. 2. 2024**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Correspondence address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.
E-mail: jsociol@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology>

«Journal of the Belarusian State University. Sociology»
published since September, 1997.
Until 2017 named «Sotsiologiya»
(ISSN 2071-0968).

Editor *E. V. Zhernosek*
Technical editor *N. Yu. Okunevets*
Proofreader *S. R. Pinchuk*

Signed print 28.06.2024.
Edition 78 copies. Order number 622.

Republic Unitary Enterprise
«StroiMediaProekt».
License for publishing No. 02330/71, 23 January, 2014.
13/61 V. Haruzhaj Str.,
Minsk 220123, Republic of Belarus.

© BSU, 2024